М 900/427

Suum cuique
Всякому свое
ИЗ КНИГ А.М. МАКАРОВА.
ИЛ

1877-1878 г.г.

1259

347/192

ВОСПОМИНАНІЯ ОРДИНАРЦА

о войнѣ 1877—1878 г.

1891

В. М. Вонлярлярскій.

Глубокоуважаемому
Сергею Николаевичу
Сыромятникову
на добрую память
от автора

31 марта 98
С. Петербург

ВОСПОМИНАНІЯ ОРДИНАРЦА.

6 л. илл. (карт)
3/XI 50.

М 900/427

ВО
Км

В. М. Вонлярлярскій.

ВОСПОМИНАНІЯ ОРДИНАРЦА

о войнѣ 1877—1878 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Коммерческая Скоропечатня преемн. Евгенія Тиле, Благовѣщ. площ., № 5.

1891.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 5 Февраля 1891 года.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

12593-65

1500218760

ГЛАВА I.

Отъѣздъ изъ Петербурга.—Кишиневъ.

Зимою 1877 года начали поговаривать о возможности войны съ Турціей. Я служилъ въ то время въ кавалергардскомъ полку; весьма увлекался военнымъ дѣломъ и мечталъ о томъ, какъ бы попасть въ дѣйствующую армію, которая была только что мобилизована. Судя по разговорамъ, нашъ полкъ не долженъ былъ итти въ походъ, и я ломалъ себѣ голову, куда бы мнѣ пристроиться, чтобы побывать на войнѣ.

Наконецъ я рѣшилъ попытать счастія: обратился къ моему полковому командиру, свиты Е. И. В. генералъ-маіору Алексѣю Павловичу Игнатьеву, и просилъ его имѣть меня въ виду на случай, если изъ нашего полка потребуютъ офицеровъ въ дѣйствующую армію.

1-го или 2-го апрѣля 1877 года позвалъ меня Алексѣй Павловичъ къ себѣ, объявилъ, что при-

шло распоряженіе назначить отъ нашего полка одного офицера въ кадры предполагаемаго болгарскаго ополченія, и предложилъ мнѣ эту командировку. При моемъ живомъ характерѣ, перспектива быть инструкторомъ братушекъ и пробыть, быть можетъ, всю войну гдѣ нибудь въ кадрахъ не особенно мнѣ улыбалась. Я попросилъ позволенія повременить отвѣтомъ и подумать въ теченіи двухъ дней, чтобы имѣть возможность разузнать, въ чемъ будутъ заключаться обязанности офицеровъ, вызываемыхъ въ эти кадры.

Къ сожалѣнію, я ничего не могъ узнать и былъ въ большомъ затрудненіи, что отвѣтить на любезное предложеніе генерала. Счастливая звѣзда меня выручила. Какъ разъ въ тотъ день, когда я долженъ былъ дать рѣшительный отвѣтъ, на разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ пронеслась радостная вѣсть, что Великій Князь, главнокомандующій дунайскою арміею, вызываетъ къ себѣ ординарцами 10 офицеровъ изъ разныхъ гвардейскихъ полковъ, въ числѣ которыхъ изъ нашего полка былъ я. Восторгу моему не было границъ. Кромѣ лестнаго для самолюбія назначенія состоять при Великомъ Князѣ, котораго всѣ мы офицеры любили какъ отца, эта неожиданная милость разрубала гордіевъ узелъ и блистательнымъ образомъ выручала меня изъ кадровъ болгарскаго ополченія, будущность которыхъ была совершенно неизвѣстна.

Всѣмъ намъ, назначеннымъ ординарцамъ *), велѣно было черезъ три дня уже выѣхать изъ Петербурга. Надо было собраться, подыскать годныхъ для похода лошадей, наконецъ, распрощаться съ родными и товарищами — на всѣ эти сборы давалось три дня.

Я рѣшилъ взять съ собой деньщика, рядоваго кавалергардскаго полка, Тычинскаго, стараго камердинера Максима и двухъ верховыхъ лошадей. Одна изъ нихъ у меня была на лицо: это былъ крупный донской конь гнѣдой масти, вершковъ четырехъ росту, замѣчательный по силѣ; второй подходящей лошади у меня не было.

Случай меня снова выручилъ: мнѣ удалось купить у бывшаго нашего полковаго командира, генералъ-адъютанта Гринвальда, чистокровнаго англійскаго жеребца «Лорда». Генералъ продалъ мнѣ его изъ любезности, какъ своему однополчанину, отправляющемуся на войну. Имѣя этихъ двухъ лошадей, я считалъ себя обезпеченнымъ,

*) Ординарцами назначены были:
гв. кон. артил. шт.-кап. Андреевскій,
кавалергардскаго полка шт.-ротм. Вонлярлярскій,
л.-гв. коннаго — шт.-ротм. Фелицынъ,
» » корн. Рыдзевскій,
л.-гв. драгунскаго полка шт.-кап. Клайгельсъ,
л.-гв. гусарскаго — ротм. Бенкендорфъ,
л.-гв. гродненскаго гусарскаго — ротм. Цуриковъ,
л.-гв. уланскаго — ротм. Евреиновъ,
» » шт.-ротм. графъ Штакельбергъ,
» » корн. Дерфельденъ.

и, дѣйствительно, эти прелестные кони, не одинъ разъ, давали мнѣ возможность дѣлать быстрыя и дальнія поѣздки и, послѣ 13 мѣсяцевъ боевой службы, оба вернулись со мною въ Петербургъ; изъ нихъ донецъ, на конской выставкѣ 1879 года, въ Петербургѣ, получилъ даже премію за хорошія формы и свѣжесть.

Много времени отняли у насъ хлопоты по полученію «предложеній» (даровыхъ билетовъ) на переѣздъ до Кишинева. Эти три дня пролетѣли съ неимовѣрною быстротою; я былъ какъ въ туманѣ. Наконецъ, отъѣздъ нашъ былъ назначенъ на 9-ое апрѣля, въ 12 часовъ дня. При отвратительной погодѣ — шелъ мокрый снѣгъ — мы всѣ, вновь назначенные ординарцы, весело выѣхали изъ Петербурга, въ особомъ поѣздѣ, вмѣстѣ съ нашими людьми и лошадьми.

Быстро сошлись мы другъ съ другомъ и незамѣтно проѣхали 4 дня до Кишинева. Въ товарищеской бесѣдѣ всякій изъ насъ хотѣлъ нарисовать картину предстоящей службы, о которой мы имѣли весьма смутное понятіе. Наше воображеніе рисовало намъ будущее самыми фантастическими красками. Одинъ изъ товарищей, неистощимый и прекрасный разсказчикъ, штаб.-ротм. л.-гв. уланскаго полка С. Н. Евреиновъ съ большимъ юморомъ изображалъ намъ дѣятельность ординарцевъ во время сраженія. Бой въ полномъ разгарѣ... Орудійная пальба грозно потрясаетъ

воздухъ, вдали слышна команда начальниковъ частей... Великій Князь, окруженный свитою, стоитъ на курганѣ, откуда видно все расположеніе нашихъ и непріятельскихъ войскъ. Каждый изъ насъ ждетъ, что вотъ-вотъ его подзоветъ главнокомандующій и отправитъ съ какимъ нибудь приказаніемъ впередъ. «Такой-то», раздается голосъ Великаго Князя: «поѣзжай и передай № полку приказаніе атаковать непріятельскія траншеи»! Ординарецъ беретъ подъ козырекъ, поворачиваетъ коня налѣво кругомъ, оріентируется и съ мѣста пускается въ карьеръ по назначенному направленію — совершенно, какъ въ Красномъ селѣ на маневрахъ.

Мы очень смѣялись этому разсказу, приправленному массой остротъ и шутокъ насчетъ могущаго быть настроенія духа у скачущаго въ огонь ординарца; но, въ сущности, другаго представленія о боѣ не могли себѣ составить, такъ какъ всѣ были новичками въ этомъ дѣлѣ.

12-го апрѣля мы прибыли въ Кишиневъ. Была чудная погода, солнце грѣло какъ лѣтомъ. Переодѣвшись, мы поспѣшили явиться къ главнокомандующему. Его Императорское Высочество очень милостиво насъ принялъ, поздравилъ съ назначеніемъ и обратился къ намъ съ нѣсколькими словами, въ которыхъ высказалъ, что требуетъ чтобы мы жили дружно между собою, чтобы не было картежной игры и попоекъ, чтобы точно

исполняли Его порученія и держали бы въ безусловной тайнѣ все, что будетъ намъ поручено или передано. Кто не выполнитъ этихъ условій, тотъ немедленно будетъ высланъ изъ арміи. Все это было сказано коротко и отечески строго; Великій Князь насъ обласкалъ и сразу такъ очаровалъ, что каждый изъ насъ былъ готовъ изъ кожи лѣзть, чтобы Ему угодить. Впослѣдствіи каждый разъ, когда намъ приходилось ѣхать въ командировку, Великій Князь, прощаясь, благословлялъ и цѣловалъ насъ; вернувшись, мы должны были итти къ Нему съ рапортомъ во всякое время дня и ночи, безъ доклада.

Въ теченіе всей зимы 1877 года Великій Князь проболѣлъ, и мы ожидали найти въ немъ большую перемѣну. Дѣйствительно, Онъ похудѣлъ, но сохранилъ ту же величественную осанку, которая напоминала нашимъ отцамъ покойнаго Государя Николая Павловича; тотъ же чарующій голосъ, который имѣлъ даръ располагать къ себѣ людей. Никогда Великій Князь не показывалъ, что страдаетъ, несмотря на жестокіе приступы нервной боли.

Наканунѣ нашего пріѣзда прибылъ въ Кишиневъ Государь, и на 12-ое апрѣля былъ назначенъ парадъ всѣмъ находившимся вблизи войскамъ, которымъ и велѣно было собраться на скаковомъ полѣ. По приказанію Государя, преосвященный Павелъ прочелъ манифестъ объ объявленіи войны

Турціи, послѣ чего былъ отслуженъ съ особою торжественностью молебенъ, и начался церемоніальный маршъ. Стройно проходили, въ боевомъ составѣ, роты и эскадроны, которые поражали нашъ непривычный глазъ своимъ длиннымъ фронтомъ. На этомъ смотру впервые участвовали вновь сформированные кадры болгарскаго ополченія. По окончаніи смотра Государь объѣзжалъ войска, милостиво разговаривалъ съ офицерами и солдатами и при отъѣздѣ сказалъ: «Прощайте... до свиданія! возвращайтесь скорѣе со славою, да хранитъ васъ Богъ!» Раздалось оглушительное ура. Шапки полетѣли въ воздухъ, воодушевленіе было невообразимое — описать его невозможно потому, что это такія минуты, которыя надо пережить и прочувствовать, чтобъ ихъ понять и оцѣнить.

Вскорѣ, по распоряженію штаба, насъ, ординарцевъ, раздѣлили на партіи, по два офицера; на двухъ офицеровъ, по штату, полагался пароконный фургонъ, который какъ ковчегъ долженъ былъ заключать въ себѣ все наше имущество. Моимъ однофургонникомъ оказался штабсъ-капитанъ л.-гв. драгунскаго полка Н. В. Клайгельсъ, котораго я ранѣе совсѣмъ не зналъ, что не помѣшало намъ весьма дружно прожить весь походъ. Наша служба пока заключалась въ томъ, чтобы выѣзжать верхомъ всюду, гдѣ бывалъ Великій Князь, на всякій смотръ или объѣздъ

войскъ, почти ежедневно проходившихъ черезъ Кишиневъ, и затѣмъ въ очередь дежурить при Его Высочествѣ.

Въ свободное время мы часто выѣзжали за городъ, въ степь, и тренировали нашихъ лошадей, подготовляя ихъ къ походу. Надо было подумать и о фургонѣ. Купили мы съ Клайгельсомъ колонистскую телѣгу, придѣлали къ ней верхъ, купили пару лошадей и весьма скоро привели въ въ порядокъ наши перевозочныя средства. Въ этомъ фургонѣ помѣщалась палатка для насъ, tente abri *) для людей, два чемодана, вьюки, самоваръ, топоръ, лопата и кое-какая сухая провизія. Насъ предупредили, что, пока мы находимся въ главной квартирѣ, будемъ имѣть столъ у Великаго Князя, но, когда будемъ въ командировкѣ, то должны заботиться о своемъ продовольствіи сами. Не забыли мы также захватить съ собою запасные круги подковъ и ковочный инструментъ, безъ котораго, понятно, плохо пришлось бы намъ въ походѣ.

По приказанію начальника штаба дѣйствующей арміи, каждый изъ насъ долженъ былъ представить свою фотографическую карточку, на которой ген.-маіор. Левицкимъ **) было прописано удостовѣреніе о личности, и приложена была печать

*) Tente abri — палатка малаго размѣра, принятая въ войскахъ.

**) Помощникъ начальника штаба дѣйствующей арміи.

штаба. Эта карточка должна была служить письменнымъ доказательствомъ нашего служебнаго положенія на случай, еслибы пришлось передавать изустныя приказанія Великаго Князя.

Вскорѣ получилъ я первую командировку: отвезти маршруты и распоряженія выступать въ походъ войскамъ, расположеннымъ въ г. Дубно, Луцкѣ и Замостьѣ. Эту командировку я долженъ былъ сдѣлать по желѣзной дорогѣ и на перекладныхъ. Меня, никогда не бывавшаго въ западномъ краѣ, очень заинтересовали дубовые лѣса Волыни и эта чудная, живописная часть Россіи. Но медлить было невозможно, я страшно торопился скорѣе вернуться въ Кишиневъ, боясь, чтобъ Великій Князь не выступилъ оттуда безъ меня. По возвращеніи я нашелъ уже много новаго. Все, что совершалось на театрѣ военныхъ дѣйствій, держали въ штабѣ въ величайшей тайнѣ, такъ что мы узнавали новости съ большимъ трудомъ. Тѣмъ не менѣе я услышалъ о быстромъ занятія Барбошскаго моста полковникомъ Струковымъ, о перестрѣлкѣ, которую мы имѣли на Дунаѣ, о минныхъ загражденіяхъ и, наконецъ, пришла телеграмма о томъ, что удачнымъ выстрѣломъ*) съ одной изъ нашихъ батарей, расположенныхъ близь Браилова, былъ взорванъ турец-

*) Этотъ выстрѣлъ былъ произведенъ подпоруч. 7-го сапернаго батальона Романовымъ.

кій мониторъ «Лютфи-Джелиль». Было общее ликованіе по поводу этого перваго успѣха, при чемъ устроилась первая товарищеская попойка; я говорю первая потому, что вторая и послѣдняя была 19-го Января въ Адріанополѣ, въ день заключенія перемирія. Вотъ, на сколько скроменъ былъ нашъ походный образъ жизни.

Наконецъ, 30-го апрѣля объявили намъ, что Великій Князь съ начальникомъ штаба ген.-адъют. Непокойчицкимъ и ограниченнымъ числомъ свиты выступаетъ завтра въ Плоэшти. Остальной главной квартирѣ было предписано эшелонами двигаться по желѣзной дорогѣ туда же. Съ однимъ изъ подобныхъ эшелоновъ двинулись и мы, ординарцы, съ нашими лошадьми и вьюками. Фургонъ нашъ долженъ былъ итти съ обозомъ главной квартиры и догнать насъ въ Плоэшти. Не буду описывать нашего переѣзда по желѣзной дорогѣ, всѣхъ неурядицъ, которыя господствовали въ желѣзнодорожномъ управленіи; скажу лишь одно, что эта злополучная дорога была построена въ Румыніи знаменитымъ Струсбергомъ. Весенній разливъ и усиленное движеніе поѣздовъ привели ее въ такое отвратительное состояніе, что надо удивляться, какъ она выдержала передвиженіе всей нашей арміи. Переѣзжая Румынскую границу, каждый снялъ фуражку и перекрестился; затѣмъ, грянуло ура, дружно подхваченное и остальными ѣдущими съ

нами въ поѣздѣ. Впереди была полная неизвѣстность, кому изъ насъ суждено вернуться домой невредимымъ,... тѣмъ не менѣе всѣмъ было легко на душѣ.

Не помню, на какой-то станціи, уже въ Румыніи, нашъ поѣздъ остановили, заявивъ, что дальше ѣхать нельзя, такъ какъ мостъ на пути размытъ водою. Подобная задержка насъ страшно разбѣсила; не долго думая, мы выгрузили нашихъ лошадей, верхомъ направились по шоссе на слѣдующую станцію, съ большимъ трудомъ добились составленія новаго поѣзда и двинулись далѣе.

ГЛАВА II.

Плоэшти.

Наконецъ, мы прибыли въ Плоэшти, маленькій румынскій городокъ, который былъ до того переполненъ войсками, управленіями, штабами, транспортами, обозами, что походилъ на огромный военный лагерь.

Каждый день весь штабъ и главная квартира завтракали и обѣдали у Великаго Князя — это было нашимъ клубомъ, въ которомъ всѣ встрѣчались, узнавали новости и знакомились другъ съ другомъ. Эти обѣды, съ чисто семейнымъ характеромъ, были для насъ связующимъ звеномъ во время всего похода. Великій Князь держалъ себя весьма просто и принималъ всегда участіе въ разговорѣ. Послѣ жаркого неизмѣнно раздавалась команда Его Высочества: «вынимай па-тронъ»! что означало позволеніе курить. При этомъ слогъ «тронъ» произносился всѣми обѣдующими хо-

ромъ, что приводило въ замѣшательство тѣхъ, кто въ первый разъ присутствовалъ при этомъ. Иные долго не могли привыкнуть одновременно съ другими прокричать «тронъ» и опаздывали, — это всегда служило поводомъ къ дружному смѣху. За столомъ постоянно играла военная музыка, и, съ переходомъ главной квартиры въ Плоэшти, пѣли румынскіе цыгане. Почему-то любимымъ ихъ напѣвомъ было: «Ich bin der kleine postillon» Этотъ мотивъ надѣлалъ разъ не мало смѣху. Какъ то за обѣдомъ присутствовалъ Румынскій князь Карлъ. Великій Князь провозгласилъ тостъ за его здоровье, и музыкантамъ было велѣно играть румынскій гимнъ. Капельмейстеръ, не разслышавъ приказанія, или не зная этого гимна, вдругъ заигралъ: «Ich bin der kleine postillon», т. е., тотъ напѣвъ, который мы ежедневно слышали отъ румынскихъ цыганъ. Все это было объяснено тѣмъ, что капельмейстеръ не понялъ приказанія и эта неловкость сгладилась, хотя послѣдующее поведеніе румынъ было такъ опереточно, что эта ошибка музыкантовъ являлась злымъ и ѣдкимъ сарказмомъ.

Въ бытность нашу въ Плоэшти, было получено извѣстіе о подвигѣ лейтенантовъ Дубасова и Шестакова — всѣ мы завидовали нашимъ героямъ-морякамъ и съ нетерпѣніемъ ждали, когда наконецъ то и намъ придется понюхать пороху. Въ свободное время я занялся изученіемъ румын-

скаго, болгарскаго и турецкаго языковъ, что впослѣдствіи мнѣ весьма пригодилось. Насъ всѣхъ очень удивило, что большинство размѣнной серебряной монеты въ Румыніи были старые Екатерининскіе рубли, полтинники и четвертаки — эти вещественныя доказательства нашихъ прежнихъ турецкихъ войнъ. Солдаты быстро научились считать на франки и галаганы. (Галаганъ — это французскій су). Имъ первый разъ пришлось столкнуться съ курсомъ нашего кредитнаго рубля, и они весьма оригинально объясняли это явленіе: «вишь, бѣдный народъ какой», говорили они, «за нашъ рубль даже сполна заплатить не могутъ, а даютъ только шесть гривенъ. Да откуда и взять то!» Se non è vero è ben trovato.

Изъ штаба дѣйствующей арміи намъ выдали двѣ книжки, изъ которыхъ одна называлась: «Балканы», другая — «Маршруты» *). Эти книги должны были насъ познакомить съ будущимъ театромъ военныхъ дѣйствій, о которомъ мы не имѣли ни малѣйшаго понятія. Къ сожалѣнію, не много могли мы изъ нихъ почерпнуть, и Болгарія оставалась для насъ совершенно неизвѣданной страной. Я помню, напримѣръ, какъ насъ пугали фанатизмомъ турокъ, остерегали, что непріятель будетъ отравлять колодцы, и потому рекомендовали быть осторожными при употребле-

*) Изданіе военно-ученаго комитета Главнаго Штаба 1877 г.

нiи воды. Вмѣсто того оказалось послѣ переправы черезъ Дунай, что въ Болгарiи колодцевъ почти нѣтъ, а есть фонтаны, обдѣланные камнемъ, съ написанными на нихъ изреченiями Корана. Изъ маленькаго отверстiя течетъ чистая какъ хрусталь вода: отравить фонтанъ невозможно, да и врядъ-ли какой турокъ рѣшится это сдѣлать, потому что всякiй мусульманинъ считаетъ его священнымъ и даже тому, кто устроитъ подобный фонтанъ, Коранъ обѣщаетъ рай Магомета.

Наконецъ, 12-го мая зовутъ меня къ помощнику начальника штаба ген.-м. Левицкому.

«По приказанiю Великаго Князя главнокомандующаго», сказалъ онъ, «на васъ, вмѣстѣ съ штабсъ-ротм. Евреиновымъ, возлагается весьма серьезное порученiе: рекогносцировать дорогу отъ Бухареста до Руше-де-Веде. Это, собственно, дѣло офицеровъ генеральнаго штаба, но, въ настоящее время, они всѣ находятся въ развѣдочныхъ партiяхъ на Дунаѣ. Великiй Князь надѣется, что вы будете въ состоянiи это сдѣлать. Поѣзжайте въ Бухарестъ и обратитесь къ министру внутреннихъ дѣлъ, который дастъ вамъ свободный пропускъ и рекомендацiи къ мѣстнымъ властямъ, дабы по вашему требованiю немедленно исправили тѣ мосты и гати, которые вы найдете въ плохомъ состоянiи. Отъ Бухареста на Руше-де-Веде идутъ двѣ дороги: одна на Болентинъ и Обедени, другая на Бригадиръ. Рекогносцируйте ту и другую, выберите

удобнѣйшую, сдѣлайте маршрутную съемку, назначьте переходы и бивуаки и телеграфируйте мнѣ результатъ возможно скорѣе. Порученіе это спѣшное: по этому пути долженъ прослѣдовать 9-й корпусъ».

Крайне польщенные подобной командировкой, отправились мы съ Евреиновымъ въ Бухарестъ, захвативъ съ собой, конечно, лошадей, деньщиковъ и двухъ вѣстовыхъ, которыхъ намъ дали изъ Государева конвоя.

Министръ внутреннихъ дѣлъ весьма любезно насъ принялъ, выдалъ всѣ нужныя бумаги и предписанія мѣстнымъ властямъ и распорядился назначить намъ проводниками двухъ кавалеристовъ каларашей: унтеръ-офицера и рядоваго.

На слѣдующій день, въ 6 часовъ утра мы выѣхали съ Евреиновымъ изъ Бухареста и раздѣлились на двѣ партіи: онъ отправился на Болентинъ, а я взялъ южнѣе, на Бригадиръ. Часовъ въ 5 вечера, мы съ нимъ съѣхались въ Вадулату; онъ сдѣлалъ около 50, а я около 40 верстъ.

Дорога, по которой Евреиновъ ѣхалъ, оказалась неудобной, а потому съемки онъ не дѣлалъ — мнѣ же пришлось сдѣлать 40 верстъ, маршрутной съемки. Переночевавъ въ Вадулату, мы съ разсвѣтомъ двинулись вмѣстѣ и къ ночи прибыли въ Руше-де-Веде, сдѣлавъ въ этотъ день 75 верстъ. Такъ какъ телеграфа въ этомъ мѣстѣ не оказалось, то мы на другой день направились въ

Александрію, откуда и телеграфировали ген.-м. Левицкому маршрутъ для движенія 9-го корпуса. Въ Руше-де-Веде я успѣлъ перечертить набѣло всю нашу съемку, обозначивъ количество колодцевъ на каждомъ бивуакѣ, состояніе мостовъ, гатей, переправъ и прочія подробности. Я останавливаюсь на этой рекогносцировкѣ такъ долго потому, что въ техническомъ военномъ отношеніи она не лишена интереса. Въ теченіе двухъ дней мы сдѣлали около 115 верстъ рекогносцировки и маршрутной съемки. Сопровождавшій насъ румынъ унтеръ-офицеръ подъ конецъ отъ усталости уже не могъ за нами слѣдовать. Я помню, какъ одинъ изъ нашихъ вѣстовыхъ, терскій казакъ Никитинъ, привелъ въ восторгъ этихъ румынъ кавалеристовъ. Отъѣхавъ верстъ 40 отъ Вадулату и видя, что румыны пріуныли, онъ захотѣлъ передъ ними хвастнуть.

«Дозвольте, Ваше Высокоблагородіе, джигитнуть?» обратился онъ къ намъ. Получивъ разрѣшеніе, онъ пустилъ лошадь вскачь, соскочилъ съ нея, сѣлъ опять, какъ будто нечаянно потерялъ папаху, вернулся за ней, на всемъ скаку ее поднялъ, затѣмъ круто осадилъ коня и подъѣхалъ къ намъ.

«Что, *кларашъ,* такъ можешь?» обратился онъ къ румынамъ, гордо вскинувъ на нихъ глазомъ.

Эти горе-кавалеристы никогда въ жизни ничего подобнаго не видали, разинули рты и пришли въ неописанный восторгъ. «Трудно бу-

детъ туркамъ», говорили они, «воевать съ подобными молодцами!»

Вездѣ, гдѣ мы проѣзжали, населеніе и землевладѣльцы встрѣчали насъ весьма радушно; но мы такъ торопились, что отклоняли всякое приглашеніе остановиться. Изъ Александріи направились мы черезъ Бею въ Журжево, на пути приблизились къ Дунаю и впервые увидѣли турецкій берегъ. Насъ поразила ширина рѣки, которая въ то время еще не вошла въ свои берега и съ замѣчательною быстротою несла массу мутной воды. Румынскій берегъ низменный, а противуположный турецкій—нагорный. Вотъ туда то и направились пытливо наши взоры: кое-гдѣ могли мы различить бѣлыя остроконечныя палатки турецкихъ караульныхъ постовъ.

«Такъ вотъ гдѣ начнется», промелькнуло у насъ въ головѣ. «Какъ же мы будемъ переправляться? неужели вплавь?» Мнѣ тогда припомнился совѣтъ одного товарища, еще въ Петербургѣ, непремѣнно купить спасательный поясъ, чтобы не утонуть на переправѣ черезъ Дунай.

Здѣсь встрѣтили мы кавказскую казачью бригаду, которая по этому участку держала посты и разъѣзды. Бригада состояла изъ 2-го кубанскаго и владикавказскаго конно-казачьихъ полковъ, съ присоединеннымъ къ послѣднему однимъ дивизіономъ осетинъ: люди, молодецъ къ молодцу — каждый былъ джигитъ, лошади прекрасныя, сухія,

выдержанныя. Эта бригада произвела на насъ самое отрадное впечатлѣніе.

Рущукскія батареи давно постреливали по Журжеву и, проѣзжая по улицамъ, мы замѣтили уже кое-какія поврежденія въ этомъ городѣ.

Времени терять намъ было нельзя: мы сѣли на желѣзную дорогу и поспѣшили вернуться въ Плоэшти, гдѣ представили нашу работу начальнику штаба.

26-го Мая прибылъ въ Плоэшти Государь. Тѣмъ временемъ шли дѣятельныя приготовленія къ переправѣ. Главнокомандующій былъ озабоченъ передвиженіемъ къ Дунаю войскъ по нѣсколькимъ направленіямъ, дабы обмануть непріятеля и скрыть отъ него пунктъ предстоящей переправы.

Всѣхъ насъ, адъютантовъ и ординарцевъ, Великій Князь разослалъ по разнымъ отрядамъ. Для Государя были приготовлены экипажи и подставы лошадей по направленію къ Турну-Магурели. Пунктъ для переправы былъ выбранъ, но хранился въ такой тайнѣ, что никто изъ насъ ничего не зналъ. 9-му корпусу, подъ командой ген.-лейт. барона Криднера, было предписано слѣдовать изъ Бухареста на Руше-де-Веде и Турну. Меня судьба связала съ этимъ корпусомъ. Я получилъ приказаніе, вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ Клайгельсомъ, догнать 5-ую пѣхотную дивизію 9-го армейскаго корпуса, которая уже

выступила изъ Бухареста, слѣдовать съ нею къ Дунаю и затѣмъ къ 13-му іюня прибыть въ мѣстѣчко Драча, гдѣ былъ назначенъ сборный пунктъ главной квартиры.

5-ую пѣхотную дивизію нашли мы близъ Бачіу; явились къ начальнику дивизіи генералъ-лейтенанту Шильдеръ-Шульднеру, и были имъ весьма любезно приняты. Онъ разъ навсегда пригласилъ насъ къ себѣ обѣдать; я до сихъ поръ съ удовольствіемъ вспоминаю тѣ дни, которые провелъ въ походѣ по Румыніи со штабомъ 5-ой пѣхотной дивизіи. Генералъ Шильдеръ-Шульднеръ былъ небольшаго роста, совсѣмъ бѣлый, какъ лунь, старикъ, добрый, заботливый, любившій горячо свою дивизію и, въ свою очередь, любимый всѣми своими подчиненными. Начальникъ 5-ой артиллерійской бригады ген.-маіоръ Похитоновъ былъ типъ русскаго воина; по наружности онъ напоминалъ скорѣе помѣщика, чѣмъ генерала: у него было характерное, чисто русское лицо, окаймленное большою русою бородою; держалъ онъ себя очень просто, не суетился, но у него, какъ говорится, дѣло спорилось въ рукахъ. Это была поистинѣ душа дивизіи. Оба генерала жили весьма дружно — отношенія между ними были совершенно родственныя.

Мы ежедневно выступали съ бивуака съ послѣднимъ эшелономъ, обгоняли войска и затѣмъ, по пріѣздѣ на слѣдующій бивуакъ, начальникъ

дивизіи пропускалъ мимо себя весь отрядъ церемоніальнымъ маршемъ. Это была чудная дивизія: рослый народъ, много георгіевскихъ кавалеровъ, побывавшихъ уже въ Средней Азіи!... Впервые мнѣ пришлось итти походомъ съ армейцами, и я былъ пораженъ примѣрной дисциплиной, уваженіемъ къ начальству и порядкомъ, которыя встрѣтилъ. Какъ любитель военнаго дѣла, я не могъ налюбоваться ими и, дѣйствительно, они доказали впослѣдствіи, что были настоящими молодцами. Архангелогородскій полкъ, напримѣръ, до Адріанополя перемѣнилъ три комплекта людей, потерялъ въ бою двухъ полковыхъ командировъ, и изъ числа офицеровъ, съ которыми я теперь шелъ по Румыніи, лишь немногіе дошли до Санъ-Стефано, большинство осталось на поляхъ Болгаріи.

5-ая артиллерійская бригада отличалась также замѣчательнымъ порядкомъ: люди, лошади, амуниція, — все было въ образцовомъ видѣ. Данило Даниловичъ Похитоновъ былъ знатокъ своего дѣла и, по-истинѣ, отецъ-командиръ.

Мнѣ было пріятно убѣдиться, что наша маршрутная съемка была составлена совершенно вѣрно: войска двигались безъ задержекъ, мосты по нашему указанію уже были исправлены, и на каждомъ бивуакѣ хватало въ колодцахъ воды.

Въ Руше-де-Веде разстались мы съ нашими радушными генералами, и затѣмъ направились въ мѣстечко Драча. Мнѣ съ моимъ однофургонни-

комъ становилось ясно, что переправа черезъ Дунай будетъ безъ насъ, и что наша колонна дѣлаетъ только демонстрацію къ Никополю. Въ Драчѣ нашли мы почти всю главную квартиру въ сборѣ.

ГЛАВА III.

Переправа.

14-го іюня, часовъ въ 8 вечера, меня позвали къ начальнику штаба ген.-адъют. Непокойчицкому. «Получите отъ ген. Левицкаго пакетъ на имя командира 9-го корпуса», сказалъ онъ мнѣ, «и отправляйтесь немедленно въ Турну, гдѣ найдете барона Криднера».

Была темная, южная ночь. Съ большимъ трудомъ добрался я съ вѣстовымъ казакомъ до Турну, но барона Криднера тамъ не оказалось. Я нашелъ только командира 31-ой пѣхотной дивизіи генерала Вельяминова, который объяснилъ мнѣ, что баронъ Криднеръ находится въ деревнѣ Сяка и готовится къ переправѣ.

Отъ рѣки ложился густой туманъ, огней нигдѣ не было. Я выбрался на дорогу и, обгоняя двигающуюся въ темнотѣ артиллерію, нашелъ наконецъ барона Криднера, которому и передалъ пакетъ. Это, какъ оказалось потомъ, было приказаніе быть готовымъ къ переправѣ черезъ Дунай, но не двигаться впредь до распоряженія.

«Доложите Великому Князю», сказалъ мнѣ генералъ, «что у насъ все готово къ переправѣ».

Съ этимъ отвѣтомъ, ночью же, я вернулся въ Драчу.

15-го рано утромъ Государь съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ выѣхалъ изъ Слатина, а главнокомандующій со штабомъ изъ Драчи къ Турну и съѣхались въ виду Дуная, на Грапавскомъ курганѣ, позади Фламунды.

Прошелъ слухъ, что переправа совершилась у Систова, и все обошлось благополучно.

Въ это утро наши Фламундскія батареи усердно бомбардировали Никополь, но это все была лишь демонстрація, дабы отвлечь вниманіе непріятеля отъ мѣста настоящей переправы. Съ нетерпѣніемъ ждали мы прибытія нашего товарища Евреинова, который долженъ былъ привезти подробное донесеніе. Уже походный телеграфъ соединилъ возвышенность, на которой стоялъ Великій Князь, съ Зимницей и безпрестанно работалъ, принося все утѣшительныя вѣсти. Наконецъ, около 9-ти часовъ утра на взмыленномъ конѣ прискакалъ Евреиновъ съ радостнымъ извѣстіемъ, что переправа совершилась и гораздо удачнѣе и легче, чѣмъ ожидали.

«Спасибо тебѣ, молодецъ!» сказалъ Евреинову Государь, «ты, я думаю, усталъ и проголодался, такъ пойди въ мою палатку и закуси, чѣмъ Богъ послалъ».

Къ вечеру обѣ главныя квартиры вернулись на ночлегъ въ Драчу.

Изъ донесеній, привезенныхъ послѣдовательно шт.-ротм. графомъ Штакельбергомъ, ротм. Бенкендорфомъ, пор. Дерфельденомъ и кап. Ласковскимъ, состоявшими въ распоряженіи генерала Драгомирова и бывшими свидѣтелями и участниками переправы, оказалось, что дѣло было сдѣлано блистательно и съ сравнительно небольшимъ урономъ. Вмѣсто предполагавшихся нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, мы потеряли лишь 800 человѣкъ, выбывшими изъ строя. Государь поздравилъ главнокомандующаго съ первой побѣдой надъ врагомъ и пожаловалъ Его кавалеромъ ордена Св. Георгія 2-ой степени, а начальника штаба ген.-адъют. Непокойчицкаго — 3-ей степени.

Восторгъ былъ всеобщій: кричали ура, бросали шапки на воздухъ, и мы даже качали Великаго Князя, который обратился къ намъ при этомъ съ слѣдующими словами.

«А я васъ еще не благодарилъ; вы думаете, что малую услугу мнѣ оказываете? Посылая васъ съ порученіемъ, я будто самъ ѣду. Выбирая васъ, я зналъ, кого беру, и не ошибся. Спасибо вамъ, друзья мои!»

На слѣдующій день мы были уже въ Зимницѣ. Впервые мы увидѣли изнанку войны: перевязочные пункты, лазареты, сестеръ милосердія и хирурговъ

съ засученными рукавами и въ запачканныхъ кровью балахонахъ.

Съ большимъ вниманіемъ выслушивали мы восторженные разсказы участниковъ боя и различные отдѣльные эпизоды переправы. Патроновъ выпущено было мало—работали больше штыкомъ. Все было ново, все было интересно. Не дай Богъ, думалось мнѣ, попасть на ампутаторскій столъ, лучше ужъ, если суждено, то быть убитымъ наповалъ.

16-го іюня Великій Князь переправился черезъ Дунай на понтонѣ, на которомъ очутился и я. Тамъ встрѣтилъ главнокомандующаго генералъ Драгомировъ, виновникъ торжества. Весьма картинно доложилъ онъ подробности боя. Онъ просилъ прощенія у Великаго Князя за свиты Е. И. В. ген.-маіора М. Д. Скобелева, который, безъ разрѣшенія главнокомандующаго, самовольно явился въ Зимницу передъ переправой, принялъ въ ней участіе въ качествѣ ординарца ген. Драгомирова и, какъ боевой генералъ, много помогъ Михаилу Ивановичу оріентироваться въ бою.

«Ваше Императорское Высочество», сказалъ ген. Драгомировъ: «ему обязанъ я тѣмъ, что узналъ, что турки разбиты, и что мы побѣдили—я самъ не могъ отдать себѣ въ томъ отчета. Онъ мнѣ весьма помогъ».

Дѣйствительно, благодаря заступничеству Михаила Ивановича, Великій Князь простилъ Ско-

белева, которому грозила высылка изъ дѣйствующей арміи, и войска сохранили будущаго народнаго героя.

Какъ я уже говорилъ, пунктъ, выбранный Великимъ Княземъ для переправы, хранился въ глубочайшей тайнѣ. Всѣмъ офицерамъ, подъ страхомъ строгаго взысканія и даже высылки изъ арміи, было предписано находиться при своихъ отрядахъ и отнюдь не переѣзжать въ другой, такъ какъ это могло выдать туркамъ намѣренія главнокомандующаго. Михаилъ Димитріевичъ былъ въ то время начальникомъ штаба сводной казачьей дивизіи, которая была подъ командой его отца ген.-лейт. Скобелева. Онъ долженъ былъ находиться на своемъ посту въ Журжевѣ, но не выдержалъ: его нервная натура не могла усидѣть въ бездѣйствіи почти рядомъ съ боемъ. Онъ, несмотря на грозившее ему наказаніе, всетаки прибылъ къ ген. Драгомирову наканунѣ переправы и принялъ, какъ я уже говорилъ, въ ней дѣятельное участіе.

Немного спустя переправился и Государь. Мы сѣли на какихъ-то казачьихъ лошадей и двинулись къ Систову. По дорогѣ, которая шла по пересѣченной мѣстности, изрѣзанной канавами и поросшей кое-гдѣ кустами или покрытой виноградниками, валялись трупы, ружья, патроны: слѣды недавняго сраженія. Шпалерами по сторонамъ дороги стояли солдатики 14-ой пѣхотной дивизіи, герои переправы. Лица у нихъ были крас-

ныя, разгорѣвшіяся, слегка ошалѣлыя: видъ солдата, побывавшаго въ огнѣ. Это уже не былъ солдатъ мирнаго времени —было въ этихъ лицахъ что-то особенное, новое, бросившееся мнѣ въ глаза.

Странное, нехорошее ощущеніе испыталъ я при видѣ убитыхъ турокъ: къ моему удивленію, они не внушали жалости. Это не были свои, а «онъ»,... непріятель. Подобное равнодушіе къ убитому врагу, должно быть, чувствовалъ не я одинъ; вѣроятно, это необъяснимое чувство и даетъ человѣку возможность безъ жалости убивать себѣ подобныхъ. Впослѣдствіи, когда нервы мои притупились, и я перевидалъ не одну тысячу убитыхъ, все же это первое впечатлѣніе не измѣнилось. Мнѣ всегда было жаль только своихъ, а на турокъ я смотрѣлъ, какъ на восковыя фигуры въ музеѣ. Солдатики наши оглядывали непріятеля съ любопытствомъ и, вѣроятно, невольно отдавались тому же безотчетному чувству, которое испытывалъ и я.

При въѣздѣ въ Систово, насъ встрѣтило болгарское духовенство съ крестнымъ ходомъ. Музыка заиграла маршъ. Меня непріятно поразило, что болгарскіе попы, повернувшись кругомъ, послѣ провозглашенія многолѣтія Государю, въ полномъ облаченіи и съ крестомъ, пошли впереди насъ, отбивая ногу въ тактъ. Они дѣлали это, быть можетъ, непроизвольно, потому что трудно, вообще, итти не въ тактъ музыки, но всетаки странно

какъ-то было видѣть духовныхъ лицъ, парадирующихъ впереди войска. Недолго пробыли мы въ Систовѣ и вернулись въ Зимницу.

Вскорѣ пришли съ Дона 20 лошадей, которыхъ Великій Князь выписалъ для своей свиты. Нуждаясь во вьючной лошади, я пріобрѣлъ себѣ за 150 рублей прекраснаго бураго мерена и съ тѣхъ поръ, имѣя трехъ лошадей, горѣлъ желаніемъ поскорѣе попасть въ какую нибудь командировку.

ГЛАВА IV.

Первый бивуакъ на непріятельской землѣ. Тырново. Первая дальняя командировка.

Мостъ еще не былъ наведенъ, и войска продолжали переправляться черезъ Дунай на плотахъ и понтонахъ. Въ кавалеріи ощущался сильный недостатокъ, и въ это время былъ поданъ проэктъ Великому Князю, въ которомъ предлагали переправить кавалерійскую часть вплавь и совершить рейдъ по направленію къ Никополю и Виддину, чтобъ освѣтить мѣстность и нагнать панику на непріятеля. Предпріятіе это, какъ крайне рискованное, было отклонено. Тогда ген. Скобелевъ, одинъ изъ сторонниковъ подобной переправы, желая доказать, что это возможно, раздѣлся, сѣлъ верхомъ на коня и въ рубашкѣ, съ однимъ георгіевскимъ крестомъ на шеѣ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ охотниковъ осетинъ и казаковъ владикавказскаго коннаго полка, пустился черезъ Дунай. Два раза онъ чуть не утонулъ и съ неимовѣрными усиліями добрался таки

до другаго берега. Его лошадь пала через нѣсколько часовъ, и онъ убѣдился самъ въ невыполнимости этого предложенія. Съ нимъ переплылъ еще одинъ казакъ, остальные охотники были отбиты теченіемъ и вернулись обратно на румынскій берегъ.

Наконецъ, понтонный мостъ былъ наведенъ, главная квартира выступила изъ Зимницы, перешла Дунай, и первый нашъ бивуакъ на турецкой землѣ былъ въ Царевичѣ.

Между тѣмъ, день и ночь переправлялись войска. Отрядъ Наслѣдника Цесаревича сосредоточивался по направленію Рущука, становясь заслономъ; 9-ый корпусъ, подъ командой ген.-лейт. барона Криднера, былъ направленъ къ западу на Плевно-Никополь; а летучій отрядъ *), подъ начальствомъ ген.-лейт. Гурко, былъ направленъ на Тырново; за нимъ потянулся и 8-й корпусъ.

*) Въ составъ этого отряда входили: стрѣлковая бригада, 6 дружинъ болгарскаго ополченія, 2 сотни пластуновъ, 2 пѣшихъ горныхъ батареи.

Драгунская бригада: полки — астраханскій и казанскій съ 16 кон. батареею, подъ начальствомъ герцога Евгенія Максимиліановича Лейхтенбергскаго.

Сводная кавалерійская бригада: полки — кіевскій гусарскій и донской № 30, съ 10-ою донскою бат., подъ нач. герцога Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго.

Донская бригада: полки — № 21 и 26, съ донскою № 15 бат., подъ начальствомъ полковника Чернозубова.

Сводный гв. полуэскадронъ, конно-піонерный отрядъ и 1 сотня уральцевъ.

Затѣмъ къ нему была присоединена еще одна бригада 9-ой пѣх. дивизіи: полки — елецкій и сѣвскій.

На другой или третій день послѣ перехода главной квартиры черезъ Дунай, вечеромъ былъ я посланъ отвезти къ Наслѣднику Цесаревичу 4 пуда воззваній къ Болгарскому народу. Понятно, подобную ношу свезти верхомъ было невозможно: мнѣ заложили какую-то одноколку, и вотъ я, вдвоемъ съ конюхомъ, ночью, пускаюсь въ путь по непріятельской странѣ, какъ по собственному имѣнію. Все это казалось страннымъ. Гдѣ же непріятель? Какъ же онъ позволяетъ намъ такъ безцеремонно разъѣзжать по его землѣ?

Я нашелъ штабъ Рущукскаго отряда близъ Павла, куда Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ только-что прибылъ. Я имѣлъ счастіе представиться Его Императорскому Высочеству и лично передать привезенныя воззванія; затѣмъ, согласно приказанію главнокомандующаго, я долженъ былъ, не возвращаясь на нашъ бивуакъ, догнать главную квартиру на слѣдующемъ переходѣ, въ Акчаирѣ. Въ Царевичъ пришло извѣстіе, что ген. Гурко уже занялъ Тырново. Усиленными переходами быстро двинулись мы на Иванчу и Поликраэшти, и 30-го іюня Великій Князь вступилъ въ древнюю столицу Болгаріи. Населеніе встрѣтило насъ восторженно, кричали: «ура, живе Царь Александръ! живе Княже Никола!» бросали цвѣты. Надо отдать справедливость нашимъ солдатикамъ— они вели себя примѣрно и расплачивались за все, забираемое въ лавкахъ; правда, за грабежъ ихъ

ожидало строгое наказаніе. Братушки воспользовались этимъ обстоятельствомъ и драли за все втридорога.

Во время переходовъ до Тырнова, Великій Князь ѣхалъ съ начальникомъ штаба въ коляскѣ, на четверкѣ вороныхъ жеребцовъ, а вся свита въ живописныхъ группахъ ѣхала верхами кругомъ. Въ конвоѣ былъ одинъ батальонъ пѣхоты, дивизіонъ лейбъ-казаковъ и терскій эскадронъ Государева конвоя подъ начальствомъ ротм. Колюбакина, автора извѣстной пѣсни:

«Съ Богомъ, терцы, не робѣя,
Смѣло въ бой пойдемъ, друзья!
Бейте, рѣжьте, не жалѣя,
Басурманина-врага.
Тамъ, далеко за Балканы,
Русскій много разъ шагалъ,
Покоряя вражьи станы,
Гордыхъ турокъ побѣждалъ.
Такъ идемъ путемъ прадѣдовъ
Лавры, славу добывать;
Смерть за Вѣру, за Россію
Можно съ радостью принять.
День двѣнадцатый апрѣля
Будемъ помнить мы всегда;
Какъ нашъ Царь, Отецъ Державный,
Брата къ намъ подвелъ тогда.
Какъ Онъ, полный Царской мочи,
Съ отуманеннымъ челомъ,
«Берегите», сказалъ, «Брата,
Будьте каждый молодцемъ.

Если нужно будетъ въ дѣло
Николаю васъ пустить,
То идите въ дѣло смѣло,
Дѣдовъ славы не срамить».
Съ Богомъ, братцы, не робѣя,
Смѣло въ бой пойдемъ, друзья!
Бейте, рѣжьте, не жалѣя,
Басурманина-врага».

Мы шли, какъ по родной матушкѣ Россіи: безъ особыхъ мѣръ предосторожности. Вмѣсто разоренной, выжженной страны, кишащей башибузуками и черкесами, мы нашли богатую, цвѣтущую растительность, большіе запасы хлѣба, сѣна и соломы, стада всякаго скота, роскошныя пастбища; одно, что напоминало войну, — это, что турецкія селенія всѣ были пусты, жители-турки бѣжали, а ихъ имуществомъ преспокойно завладѣли братушки болгары.

Къ этому времени относится знаменитое изреченіе Императора Вильгельма, который, поздравляя Государя съ успѣшной переправой, занятіемъ Тырнова, Хайнкіоя, Шипки, Ловчи, писалъ: «Wo sind aber die Feinde?» *).

Планъ главнокомандующаго состоялъ въ томъ, чтобы быстрымъ движеніемъ впередъ овладѣть проходами черезъ Балканы у Шипки и Хайнкіоя и, врѣзавшись македонскою фалангою въ непрія-

*) «Но гдѣ же непріятель?»

тельскую страну, раздѣлить превосходившія насъ численностью турецкія арміи, а затѣмъ бить ихъ по частямъ. Къ сожалѣнію вскорѣ выяснилось, что войска у насъ слишкомъ мало. Между тѣмъ паника за Балканами была страшная. Въ Адріанополѣ стали уже укладывать архивы и бумаги въ присутственныхъ мѣстахъ. «Неужели война кончится, а я такъ ничего и не увижу?», приходило мнѣ въ голову.

На другой день, 1-го іюля, зовутъ меня къ главнокомандующему.

«Я уже давно не имѣю извѣстій отъ Криднера», сказалъ Великій Князь: «онъ съ своимъ корпусомъ идетъ отъ Систова на Никополь-Плевно. Левицкій тебѣ укажетъ, гдѣ его найти; передашь ему пакетъ, который получишь изъ штаба, и затѣмъ привезешь отъ него свѣдѣнія о томъ, что онъ намѣренъ дѣлать».

Затѣмъ Великій Князь меня поцѣловалъ и отпустилъ. Ген. Левицкій объяснилъ мнѣ, что баронъ Криднеръ долженъ быть, въ настоящее время, вблизи д. Стижерова или Пятикладенцевъ, далъ въ мое распоряженіе 6 лейбъ-казаковъ и вручилъ пакетъ.

Сборы мои были не долги. Около 10 часовъ утра я выѣхалъ изъ Тырнова, захвативъ, кромѣ казаковъ, своего деньщика съ вьючною лошадью. Жара была палящая. Я поѣхалъ заднимъ слѣдомъ, по пройденному нами пути, и къ вечеру добрался до Акчаира, гдѣ рѣшилъ переночевать.

Казаки добыли себѣ гдѣ-то барана на ужинъ, но между ними не оказалось ни одного мастера-рѣзака. Стали пилить бѣдному животному горло тупымъ перочиннымъ ножемъ и никакъ не могли его зарѣзать. На счастіе, подвернулся какой-то болгаринъ.

«Умѣешь барана зарѣзать? спросилъ я его.

«Чекай, братушка, чекай малко», (постой братецъ, постой немного), проговорилъ онъ и куда то исчезъ.

Черезъ нѣсколько минутъ явился онъ съ отлично отточеннымъ ножемъ и какой-то довольно длинною дудкою, моментально зарѣзалъ барана, продѣлалъ ему дырочку въ кожѣ на животѣ, вставилъ дудку и сталъ дуть. Мы съ любопытствомъ и недоумѣніемъ смотрѣли на эту процедуру. По мѣрѣ того какъ онъ дулъ, баранъ все надувался и, наконецъ, обратился совершенно въ бурдюкъ; тогда онъ хлопнулъ его по брюху, и шкура разомъ отдѣлилась отъ туши. Ловкимъ взмахомъ ножа онъ сдѣлалъ надрѣзъ и снялъ шкуру чулкомъ: все это было исполнено замѣчательно ловко и быстро. Тогда казаки сварили себѣ нѣчто въ родѣ спартанской похлебки, которую я при всемъ голодѣ ѣсть не могъ.

На слѣдующій день, съ разсвѣтомъ, я двинулся дальше, но ни въ Стижеровѣ, ни въ Пятикладенцахъ барона Криднера не оказалось. Зной былъ ужасный: болѣе 40° по Реомюру. Мои казаки и

лошади утомились, — продолжать движеніе, не передохнувъ, было невозможно. Здѣсь я нашелъ, расположенный на бивуакѣ, транспортъ съ провіантомъ, выпросилъ у интендантскаго чиновника пустую подводу; велѣлъ моимъ людямъ отдохнуть, выкормить лошадей и затѣмъ догнать меня по холодку; а самъ поѣхалъ далѣе на Марховицу, куда по добытымъ мною свѣдѣніямъ перешелъ 9-й корпусъ.

Въ 4 часа дня я былъ у барона Криднера. Генерала на бивуакѣ не было, онъ объѣзжалъ позиціи, — мнѣ пришлось его подождать. Тѣмъ временемъ я узналъ, что на завтра предполагается взятіе крѣпости Никополя штурмомъ. Тутъ встрѣтилъ я свиты Е. И. В. ген.-маіора И. Н. Толстого, который, по приказанію Государя, состоялъ при 9-мъ корпусѣ. Онъ зналъ меня съ дѣтства, такъ какъ служилъ въ преображенскомъ полку, въ батальонѣ моего отца. Крайне обрадовался я знакомому лицу и особенно тому ласковому, сердечному пріему, который ген. Толстой мнѣ оказалъ. Онъ пригласилъ меня въ свою палатку, накормилъ, напоилъ и даже посовѣтовалъ барону Криднеру оставить меня при себѣ на предстоящій штурмъ. Радость моя была чрезвычайная. Наконецъ я попадаю въ дѣло. Зная, что придется послѣ боя ѣхать съ донесеніемъ къ Великому Князю, я постарался разузнать, что дѣлалъ 9-й корпусъ до моего пріѣзда и получить всѣ диспозиціи по отряду.

Того согласія между начальниками, которое я видѣлъ въ 5-й пѣх. дивизіи, не замѣчалось между барономъ Криднеромъ и его начальникомъ штаба ген.-маіор. Шнитниковымъ: у нихъ дѣло какъ-то не клеилось, по крайней мѣрѣ, таково было мое первое впечатлѣніе. Баронъ Криднеръ былъ высокій, сѣдой старикъ; онъ не отличался словоохотливостью и говорилъ съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ. Я его часто видѣлъ, цѣлыми часами, молча шагающимъ взадъ и впередъ около своей палатки, обдумывая предстоящія рѣшенія. Генералъ Шнитниковъ былъ также пожилой человѣкъ, съ бѣлой окладистой бородой, весьма живой и дѣятельный. Его отношенія къ барону Криднеру показались мнѣ настолько натянутыми, что онъ врядъ-ли могъ быть настоящимъ помощникомъ своему корпусному командиру.

Всѣ мои мысли были направлены на то, чтобы, вернувшись къ Великому Князю, сумѣть подробно отвѣтить на всѣ Его вопросы. Ложась спать, ген. Толстой обращается ко мнѣ и говоритъ:

«Я радъ, что судьба привела меня быть въ первый разъ въ бою съ вами, сыномъ моего бывшаго товарища и командира. Велите приготовить себѣ на завтра чистое бѣлье, и прочтемте главу изъ Евангелія».

Я прослушалъ чтеніе Священнаго Писанія и, утомленный отъ переѣзда, захрапѣлъ, къ его удивленію, богатырскимъ сномъ. Вообще, я вѣрилъ

въ свою судьбу, въ солдатскій образокъ, который носилъ на груди,—образокъ, сохранившій одного солдатика во время всей Севастопольской обороны; и мысль о смерти не приходила мнѣ въ голову.

Уже поздно ночью разбудили меня громкіе разговоры въ нашей палаткѣ. Это былъ начальникъ артиллерійскихъ парковъ, который до сихъ поръ не получалъ приказаній и просилъ ген. Толстого за него заступиться.

Обозы были направлены по другому маршруту, который не былъ своевременно измѣненъ штабомъ 9-го корпуса: о нихъ забыли. Вообще, диспозиція на предстоящій штурмъ во всѣ части войскъ пришла очень поздно. Кромѣ ген. Толстого, я засталъ при баронѣ Криднерѣ нѣсколько иностранныхъ военныхъ агентовъ: двухъ пруссаковъ, австрійца, датчанина и японца*). Мнѣ хочется подробно разсказать этотъ штурмъ и потому, я долженъ вернуться назадъ и выяснить, что дѣлалъ 9-й корпусъ до 3-го іюля, т. е. до ночи наканунѣ штурма.

*) Пруссаки: полковникъ графъ Ведель и маіоръ Вильомъ (нынѣ состоитъ при Особѣ Государя Императора), австріецъ капитанъ Болла, датчанинъ полковникъ Гедеманъ и японецъ капитанъ Ямазава.

ГЛАВА V.

Штурмъ Никополя.

Въ составъ отряда барона Криднера входили:

5-я пѣхотная дивизія—полки: архангелогородскій, вологодскій, костромской и галицкій.

31-я пѣхотная дивизія—полки: пензенскій, тамбовскій, козловскій и воронежскій, (воронежскій п. съ 3-й бат. 5-ой артил. бр. остался у Систова для охраны моста) 5-я и 31-я артиллерійскія бригады и 2-я донская конная батарея.

Бугскій уланскій полкъ, казачій № 9 полкъ, 5 сотенъ казачьяго № 34 полка. Одна рота 5-го сапернаго батальона и, наконецъ, *сводная кавказская казачья бригада* съ конно-горною батареею.

Съ этими войсками баронъ Криднеръ двинулся къ Никополю на селенія: Орѣшъ, Татары, Пятикладенцы, Новачи и Марховицу. Кавказская казачья бригада входила сначала въ составъ передоваго отряда ген.-лейт. Гурко, затѣмъ была отдана въ вѣдѣніе нач. 35-ой пѣхот. дивизіи и съ 24-го іюня поступила въ распоряженіе командира

9-го корпуса. Она должна была освѣщать мѣстность по направленію Сельви-Плевно и также — стараться войти въ связь съ 8-мъ корпусомъ.

Движеніе этого отряда отъ Зимницы началось лишь 24-го іюня, такъ какъ 9-й корпусъ былъ задержанъ два дня на переправѣ.

Жара была невыносимая: особенно доставалось бѣднымъ лошадямъ. ***уланы по два дня не разсѣдлывали и уже къ 1-му іюля этотъ полкъ пришелъ въ такое состояніе, что его разъѣзды не могли догнать пѣшихъ турецкихъ патрулей. Лошади съ подпаренными и набитыми спинами отказывались итти рысью. Это весьма характерный примѣръ того, какъ быстро можно оттрепать кавалерійскую часть, не доведя ее даже до столкновенія съ непріятелемъ и, что самое главное, не вслѣдствіе дальнихъ рейдовъ или быстрыхъ переходовъ, а просто отъ нераспорядительности и отсутствія заботъ о лошади, этого существеннаго элемента кавалеріи.

Подходя ближе къ Никополю, костромской полкъ съ 5-ой батареей 31-ой артил. бриг. и 2 сотни кубанскаго коннаго полка были выдвинуты къ селенію Турскій Трестеникъ для наблюденія за дорогами, идущими изъ Ловчи и Плевны.

1-го іюля, 1-ая бригада 5-ой пѣхот. дивизіи съ тремя батареями и кавказская казачья бригада съ 6-ю горными орудіями были двинуты на лѣвый берегъ рѣки Осьмы, къ селенію Дебо. Галицкій

Государственная БИБЛ... СССР им. В. И. Ленина

и тамбовскій пѣхотн. полки съ двумя батареями, бугскій уланскій полкъ и казачій № 9-й были направлены на Марховицу. Пензенскій и тамбовскій на деревню Лозоицу.

На 2-е іюля войска отряда получили слѣдующую диспозицію:

1) *Отрядъ ген.-лейт. Шильдеръ-Шульднера* (въ составѣ: 1-ой бригады 5-ой пѣхот. дивизіи при трехъ батареяхъ, бугскаго уланскаго полка и части кубанскаго коннаго полка при 4 орудіяхъ) долженъ былъ при с. Дебо переправиться въ бродъ черезъ р. Осьму, овладѣть непріятельскими позиціями и батареями, находящимися между нижнимъ теченіемъ этой рѣки и р. Видомъ, и войти въ связь съ отрядомъ ген.-маіора Лашкарева черезъ мостъ у селенія Мисылеу. Со стороны Плевны это движеніе должно было прикрываться кавказской бригадой. Не знаю, почему, но это порученіе выполнено не было, и въ ночь со 2-го на 3-е іюля отрядъ этотъ ночевалъ у деревни Дебо.

2) *Отрядъ ген.-маіора Лашкарева* (въ составѣ: галицкаго и козловскаго пѣх. полковъ, роты саперъ, 5-ти батарей и донскаго № 9 казач. полка съ донской батареей) долженъ былъ оставаться у сел. Марховицы, выдвинувъ передовой отрядъ на селеніе Вубе. Это селеніе было взято съ боя двумя ротами галицкаго полка, удержавшимися въ немъ до прибытія всего полка, который и расположился здѣсь бивуакомъ.

3) *Отрядъ ген.-лейт. Вельяминова*, (1-я бригада 31-ой пѣх. дивизіи съ двумя батареями) долженъ былъ остаться у селенія Лозоица и у мельницы, въ лощинѣ, близь деревни Ермини.

Корпусный штабъ 2-го іюля перешелъ въ сел. Марховицу. Генералъ Похитоновъ съ своими ар-

тиллерійскими офицерами произвелъ въ этотъ день прекрасную рекогносцировку и выбралъ мѣста для устройства батарей, долженствующихъ подготовить орудійнымъ огнемъ предстоящій штурмъ Никополя. Ночью на 3 іюля, безъ выстрѣла и потерь, были вырыты 5 батарей на высотѣ и правѣе дер. Вубе. Вотъ, въ какомъ видѣ я нашелъ войска 9-го корпуса.

На 3-е іюля отрядъ получилъ слѣдующую диспозицію:

1) Отряду ген.-лейт. Шильдеръ-Шульднера двинуться съ разсвѣтомъ между р. Видомъ и Осьмой, стараясь овладѣть мостами черезъ послѣднюю рѣку, а затѣмъ дѣйствовать противъ непріятельскихъ войскъ, расположенныхъ на правомъ берегу Осьмы, для чего направить на этотъ берегъ, по овладѣніи мостомъ у Мисылеу, одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ отряда.

2) 5-ти девяти-фунтовымъ батареямъ занять передъ разсвѣтомъ устроенныя для нихъ закрытія и съ разсвѣтомъ открыть огонь по непріятельскимъ позиціямъ.

3) Пензенскому полку прикрывать нашъ правый флангъ, для чего прибыть на разсвѣтѣ къ балкѣ Ермини и, расположившись фронтомъ къ сѣверу, занять мельницы, находящіяся въ балкѣ, и рощу, правѣе нашихъ батарей.

4) Двумъ сотнямъ № 9 казачьяго полка и одной сотнѣ № 34 казачьяго полка охранять правый флангъ пензенскаго полка.

5) Галицкому полку удерживать дер. Вубе.

6) Тамбовскому полку, при двухъ батареяхъ и двухъ сотняхъ № 34 казачьяго полка съ донской батареей, составить общій резервъ и расположиться за серединой боевой линіи, внѣ выстрѣловъ непріятеля.

7) Козловскому полку быть въ распоряженіи ген.-маіора Лашкарева, для содѣйствія отряду ген.-лейт. Шильдеръ-Шульднера, къ овладѣнію мостомъ у Мисылеу и для совмѣстнаго наступленія по правому берегу рѣки Осьмы.

8) Двумъ сотнямъ № 9 казачьяго полка охранять нашъ лѣвый флангъ.

9) Правымъ флангомъ руководить ген.-лейт. Вельяминову, лѣвымъ — ген.-лейт. Лашкареву.

Съ разсвѣтомъ, около 3 часовъ утра, наши батареи, которыя ночью заняли безъ выстрѣла, устроенныя для нихъ закрытія, открыли огонь по непріятельскимъ позиціямъ. Съ первымъ же выстрѣломъ мы всѣ вскочили на ноги, наскоро напились чаю и направились за барономъ Криднеромъ къ деревнѣ Вубе.

Было чудное утро, которое обѣщало перейти въ жаркій день. Турки стали намъ отвѣчать довольно дѣятельно, но, благодаря тому, что большинство ихъ снарядовъ не разрывалось, наши пѣхотныя части, прикрывавшія артиллерію, терпѣли весьма мало. Зная, что колонна ген.-лейт. Шильдеръ-Шульднера первая начнетъ наступленіе, я попросилъ у барона Криднера разрѣшенія поѣхать съ ген. Толстымъ на нашъ лѣвый флангъ. Получивъ позволеніе, отправились мы мимо деревни Слатины, встрѣтились съ ген.-лейт. Лашкаревымъ и съ нимъ вмѣстѣ направились на высоту *), находящуюся южнѣе Слатинскаго оврага, откуда от-

*) Эта возвышенность означена на картѣ Никополя подъ лит. а.

крывался великолѣпный видъ на всю лежащую за рѣкой Осьмой мѣстность.

Въ 6 часовъ 20 м. увидѣли мы двигающійся отъ селенія Дебо отрядъ ген.-лейт. Шильдеръ-Шульднера. Подойдя почти къ Бресляницкой дорогѣ, архангелогородскій полкъ былъ направленъ на сѣверо-западъ, на селеніе Градешти, а вологодскій полкъ зашелъ лѣвымъ плечомъ впередъ и выстроился въ боевой порядокъ фронтомъ къ сѣверу. Прямо противъ него были двѣ турецкія батареи по одному орудію, которыя прикрывались стрѣлковою цѣпью. Все это перестроеніе въ боевой порядокъ, которое намъ было видно какъ на ладони, вологодскій полкъ совершилъ въ образцовомъ порядкѣ.

Въ 7 часовъ утра раздался первый нашъ выстрѣлъ на лѣвомъ флангѣ, и завязался бой. Ген. Лашкаревъ, замѣтивъ великолѣпную артиллерійскую позицію по другую сторону Слатинскаго оврага *), вызвалъ изъ резерва взводъ казачьей № 2 батареи подъ командой сотника Савченкова, который лихо вскарабкался на крутизну, снялся съ передковъ и открылъ огонь, анфилируя турокъ **). Первый же его выстрѣлъ былъ на столь удаченъ, что турки прекратили огонь, покинули позицію и отбѣжали къ люнету, который былъ построенъ перпенди-

*) На картѣ Никополя эта позиція означена лит. б.

**) Этотъ взводъ былъ присланъ командиромъ 9-го корпуса, по просьбѣ ген. Лашкарева.

кулярно къ первоначальному ихъ расположенію и обращенъ фронтомъ къ деревнѣ Мисылеу—туда же переѣхали, на нашихъ глазахъ, оба турецкія орудія. Но удачные выстрѣлы не прошли даромъ лихому взводу: изъ люнета и еще изъ двухъ редутовъ, находившихся южнѣе Никополя, турки стали сыпать въ него снарядами. Такъ какъ возвышенность, на которой мы стояли, находилась по направленію непріятельскихъ выстрѣловъ, то перелеты стали ложиться близъ насъ. Особенно звучно раздавались выстрѣлы крѣпостнаго орудія большаго калибра: оно какъ-то ужъ очень басисто рявкало.

Не желая напрасно подвергать людей опасности, ген. Лашкаревъ велѣлъ своему конвою отъѣхать далѣе, въ лощину. Вотъ, я въ первый разъ попалъ подъ артиллерійскій огонь: не скажу, чтобъ это было очень пріятно, но къ нему можно привыкнуть, къ ружейному же огню и особенно къ шрапнели привыкнуть, по моему, нельзя.

Тѣмъ временемъ ген. Шильдеръ-Шульднеръ продолжалъ атаковать турокъ и занялъ въ 9 часовъ 30 мин. высоты, лежащія на одной линіи съ Слатинскимъ оврагомъ. Непріятель, не подпустивъ вологодцевъ и на полверсты, очистилъ позицію и въ безпорядкѣ бѣжалъ.

Здѣсь войскамъ дали передохнуть, такъ какъ солнце стало сильно припекать. Архангелогородцы, которые были двинуты лѣвѣе, скрылись изъ нашихъ глазъ за возвышенностью, имѣли нѣсколько

схватокъ съ турками, къ вечеру соединились съ 1-мъ бат. вологодскаго полка, и ночь застала ихъ на лѣвой сторонѣ рѣки Осьмы.

Въ 9 час. 15 мин. одинъ батальонъ козловскаго полка получилъ приказанiе отъ ген. Лашкарева двинуться къ мосту черезъ рѣку Осьму (близъ Мисылеу) и затѣмъ итти правымъ берегомъ этой рѣки на Никополь.

Интересуясь тѣмъ, что дѣлалось у насъ на прочихъ пунктахъ атаки, я покинулъ ген. Лашкарева и поѣхалъ обратно къ дер. Вубе. Проѣзжая Слатинскимъ оврагомъ, я увидѣлъ самую мирную идиллическую картину. Кашевары какого-то полка варили преспокойнѣйшимъ образомъ пищу своимъ товарищамъ. Пальба была еле слышна, такъ какъ оврагъ довольно глубокъ. Все напоминало скорѣе маневры, чѣмъ сраженiе. Я страшно проголодался и съ удовольствiемъ пообѣдалъ солдатскими щами, что было весьма удачно, такъ какъ затѣмъ, до ночи, я ничего болѣе во рту не имѣлъ.

Я нашелъ барона Криднера близь общаго резерва.

Зной становился невыносимымъ. Трудно было нашей артиллерiи вредить непрiятелю, такъ какъ орудiя турокъ были защищены горизонтными и углубленными батареями, а пѣхотныя цѣпи были очень искусно спрятаны въ траншеяхъ. Уронъ съ ихъ стороны долженъ былъ быть не большой, да и съ нашей былъ не великъ.

Наконецъ, въ половинѣ втораго были выдвинуты впередъ всѣ резервы, и началось наступленіе по всей линіи.

Два батальона тамбовскаго полка, нашъ общій резервъ, были придвинуты къ дер. Вубе и затѣмъ они были направлены правѣе галицкаго полка.

(1-й бат. галицкаго полка былъ направленъ съ этими двумя бат. тамбовцевъ).

Галичане, которые прикрывали наши батареи, были подняты изъ траншей. Барабаны забили атаку, и съ той минуты они какъ львы пошли впередъ, занимая послѣдовательно одну за другою непріятельскія позиціи. При этомъ я былъ свидѣтелемъ съ какимъ самоотверженіемъ и удалью дѣйствовала наша артиллерія: подъ страшнымъ орудійнымъ и ружейнымъ огнемъ турокъ, она лихо выносилась въ карьеръ впередъ на позицію, снималась съ передковъ, какъ на ученьѣ, и поражала непріятеля мѣткимъ огнемъ, помогая тѣмъ нашимъ пѣхотнымъ частямъ. Козловскій полкъ пошелъ лѣвѣе галицкаго. Батальонъ этого полка, который былъ уже ранѣе направленъ Слатинскимъ оврагомъ, перешелъ черезъ Осьму и участвовалъ съ вологодцами въ дѣйствіяхъ на лѣвомъ берегу рѣки.

Трудно пришлось двумъ батальонамъ козловскаго полка, которые лѣзли на турецкія траншеи правымъ берегомъ Осьмы: они встрѣтились съ весьма пересѣченной мѣстностью, имъ приходилось взбираться на крутизны и подъ жестокимъ огнемъ,

артиллерійскимъ и ружейнымъ, брать грудью непріятельскія позиціи.

По диспозиціи баронъ Криднеръ долженъ былъ находиться при общемъ резервѣ, но такъ какъ съ двухъ часовъ по-полудни таковаго уже не было, то мы, волею судебъ, послѣдовали за галицкимъ полкомъ. Часа въ три или четыре, галичане овладѣли непріятельскою батареей, и прапорщикъ Падчинъ съ 10 рядовыми 1-й стрѣлковой роты захватилъ турецкое орудіе, о чемъ я впослѣдствіи и докладывалъ главнокомандующему. Насъ довольно изрядно осыпало снарядами, большинство которыхъ весьма удачно для насъ зарывалось въ землю, вѣроятно, отъ слишкомъ большаго угла возвышенія или невѣрно пригнанной дистанціонной трубки, и не разрывалось—иначе многіе бы изъ насъ познакомились съ перевязочнымъ пунктомъ. Я помню, между прочимъ, какъ одинъ снарядъ чуть не оторвалъ хвостъ у лошади японскаго военнаго агента, который самъ, вмѣстѣ съ нами, отъ души смѣялся этому происшествію. Капитанъ Ямазава почти ни слова не говорилъ ни по-русски, ни по-французски, и тѣмъ не менѣе находилъ возможность ежедневно писать длинныя донесенія на свою родину: мы всѣ удивлялись откуда онъ почерпаетъ такую массу матеріала.

Мы шли по волнистой мѣстности, покрытой фруктовыми деревьями, между которыми кое-гдѣ были виноградники или стояли копны уже скошен-

ной пшеницы. Непріятельскіе стрѣлки весьма искусно примѣнялись къ мѣстности, перебѣгали послѣдовательно изъ однихъ окоповъ въ другіе и открывали по наступающимъ почти безпрерывный, убійственный огонь.

Остановившись на нѣсколько минутъ близь какого-то стога скошенной пшеницы, мы вдругъ были озадачены выстрѣломъ съ тыла и свистомъ пули. По приказанію барона Криднера, конвойные казаки бросились разыскивать, кто это стрѣляетъ, и нашли спрятавшагося въ одной изъ копенъ турецкаго солдата, который, несмотря на смертельную рану, не могъ удержаться, чтобы въ насъ не выстрѣлить... Онъ тутъ же былъ приколотъ... Какъ я уже сказалъ, правѣе насъ шли тамбовцы съ 1-мъ бат. галицкаго полка. Галичане наткнулись на большой редутъ *), атаковали его, но были отброшены. Тамбовцы подоспѣли къ нимъ на выручку, но также были отбиты и даже оставили нѣсколько убитыхъ товарищей на самомъ брустверѣ. Турки изрубили эти тѣла на куски и выбросили изъ редута.

Видя подобное поруганіе надъ павшими, тамбовцы остервенились, нѣсколько разъ бросались на это укрѣпленіе и наконецъ имъ овладѣли. Произошла страшная рѣзня: редутъ былъ буквально заваленъ трупами.

*) Этотъ редутъ означенъ на картѣ Никополя подъ лит. г.

Такъ какъ намъ приходилось все время штурмовать и брать послѣдовательно одну позицію за другой, то убыль въ людяхъ становилась довольно значительною. Врачи и санитары дѣятельно работали, устраивая перевязочные пункты, гдѣ только было возможно: подъ деревомъ, у фонтана, подъ стогомъ скошенной пшеницы... Весьма энергично и дѣятельно распоряжался этимъ дѣломъ старшій врачъ 9-го корпуса докторъ Кёхеръ. Уже съ утра, по распоряженію штаба, были посланы жандармы и казаки собрать всѣ имѣющіяся у населенія телѣги и арбы, которыя и занялись перевозкой тяжело раненыхъ въ деревню Марховицу, на главный перевязочный пунктъ. Вслѣдствіе страшной жары, войска страдали отъ жажды, и болгары весь день подвозили намъ воду на позицію. Воодушевленіе было замѣчательное: легко раненые не шли на перевязочный пунктъ, а получивъ наскоро кое-какую помощь отъ санитаровъ, старались догнать товарищей. Никогда не забуду одного солдатика раненаго, хотя и легко,—въ руку: онъ шелъ въ кэпи на затылкѣ, на груди блестѣлъ георгіевскій крестъ, который онъ получилъ еще въ Хивѣ, ружье за спиной, весь потный и разгорѣвшійся, онъ крутилъ папироску, помогая себѣ поврежденнымъ пальцемъ, кое-какъ обмотаннымъ тряпицей.

«Ты бы перевязался хорошенько», обратился я къ нему.

«Ничего, ваше высокоблагородіе», былъ отвѣтъ, «поспѣю еще, надо итти за золотымъ Егоріемъ».

Вотъ каково было настроеніе. Замѣчательный фактъ, что всѣ убитые наши солдаты лежали на спинѣ со сложенными на груди руками и съ лицомъ, покрытымъ платкомъ. Это во время передышекъ люди отдавали послѣдній долгъ павшимъ товарищамъ. Въ послѣдующихъ бояхъ я этого болѣе не встрѣчалъ. У всѣхъ убитыхъ турокъ черепа были разможжены прикладами: непріятель встрѣчалъ нашихъ за окопами, искусно прятался и выпускалъ массу патроновъ; наши брали ихъ въ штыки и по окончаніи боя только 60 раненыхъ турокъ было подобрано санитарами...

Мы находили громадное количество патроновъ въ оставленныхъ непріятелемъ траншеяхъ: они были брошены цѣлыми ящиками, пачками и разсыпанные валялись на землѣ.

Наша артиллерія подъ руководствомъ ген. Похитонова дѣйствовала блистательно. Переѣзжая послѣдовательно съ позиціи на позицію, она поддерживала атаку пѣхоты и соперничала съ нею въ храбрости. Данило Даниловичъ какъ-то пріосанился, даже, казалось, выросъ; увидѣвъ его теперь, въ бою, я еще болѣе сталъ цѣнить этого генерала. Мнѣ тогда припомнилась сконфуженная фигура того же Данилы Даниловича, на правомъ флангѣ своей бригады, при встрѣчѣ Великаго

Князя въ Зимницѣ: у него одна нога была въ сапогѣ, а другая въ резиновой галошѣ; во время перехода черезъ какой-то мостъ, въ Румыніи, ему придавило ногу зряднымъ ящикомъ, онъ не могъ надѣть сапога, и ему совѣстно было явиться на смотръ, не по формѣ одѣтымъ. Но тутъ, въ бою, это былъ настоящій воинъ, хладнокровный, распорядительный и прекрасно оріентирующійся.

Баронъ Криднеръ держался все время весьма спокойно и разсылалъ съ приказаніями своихъ ординарцевъ, которые, наконецъ, выбились изъ силъ. Тогда онъ обратился ко мнѣ и поручилъ поѣхать впередъ, чтобы узнать, въ какомъ положеніи дѣло.

Въ это время мы были съ нимъ на краю, такъ называемой, городской балки: намъ были уже видны стройные минареты Никополя, но самый городъ скрывался отъ нашихъ глазъ за массами садовъ. Я отправился прямо по шоссе, проѣхалъ мимо нашихъ батарей и былъ свидѣтелемъ замѣчательныхъ дѣйствій 5-ой батареи 5-ой артил. бригады, которая въ послѣдній разъ подъѣхала на 400 саж. къ крѣпости и открыла пальбу подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ непріятеля.

Поравнявшись съ наступающею цѣпью нашихъ стрѣлковъ, я увидѣлъ налѣво, приблизительно въ верстѣ, пыль отъ какой-то бѣгущей толпы. Были-ли это прорвавшіеся батальоны турокъ, желавшіе уйти на Виддинъ, или казаки угоняли скотъ, за-

хваченный въ занятомъ вологодцами турецкомъ лагерѣ,—опредѣлить было невозможно. Командиръ батареи просилъ меня передать барону, что у него почти нѣтъ зарядовъ и что необходимо поторопить прислать зарядные ящики.

Стало уже смеркаться. Кое-гдѣ въ городѣ вспыхнули пожары. Наши охотники были уже въ предмѣстьяхъ, и тамъ шла живая перестрѣлка. Далѣе ѣхать было некуда, такъ какъ я находился на нашей стрѣлковой линіи, и пули ложились въ громадномъ количествѣ; я рѣшилъ вернуться къ барону Криднеру и доложилъ, что видѣлъ. Наступила совершенная темнота. Генералъ отправилъ приказаніе войскамъ прекратить огонь, остановиться на занятыхъ позиціяхъ и вызвалъ начальниковъ частей.

«Господа» обратился онъ къ нимъ: «мнѣ кажется, что Никополь нашъ, но, если еще—нѣтъ, то къ утру онъ долженъ быть нашимъ. Съ разсвѣтомъ будетъ общій штурмъ».

Съ большимъ трудомъ въ эту темную южную ночь добрались мы до Марховицы. Изрѣдка раздавались еще ружейные выстрѣлы, слышались крики ура и стоны раненыхъ; артиллерійская канонада прекратилась.

Я забылъ сказать, что штурмъ былъ поддержанъ нашими Фламундскими батареями, которыя весь день бомбардировали Никополь.

Къ концу боя всѣ роты и полки смѣшались,

трудно было различить, гдѣ какой полкъ: это была одна густая стрѣлковая цѣпь вологодцевъ, козловцевъ, галичанъ и тамбовцевъ, или, скорѣе, нѣсколько цѣпей, которыя по инерціи шли впередъ. Къ ночи вокругъ Никополя уже образовалось стальное кольцо штыковъ.

Вернувшись въ Марховицу, баронъ Криднеръ былъ въ довольно затруднительномъ положеніи: чѣмъ кончился бой, никто не зналъ. Собрался военный совѣтъ, а я прозаически пошелъ отдыхать въ палатку.

Едва забрезжилась заря, меня разбудилъ генералъ Толстой.

«Вставайте скорѣе», обратился онъ ко мнѣ: «корпусный командиръ съ дежурствомъ ѣдетъ сейчасъ на позицію и беретъ васъ съ собой».

Въ одну минуту я былъ на ногахъ, сѣлъ на лошадь и присоединился къ барону Криднеру, который, въ сопровожденіи ген. Шнитникова, ген. Толстого и еще нѣсколькихъ офицеровъ изъ штаба, направился по Никопольскому шоссе, дабы лично ознакомиться съ положеніемъ дѣла.

Ночью, несмотря на темноту, люди подобрались, и, когда генералъ подъѣхалъ къ войскамъ, то, вмѣсто смѣшавшихся стрѣлковыхъ цѣпей различныхъ полковъ, нашелъ уже стройные батальоны. Какъ отрадно было услышать дружное, раскатистое «здравія желаемъ, ваше превосходительство», въ отвѣтъ на привѣтствіе генерала.

Такъ, здороваясь съ батальонами, продолжали мы ѣхать далѣе по шоссе и вдругъ, повернувъ налѣво, очутились неожиданно передъ крѣпостными воротами Никополя *). Грозно рисовались каменныя стѣны, окруженныя глубокимъ рвомъ. Впереди былъ мостъ, правѣе, назади, живописно лѣпились по оврагамъ, утопая въ зелени, предмѣстья города. Гдѣ-то изрѣдка раздавались одиночные выстрѣлы. Что же это значитъ? Неужели турки прорвались къ Виддину и очистили крѣпость?

Немедленно была вызвана ближайшая рота, если не ошибаюсь, козловскаго полка, которую направили по гласису, направо отъ шоссе. Я изъ любопытства послѣдовалъ за этой ротой и, всматриваясь въ амбразуры, увидѣлъ вскорѣ фигуру турецкаго офицера, который махалъ бѣлымъ платкомъ. Желая убѣдиться, не знакъ ли это сдачи крѣпости, я ему закричалъ: «Барыш», (т. е. миръ), и, указывая на палашъ, предложилъ ему бросить свою шашку въ ровъ въ знакъ мира. Къ моему удивленію, онъ поспѣшилъ исполнить мое желаніе. Тогда я поскакалъ къ барону и доложилъ, что турки сдаются.

«Это очень хорошо», сказалъ генералъ: «но отчего ворота заперты»?

Сейчасъ же были вызваны охотники, которые перелѣзли черезъ стѣну, отбили замокъ у крѣ-

*) На картѣ Никополя крѣпостныя ворота означены подъ лит. д.

постныхъ воротъ и ихъ отворили. Затѣмъ ген. Толстой, еще три, четыре офицера, полсотни казаковъ и я въѣхали въ Никополь. Это было ровно въ 4 часа 20 мин. утра. Все пусто — турокъ нѣтъ...

Нѣтъ ли тутъ измѣны, мелькнуло у насъ въ головѣ.

Узкая улица заворачивала направо; мы по ней стали осторожно подвигаться и, проѣхавъ шаговъ 200, достигли бастіона, занятаго турецкимъ батальономъ. Непріятель встрѣтилъ насъ молча, люди очевидно были сконфужены, царила полная тишина. По нашему требованію, они стали бросать въ кучу оружіе и амуницію. Тѣмъ временемъ подошла наша пѣхота, и на крѣпостномъ валу водрузили знамя 2-го батальона козловскаго полка. Раздалось такое оглушительное ура, какого я въ жизни не слыхалъ, — это былъ ревъ побѣдителей которые еще минуту передъ этимъ, были готовы итти на приступъ, какъ одинъ человѣкъ. Въ отвѣтъ на это ура послѣдовалъ салютъ изъ всѣхъ орудій съ нашихъ Фламундскихъ батарей. Солнце уже взошло и ярко освѣщало это великолѣпное зрѣлище!

И такъ, Никополь палъ! Мы, просто, не хотѣли вѣрить, чтобы крѣпость съ сильнымъ гарнизономъ могла сдаться безъ штурма, т. е. безъ эскалады и прочихъ необходимыхъ атрибутовъ настоящаго приступа. Мы всетаки продолжали думать, что паша, комендантъ Никополя, отступилъ ночью

на Виддинъ, оставивъ только раненыхъ и слабосильныхъ *). Былъ отданъ приказъ всѣмъ туркамъ, солдатамъ и жителямъ, выходить изъ крѣпости. Зная, что мнѣ придется ѣхать съ донесеніемъ къ Великому Князю, я спустился внизъ къ Дунаю, чтобы ознакомиться съ положеніемъ города. Насилу протискался я обратно въ гору сквозь толпы турокъ, которыхъ гнали какъ барановъ, и вернулся къ барону Криднеру. Я нашелъ генерала за крѣпостными воротами, на шоссе. Онъ стоялъ, окруженный своимъ штабомъ, и пропускалъ мимо себя плѣнныхъ. Пока я пробирался къ барону, мнѣ пришлось увидѣть, какъ турокъ можетъ безропотно и безъ стона страдать: чтобы не затруднять движенія въ узкихъ улицахъ Никополя, велѣно было всѣхъ плѣнныхъ гнать пѣшкомъ, тѣмъ же, которые были верхомъ, приказано слѣзать съ лошадей. На маленькомъ ослѣ, согнувшись и держась обѣими руками за луку, ѣхалъ турокъ.

«Долой», говоритъ ему солдатикъ.

Тотъ продолжаетъ ѣхать, уставя куда то вдаль свои мутные глаза; тогда его живо ссадили, и онъ какъ куль упалъ съ осла. Ко мнѣ подбѣжали его товарищи и объяснили, что онъ тяжело-раненый: оказалось, что у него обѣ ноги перебиты. Я ве-

*) На дѣлѣ же оказалось, что гарнизонъ Никополя состоялъ болѣе чѣмъ изъ 7000 прекрасно вооруженныхъ солдатъ.

лѣлъ посадить его сейчасъ же обратно на осла, что было моментально исполнено, и онъ потянулся далѣе, увлекаемый все пребывающей волною плѣнныхъ. Во время всѣхъ этихъ эволюцій, несчастный не проронилъ ни единаго звука, онъ такъ же безучастно продолжалъ смотрѣть куда-то вдаль. Меня страшно поразила эта сила воли: подобные солдаты, подъ руководствомъ дѣльныхъ офицеровъ, могли бы совершать чудеса храбрости.

Къ нашему удивленію, толпа плѣнныхъ солдатъ все росла; большинство изъ нихъ были прекрасно одѣтые, здоровые, крупные молодцы. Тѣмъ временемъ къ барону Криднеру былъ приведенъ комендантъ крѣпости, Мустафа-Гассанъ паша, средняго роста человѣкъ, съ окладистой черной бородой и выразительнымъ, типичнымъ лицомъ.

«Кому я сдаюсь, и какія условія предложитъ мнѣ генералъ?» спросилъ онъ черезъ переводчика.

Баронъ Криднеръ протянулъ ему руку и сказалъ:

«Уважая вашу храбрую оборону, я сохраняю вамъ и всѣмъ офицерамъ оружіе, весь же гарнизонъ сдается безъ условій».

Вскорѣ послѣ сдачи, генералъ Толстой уѣхалъ съ донесеніемъ къ Государю, взявъ съ собой Гассана-пашу.

Разсчитывая собрать кое-какія свѣдѣнія для доклада главнокомандующему, баронъ Криднеръ еще удерживалъ меня при себѣ. Штурмъ нашихъ

войскъ 3-го іюля былъ такъ стремителенъ и друженъ, что начальникъ Никопольскаго гарнизона, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ увѣренъ, что имѣлъ дѣло со всей русскою арміей, подъ начальствомъ самого Государя. Онъ никакъ не предполагалъ, чтобъ мы съ двухъ часовъ по-полудни могли такъ настойчиво лѣзть впередъ, не имѣя сзади серьезныхъ резервовъ. Намъ пришлось взять съ бою почти 7 верстъ укрѣпленной позиціи прежде, чѣмъ дойти до самой крѣпости, и это однако было сдѣлано, благодаря тому духу, который господствовалъ въ нашихъ войскахъ. Не вдаваясь въ тактическія разсужденія, правильно или нѣтъ былъ веденъ этотъ штурмъ, могу сказать лишь одно, что болѣе лихого, блистательнаго дѣла я не видалъ. Никополь палъ, только благодаря беззавѣтной удали нашихъ молодцевъ. Отрядъ барона Криднера состоялъ изъ 16870 штыковъ и 2868 сабель, при 80 пѣшихъ, 6 конныхъ и 6 конно-горныхъ орудіяхъ. Трофеями были: крѣпость, болѣе 7000 плѣнныхъ, около 70 орудій, масса снарядовъ, оружія, патроновъ и два монитора. Къ сожалѣнію, вскорѣ случилась первая Плевненская неудача, и это замѣчательное дѣло какъ-то осталось въ туманѣ.

Послѣ отъѣзда генерала Толстого, принесли барону Криднеру ключи отъ крѣпостныхъ воротъ. Тогда онъ подозвалъ меня и сказалъ:

«Поѣзжайте, обрадуйте нашего главнокоман-

дующаго со взятіемъ Никополя, гарнизонъ котораго, въ числѣ 7000 человѣкъ, сложилъ оружіе. Передайте ключъ отъ крѣпости Великому Князю и доложите, что люди шли безъ замѣшательства и геройски брали послѣдовательно одну за другою непріятельскія позиціи, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. У турокъ было множество укрѣпленій—что прикажутъ съ ними дѣлать? исправить или взорвать? Что дѣлать съ двумя захваченными мониторами? Что дѣлать съ плѣнными, и откуда брать провіантъ, котораго у турокъ не оказалось? Займусь устройствомъ войскъ и буду ждать распоряженія, куда итти. Костромской полкъ стоитъ передъ Плевной. Попросите Великаго Князя прислать кого нибудь, для устройства гражданскаго управленія въ Никополѣ. Болѣе подробностей сейчасъ дать не могу, разскажите сами, что видѣли».

Я заложилъ ключъ за голенище сапога и, внѣ себя отъ радости, уѣхалъ отъ барона Криднера; по дорогѣ я заѣхалъ на главный перевязочный пунктъ, чтобы справиться о числѣ потерь въ нашихъ войскахъ, и успѣлъ узнать, что генералъ Богацевичъ контуженъ, и что убыль наша довольно велика: приблизительно, какъ мнѣ казалось, мы потеряли около 1500 человѣкъ выбывшими изъ строя.

До Тырнова, гдѣ находился Великій Князь, было около 115 верстъ. Всѣ мои мысли были на-

правлены на то, какъ бы мнѣ быстрѣе совершить этотъ переходъ. Въ Марховицѣ я наскоро закусилъ и въ 11 часовъ утра 4-го іюля, по страшной жарѣ, пустился въ путь.

Я очень спѣшилъ, много шелъ ходой *), но всетаки долженъ былъ остановиться на ночлегъ въ Акчаирѣ, пройдя около 70 верстъ, такъ какъ мои казаки далѣе ѣхать не могли. Дорогою я обдумывалъ, какъ и что буду докладывать Великому Князю; я въ первый разъ въ жизни былъ въ сраженіи и боялся, что не сумѣю отвѣтить на всѣ вопросы, которые предложитъ мнѣ главнокомандующій. На зарѣ я взялъ одного вѣстоваго, велѣлъ остальнымъ людямъ, не торопясь, слѣдовать на Тырново, а самъ поспѣшилъ впередъ. 5-го іюля во второмъ часу дня я былъ уже у Великаго Князя, сдѣлавъ 115 верстъ въ 26 часовъ. Это была первая дальняя поѣздка и потому самая медленная; я понялъ, что въ другой разъ долженъ распорядиться иначе, если хочу быстрѣе доѣхать» къ Великому Князю съ донесеніемъ. Я впослѣдствіи уже болѣе никогда не бралъ такого конвоя (6 казаковъ), а ограничивался двумя вѣстовыми и только для того ихъ бралъ, чтобъ имѣть возможность бросить по дорогѣ одну изъ своихъ лошадей и напрасно не утомлять всѣхъ трехъ. Я ѣздилъ

*) Крупный шагъ, которымъ можно дѣлать около 7-ми верстъ въ часъ.

всегда о дву-конь, т.-е., имѣлъ подъ вьюкомъ заводную лошадь, которая гораздо менѣе утомлялась и могла выручить меня въ случаѣ нужды. Во время боя мой деньщикъ съ вѣстовыми и вьючной лошадью оставался при обозѣ, и я зналъ, что найду ихъ свѣжими и въ полной готовности сдѣлать немедленно, не отдыхая, дальній переходъ. Это давало мнѣ возможность выигрывать время.

Я нашелъ главнокомандующаго объѣзжавшимъ войска, расположенныя на бивуакѣ близъ Тырнова, передалъ Ему ключъ отъ Никополя и поздравилъ съ побѣдой. Затѣмъ, войдя въ палатку Великаго Князя, я подробно доложилъ Его Высочеству, что зналъ, и удостоился получить: «спасибо». Позвали насъ обѣдать. За столомъ Великому Князю подали телеграмму отъ барона Криднера.

«Лярскій», обратился ко мнѣ Великій Князь: «что это доложилъ мнѣ, что мы потеряли около 1500 человѣкъ выбывшими изъ строя? Криднеръ телеграфируетъ, что только 600?»

«Я доложилъ Вашему Императорскому Высочеству только то, что могъ узнать на перевязочныхъ пунктахъ», отвѣтилъ я главнокомандующему, «и полагаю мое донесеніе близко къ истинѣ».

«Ну, увидимъ», сказалъ Великій Князь.

Впослѣдствіи оказалось, что наша потеря, состояла въ 219 убитыхъ, 869 раненыхъ и 37 безъ вѣсти пропавшихъ нижнихъ чиновъ; 5 убитыхъ,

30 раненыхъ и 6 контуженныхъ офицеровъ, итого: 1166 офицеровъ и нижнихъ чиновъ, выбывшихъ изъ строя, т. е., мои свѣдѣнія были почти точны. Это было первое крупное дѣло — взятіе крѣпости — и потому оно всѣхъ интересовало. До поздней ночи я долженъ былъ удовлетворять любопытству всей главной квартиры, съ моихъ словъ была написана корресподенція въ «Московскія Вѣдомости», и я легъ спать совершенно безъ языка.

ГЛАВА VI.

Плевна 8 и 18 іюля.

Между тѣмъ Шипка была уже нами занята, а генералъ Гурко громилъ турокъ за Балканами. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ новой командировки, и, дѣйствительно, судьба меня баловала. 9-го іюля зовутъ меня по утру къ главнокомандующему.

«Сейчасъ я получилъ извѣстіе отъ Криднера», сказалъ мнѣ Великій Князь, «что 1-я бригада 5-ой пѣхотной дивизіи неудачно атаковала вчера Плевну и была отброшена къ Бресляницѣ; костромской полкъ атаковалъ также Плевну и отброшенъ къ Турскому Трестенику; о кавказской бригадѣ я никакихъ свѣдѣній не имѣю. Возьми съ собой Андреевскаго*), Хвощинскаго**) и 15 казаковъ, проберись къ Криднеру и узнай, въ чемъ дѣло.

*) Шт.-кап. гв. артил., ординарецъ Великаго Князя.

**) Поручикъ кавалергардск. полка, ординарецъ начальника штаба дѣйствующей арміи.

Я посылаю тебя, потому что ты тамъ уже былъ и знаешь дорогу, но будь остороженъ: быть можетъ, Криднеръ отрѣзанъ отъ насъ. Меня безпокоитъ то, что костромской полкъ, который, очевидно, долженъ былъ атаковать Плевну одновременно съ 1-ой бригадой, отошелъ къ востоку, а 1-я бригада—къ сѣверу. Если вы по дорогѣ наткнетесь на турокъ, то дѣлайте, какъ знаете, но чтобъ кто-нибудь изъ васъ непремѣнно пробрался къ Криднеру и передалъ бы ему, что бригада 30-ой пѣхотной дивизіи будетъ направлена изъ Павло или Бѣлы къ Болгарени; бригада 32-ой пѣхот. дивизіи и бригада 2-ой кавалерійской дивизіи изъ окрестностей Тырнова — на Никупъ и Горный Студень, на шоссе изъ Бѣлы въ Плевну. Общее командованіе надъ этимъ отрядомъ я приказалъ принять князю Шаховскому, который, дойдя до Криднера, поступитъ подъ его начальство. 4-ый корпусъ сосредоточивается у Царевича, городъ Сельви приказано занять полкомъ пѣхоты съ батареями отъ 2-ой бригады 9-ой пѣхотной дивизіи, которая занимаетъ въ настоящее время Габрово и Шипку, взятыя нами 7-го іюля. Нынѣ Сельви занято однимъ эскадрономъ гвардейскихъ казаковъ. Да благословитъ васъ Господь Богъ».

Порядочно ушло времени, пока мы получили бумаги изъ штаба, такъ что только въ 4 часа по-полудни выбрались мы изъ Тырнова. Порученіе было весьма серьезное: я посовѣтовалъ товари-

щамъ двинуться на Горный Студень, такъ какъ хорошо зналъ этотъ путь и могъ бы, въ случаѣ нужды, пробраться къ Плевнѣ и безъ дорогъ. На этомъ мы и порѣшили. Вскорѣ наступила темнота, и мы, отъѣхавъ верстъ 40 отъ Тырнова, остановились на ночлегъ, близъ Поликраешти.

На разсвѣтѣ мы двинулись далѣе и пошли съ мѣрами предосторожности, которыя предписываются уставомъ для слѣдованія разъѣздамъ, т. е. имѣя дозоры впереди и по сторонамъ. Весь нашъ отрядъ состоялъ изъ 3 офицеровъ, 15 казаковъ и 3 деньщиковъ съ вьючными лошадьми. Въ Овчей Могилѣ узнаемъ мы отъ болгаръ, что у Болгарени стоятъ турки. Жители съ ужасомъ намъ разсказывали, что 8-го числа былъ большой бой подъ Гривицей, что нашихъ много убито, и что мы отступили. Что было дѣлать? Надо было ѣхать далѣе и буквально исполнить приказаніе Великаго Князя, т. е. встрѣтившись съ турками, броситься въ разныя стороны и кому нибудь да прорваться къ барону Криднеру.

Порѣшивши такъ, мы двинулись далѣе на Болгарени. Не доходя версты 3 до этого села, завидѣли мы на высотѣ аванпостную цѣпь черкесовъ. Наши казаки зарядили винтовки, мы растегнули револьверныя кабуры и продолжали двигаться по дорогѣ. Желая выяснить положеніе дѣла, я выскочилъ налѣво на возвышенность. Тутъ у меня вдругъ мелькнула мысль, не кавказская ли бри-

гада передъ нами. Цѣпь стала маячить, изъ заставы начали подбывать всадники... Я подскочилъ къ нимъ поближе и крикнулъ:

«Которой сотни станичники?»

Вслѣдъ за этимъ всадники остановились и закинули винтовки за плечо... Къ нашему восторгу, это дѣйствительно оказались казаки кавказской казачьей бригады. Издали ихъ нельзя было не принять за черкесовъ, такъ какъ у многихъ изъ нихъ на папахѣ былъ даже полумѣсяцъ, вырѣзанный изъ бѣлой матеріи, чтобъ ввести въ заблужденіе непріятеля. Черезъ полчаса мы уже были у полковника Тутолмина, командира этой лихой бригады. Отъ него мы узнали драматическія подробности атаки Плевны костромскимъ полкомъ 8-го іюля и о помощи, которую оказала кавказская бригада этому полку, подобравъ всѣхъ раненыхъ и убитыхъ.

Костромской полкъ, вслѣдствіе полученнаго приказанія, 8-го іюля атаковалъ Гривицу, взялъ ее, но затѣмъ турки насѣли на нихъ въ громадномъ числѣ; полковой командиръ и много офицеровъ было убито, и полкъ долженъ былъ отступить, не потерявъ, однако, ни одного знамени и не одного орудія. Костромичи, не участвовавшіе въ штурмѣ Никополя, дрались какъ львы, и каждый изъ этихъ молодцевъ, несмотря на неудачу, заслужилъ по-истинѣ георгіевскій крестъ.

Полковникъ Тутолминъ предложилъ намъ пе-

редохнуть у него, чтобы со свѣжими уже силами пробираться къ барону Криднеру, мѣстонахожденіе котораго онъ приблизительно указалъ.

Передохнувъ, мы взяли проводника болгарина и направились на Турскій Трестеникъ и Коюловцы, объѣзжая деревни, такъ какъ опасались, не заняты ли онѣ турками. По всей дорогѣ мы встрѣтили только одинъ разъѣздъ, кажется, отъ бугскаго уланскаго полка: это единственный случай за всѣ мои поѣздки, что я встрѣтилъ по дорогѣ нашъ кавалерійскій разъѣздъ. Сколько мнѣ ни приходилось ѣздить, я нигдѣ не встрѣчалъ ни нашихъ, ни турецкихъ разъѣздовъ. Это полное бездѣйствіе турецкой кавалеріи давало возможность намъ, ординарцамъ, ѣздить по Болгаріи какъ дома и передавать въ отдаленные отряды приказанія главнокомандующаго. Не знаю, много ли кавалерійскихъ офицеровъ уѣзжали такъ далеко отъ своего отряда, какъ пришлось сдѣлать намъ на этотъ разъ: отъ Тырнова до Бресляницы, гдѣ мы нашли барона Криднера, я считаю около 120 верстъ. Наша задача пробраться къ барону совершенно подходила подъ типъ дальнихъ разъѣздовъ, высылаемыхъ для того, чтобы войти въ связь съ сосѣднимъ отрядомъ, и потому въ данномъ случаѣ мы, ординарцы, исполняли чисто кавалерійскую разъѣздную службу.

Наконецъ, около 12 часовъ дня добрались мы до Бресляницы и явились къ барону Криднеру.

Я передалъ ему приказанія главнокомандующаго; на это онъ мнѣ отвѣтилъ, что одинъ изъ насъ долженъ будетъ завтра же отправиться обратно къ Великому Князю съ донесеніемъ; онъ благодарилъ меня за точный докладъ главнокомандующему о штурмѣ Никополя и приказалъ остаться при немъ впредь до распоряженія.

Вмѣсто генерала Толстого, находился въ это время при 9-мъ корпусѣ свиты Е. И. В. ген.-маіоръ князь Имеретинскій, который весьма любезно предложилъ мнѣ расположиться въ его палаткѣ.

Крайне интересовало меня узнать отъ очевидцевъ какъ происходило дѣло 8-го іюля. Одинъ изъ участниковъ боя разсказалъ мнѣ слѣдующее: 6-го іюля 1-ая бригада 5-ой пѣхот. дивизіи была двинута на Плевну; она выступила, имѣя при себѣ обозы всѣхъ трехъ разрядовъ, и двигалась, безъ всякихъ мѣръ предосторожности. Переночевавъ съ 6-го на 7-е въ деревнѣ Чіековцы, пошли далѣе; кавалерія почему-то отсутствовала. Впереди лежащая мѣстность была совершенно неизвѣстна: ни рекогносцировокъ, ни разъѣздовъ по этому направленію не было. Бригада должна была по диспозиціи двигаться на Вербицу и Палацъ, дабы войти въ связь съ костромскимъ полкомъ, стоявшимъ у Турскаго Трестеника, и затѣмъ, 8-го іюля — совмѣстно атаковать Плевну.

Впереди отряда ѣхалъ штабный офицеръ съ картой въ рукахъ и въ сопровожденіи болгарина

проводника. На перекресткѣ двухъ дорогъ, проводникъ хотѣлъ итти налѣво, предупреждая, что въ противномъ случаѣ вскорѣ наткнутся на турокъ. Офицеръ не придалъ значенія словамъ болгарина, а довѣрился картѣ, на которой, къ сожалѣнію, не вѣрно была нанесена деревня Вербица. Пошли правѣе, и немного спустя, дѣйствительно, раздался турецкій орудійный выстрѣлъ. Отрядъ тотчасъ же построился въ боевой порядокъ, батареи выѣхали на позицію, и завязался артиллерійскій и ружейный бой, длившійся до темноты; бригада ночевала на позиціи. Какъ велика сила непріятеля, осталось совершенно не выясненнымъ.

Съ разсвѣтомъ наши батареи возобновили огонь и, послѣ непродолжительной артиллерійской канонады, рѣшено было пойти на штурмъ. Начальникъ отряда приказалъ итти впередъ; эти молодцы, недавніе побѣдители, спустились смѣло въ лощину и были встрѣчены страшнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ; оказалось, что вся крутизна занята непріятельскими траншеями. Много офицеровъ и нижнихъ чиновъ легло на мѣстѣ, но это лишь на одну минуту задержало наступленіе лихой бригады. Люди быстро оправились, ринулись впередъ и, какъ неудержимый потокъ лавы, выбивая непріятеля изъ траншей, достигли даже предмѣстій Плевны *). Но

*) Вѣрнѣе до дер. Буковлекъ, которую ошибочно приняли за Плевну. Очевидцы этого дѣла врядъ-ли остались въ живыхъ и потому приходится въ настоящее время довольствоваться догадками.

тутъ уже не было стройныхъ частей, а кучки храбрецовъ, которыми некому было руководить, такъ какъ большинство офицеровъ выбыло изъ строя. Въ это время свѣжіе батальоны турокъ подоспѣли на выручку своимъ. Наши съ громадными потерями должны были отступить. Командиръ бригады былъ раненъ, и въ эту тяжелую минуту, по распоряженію ген.-лейт. Шильдеръ-Шульднера, командованіе принялъ ген. Похитоновъ. Видя, что части разстроены и въ безпорядкѣ отступаютъ, ген. Похитоновъ сталъ съ револьверомъ въ рукахъ около своихъ батарей, которыя оставались безъ прикрытія, и, подъ угрозой пристрѣлить на мѣстѣ за неповиновеніе, успѣлъ кое-какъ возстановить порядокъ. Затѣмъ, какъ на ученьи, онъ сталъ по-батарейно отступать къ Бресляницѣ, гдѣ выбралъ позицію и расположился на ночлегъ. Тутъ встрѣтилъ онъ галицкій пѣхотный полкъ 5-ой пѣхотной дивизіи. Распорядительности и храбрости этого генерала русская армія обязана тѣмъ, что вышла съ честью изъ этого несчастнаго дѣла. Затѣмъ къ 10-му іюля подтянулся къ Бресляницѣ и самъ баронъ Криднеръ съ тремя полками 31-ой пѣхотной дивизіи.

Отъ ген.-лейт. Шильдеръ-Шульднера и ген.-м. Похитонова, которыхъ я имѣлъ случай видѣть на Бресляницкой позиціи, я узналъ нѣкоторыя подробности этого боя.

«Я знаю», говорилъ ген.-лейт. Шильдеръ-

Шульднеръ, «что меня будутъ бранить за это дѣло, но когда увидите Великаго Князя, доложите Ему, что храбрая бригада ни въ чемъ не виновата: люди дѣлали свое дѣло хорошо, и непріятель, который былъ въ превосходномъ числѣ, не взялъ у насъ ни одного знамени, ни одного орудія. Не знаю, гдѣ были наши уланы. Спасибо еще дивизіону казаковъ, который появился на нашемъ правомъ флангѣ, нѣсколько разъ бросался въ атаку на непріятеля и весьма помогъ намъ въ порядкѣ отступить».

12-го іюля я попросилъ у барона Криднера позволенія поѣхать въ Никополь, чтобы объѣхать бывшее поле сраженія и посмотрѣть, что тамъ теперь дѣлается. По дорогѣ я наткнулся на партію больныхъ и побитыхъ лошадей бугскаго уланскаго полка; — этотъ полкъ былъ изнуренъ до крайности: 120 лошадей было больныхъ, 14 пало; во взводахъ едва набиралось по 9 рядовъ. Причинъ подобнаго состоянія полка было много: жара была страшная, по 2 дня не разсѣдлывали, и оттого была масса подпаренныхъ спинъ. На весь полкъ не было ни одного ветеринара; овса не было, и люди должны были искать кормъ. Находили ячмень въ снопахъ, сами его молотили и вѣяли. Неумѣлое употребленіе этого горячительнаго корма пагубно дѣйствовало на лошадей: у нихъ дѣлалась опухоль ногъ, приливъ крови къ головѣ, затѣмъ, въ большинствѣ случаевъ, слѣдовали судороги

и смерть. Люди также были измучены до крайности;—это обстоятельство, быть можетъ, отчасти оправдываетъ бездѣйствіе, въ которомъ этотъ полкъ находился 8-го іюля.

Прибывъ въ Никополь, я нашелъ тамъ ген.-лейт. Столыпина, у котораго отъ хлопотъ голова, положительно, шла кругомъ. Румыны, несмотря на неоднократныя телеграммы главнокомандующаго съ приказаніемъ занять Никополь, не рѣшались переправиться черезъ Дунай, не имѣя моста, по которому они могли бы отступить, въ случаѣ нападенія турокъ. Кромѣ того, они не хотѣли ни за что стать подъ начальство русскаго генерала. На другой день послѣ штурма румынскіе офицеры съ женами переправились въ Никополь и принялись хозяйничать въ городѣ. Съ большимъ трудомъ удалось остановить безобразіе. Вотъ, какъ дѣйствовали наши союзники!

Между тѣмъ, несмотря на всѣ старанія, до 11-го іюля на редутахъ еще не были убраны орудія; патроны и оружіе въ громадномъ количествѣ валялись на полѣ сраженія. Капитанъ артил. Кёхли изъ отбитыхъ у турокъ крупповскихъ орудій сформировалъ батарею въ 4 орудія, при 6-ти зарядныхъ ящикахъ. Эта батарея приняла впослѣдствіи участіе въ походѣ и прекрасно дѣйствовала при оборонѣ Шипки.

Румыны, между прочимъ, оффиціально отказа-

лись давать изъ Турну нашимъ войскамъ хлѣбъ, въ которомъ мы весьма нуждались.

На редутѣ, южнѣе Никополя, было также взято одно 6-ти дюймовое крупповское орудіе; — это было то самое, которое стрѣляло по насъ 3-го іюля и отличалось такимъ густымъ басомъ.

Переночевавъ въ Никополѣ, на слѣдующій день я снова явился къ барону Криднеру въ Бреслязницу. Вскорѣ туда прибылъ ординарецъ главнокомандующаго ротм. Бенкендорфъ съ письмомъ отъ начальника штаба къ командиру 9-го корпуса. Меня позвали къ барону Криднеру.

«По смыслу письма, полученнаго мною отъ генерала Непокойчицкаго», обратился онъ ко мнѣ, «я вижу, что общее командованіе надъ войсками, которыя сосредоточиваются у Плевны, возлагается на меня. Отъ инспектора госпиталей ген. Коссинскаго я узналъ, что отрядъ князя Шаховскаго находится уже между Болгарени и Карагачемъ, между тѣмъ я отъ него донесеній не имѣю. Боюсь, что движеніе этой колонны обнаружитъ непріятелю наши намѣренія».

«Ваше превосходительство», возразилъ я, «Великій Князь велѣлъ мнѣ вамъ передать, что князь Шаховской поступаетъ подъ ваше начальство, о чемъ я уже имѣлъ честь вамъ докладывать».

«Да, я отъ васъ это слышалъ, но тѣмъ не менѣе никакого извѣстія отъ князя Шаховскаго не имѣю», продолжалъ баронъ: «поѣзжайте къ

нему сейчасъ же сами и передайте приказаніе главнокомандующаго. Если онъ вамъ не повѣритъ и не согласится мнѣ подчиниться, то поѣзжайте прямо къ Великому Князю и доложите, что при подобныхъ обстоятельствахъ я не могу отвѣчать за послѣдствія».

Съ этимъ порученіемъ я немедленно отправился въ Болгарени, гдѣ нашелъ на бивуакѣ князя Шаховскаго и доложилъ ему, что главнокомандующій поручилъ мнѣ на словахъ передать барону Криднеру, что всѣ войска, идущія къ нему на помощь, поступаютъ подъ его начальство и что поэтому командиръ 11-го корпуса временно подчиняется командиру 9-го корпуса.

«Я знаю», отвѣтилъ онъ мнѣ, «что я моложе барона Криднера и потому долженъ ему подчиниться».

«Въ такомъ случаѣ, не угодно ли вашему сіятельству», отвѣчалъ я, «чтобъ я проводилъ васъ къ барону Криднеру?»

«Хорошо», сказалъ князь: «пообѣдаемте, а потомъ поѣдемъ».

Такъ устроилось свиданіе между корпусными командирами, которое и состоялось на бивуакѣ 5-ой пѣхот. дивизіи.

Между ними и ихъ начальниками штабовъ было тогда же рѣшено атаковать Плевну съ востока и юга, такъ какъ съ сѣвера у турокъ позиція была сильно укрѣплена.

Баронъ Криднеръ уже имѣлъ черезъ болгаръ свѣдѣнія, что въ Плевнѣ сосредоточилось около 20,000 турокъ: изъ Рахова пришелъ Дервишъ-паша съ 6000, изъ Виддина — Османъ-паша съ 11,000, ранѣе того уже былъ Атуфъ-паша съ частію Никопольскаго гарнизона, въ числѣ 3500 человѣкъ. Кромѣ того, было около 60 орудій и нѣсколько тысячъ черкесовъ да башибузуки изъ трехъ округовъ. Перехваченные болгары, поставщики провіанта на турецкую армію, считали также, что турокъ въ Плевнѣ до 21,000 человѣкъ; отъ нихъ же мы узнали, что сильно укрѣплены: Опонецъ, Гривица, лѣсъ Ассанъ-Пехлеванъ и дорога отъ Бресляницы.

16-го іюля баронъ Криднеръ съ отрядомъ перешелъ въ Турскій Трестеникъ, и войска получили слѣдующую дислокацію.

Костромской полкъ съ 5-ой батареей 31-ой артил. бригады остался въ Никополѣ. Тамбовскій полкъ съ одной батареею былъ въ Бресляницѣ.

Козловскій полкъ, 9-ый бугскій уланскій, 9-ый донской казачій и 2-ая казачья конная батарея Рытикова въ Колесоватѣ*).

Три сотни 34 каз. полка стали между р. Осьмой и р. Видомъ, освѣщая мѣстность между Чіековцами и Дунаемъ.

Три полка 5-ой пѣхотной дивизіи, пензенскій полкъ 31-ой пѣхотной дивизіи съ 5-ю батареями 5-ой артил. бригады и 4-мя батареями 31-ой артил. бригады и двѣ сотни 34-го казачьяго полка были расположены впереди Турскаго Трестеника.

*) На картѣ полковника Артамонова этотъ пунктъ совсѣмъ не былъ нанесенъ.

Бригада 11-ой кавал. дивизіи была у Тученицы, а кавказская казачья бригада у Слатины.

Отрядъ князя Шаховскаго былъ въ Порадимѣ. Въ составъ этого отряда входили: 30-ая дивизія генерала Пузанова — полки: ярославскій, шуйскій, коломенскій и серпуховскій и бригада 32-ой пѣхот. дивизіи ген. Горшкова — полки: курскій и рыльскій.

16-го іюля четыре сотни казаковъ, при двухъ орудіяхъ, подъ командой полковника Макшеева ходили изъ Рыбно на рекогносцировку мѣстности за Видомъ, но особенно важныхъ свѣдѣній не доставили.

17-го іюля на аванпостахъ, впереди Тученицы, цѣпь отъ 3-го эскадрона чугуевскаго уланскаго полка, въ 12 часовъ дня, была оттѣснена двумя сотнями черкесовъ, но подоспѣвшій полуэскадронъ изъ главнаго караула вернулъ ихъ назадъ, и цѣпь снова стала на свое мѣсто. При этомъ эстандартъ-юнкеру Демиденкѣ удалось сдѣлать кроки мѣстности, на которомъ онъ нанесъ расположеніе турецкаго лагеря.

Всѣ показанія перехваченныхъ разъѣздами турокъ сводились къ тому, что изъ Виддина Османъ-паша привелъ въ Плевну весь гарнизонъ, что въ Раховѣ тоже ничего не осталось и что кромѣ того, къ Плевнѣ тянутся подкрѣпленія изъ Софіи. Баронъ Криднеръ, боясь новой неудачи и полагаясь на преувеличенныя свѣдѣнія о численности непріятеля, очень не желалъ атаковать Плевну и

доносилъ Великому Князю, что противъ него сосредоточилось около 50,000 турокъ.

Вскорѣ адъютантъ главнокомандующаго шт.-ротм. Дерфельденъ привезъ приказаніе атаковать Плевну, такъ какъ въ ней, по свѣдѣніямъ главной квартиры, лишь 20,000 турокъ, а баронъ Криднеръ имѣетъ 12 полковъ. Но генералъ не повѣрилъ этому извѣщенію *).

17-го іюля, днемъ, собрался въ Порадимѣ военный совѣтъ, на который были приглашены начальники частей. Довольно шумно было на этомъ собраніи. Повидимому, между участниками вышло какое-то недоразумѣніе. Этотъ разладъ между начальствующими лицами можно считать одною изъ главныхъ причинъ нашей неудачи 18-го іюля.

Не предвидя ничего хорошаго, съ грустью вернулись мы обратно на бивуакъ въ Турскій Трестеникъ.

На военномъ совѣтѣ былъ рѣшенъ штурмъ Плевны на 18-е іюля, по слѣдующей диспозиціи.

Правый флангъ Отрядъ ген.-лейт. Вельяминова (полки— пензенскій, козловскій и тамбовскій съ пятью батареями 31-ой артил. бригады) — долженъ былъ въ 5 часовъ утра выступить отъ деревни Коюловцы на Плевну и, дойдя до шоссе, въ виду дер. Гривицы, занять позицію на возвышенности, развернуться въ боевой порядокъ, выставивъ, по

*) Оказалось впослѣдствіи, что свѣдѣнія главной квартиры были совершенно точны. По турецкимъ источникамъ у Османа-паши было около 20,000 человѣкъ пѣх., при 7 эск. кавалеріи и 58 орудіяхъ.

возможности, больше батарей, а затѣмъ открыть огонь по непріятелю.

Тремъ полкамъ 5-ой пѣхотной дивизіи: архангелогородскому, вологодскому и галицкому, подъ начальствомъ ген.-лейт. Шильдеръ-Шульднера, съ 5-ю батареями 5-ой артил. бригады выступить въ 5 часовъ 30 минутъ утра изъ Турскаго Трестеника прямо по дорогѣ на Плевну и стать въ резервѣ за 31-ой пѣхотной дивизіей на высотахъ, сѣвернѣе Болгарено-Плевненскаго шоссе.

Двумъ эскадронамъ 11-го рижскаго драгунскаго полка и сотнѣ казаковъ № 34 полка стать на правый флангъ боевой линіи 31-ой пѣх. дивизіи и высылать разъѣзды для охраненія этого фланга.

Лѣвый флангъ. Отрядъ князя Шаховскаго (полки — ярославскій и шуйскій 30-ой пѣхот. дивизіи, курскій и рыльскій 32-ой пѣхот. дивизіи съ 6-ю батареями 30-ой и 32-ой артил. бригады и одна рота 5-го сапернаго батальона) — долженъ былъ выступить отъ деревни Порадима въ 5 часовъ утра и, направившись между деревнями Сгалуицомъ и Пелишатомъ, атаковать непріятельскія войска, расположенныя сѣвернѣе деревни Радишева; овладѣвъ этою позиціею, двинуться впередъ на Плевну, стараясь поражать артиллеріею во флангъ и тылъ непріятеля, расположеннаго у Гривицы и къ сѣверу отъ Плевны. *Дальнѣйшія же дѣйствія сообразовать съ ходомъ боя на правомъ флангѣ и постоянно сохранять съ нимъ самую тѣсную связь,* для чего въ распоряженіе князя Шаховскаго назначаются два эскадрона чугуевскаго уланскаго полка.

Кавказской сводной бригадѣ съ 8-ою донскою и горною батареями, подъ начальствомъ свиты Е. И. В. ген.-маіора Скобелева, выступить въ 5 часовъ утра изъ деревни Боготъ и, ставъ за лѣвымъ флангомъ боевой линіи, стараться пересѣчь сообщеніе между Плевной и Ловчей, имѣя постоянное наблюденіе по направленію къ обоимъ названнымъ городамъ.

Въ случаѣ отступленія непріятеля изъ Плевны, бригадѣ итти на Софійскую дорогу и пересѣчь туркамъ путь отступленія.

Общему резерву, подъ командой генерала Божерянова, (полки — коломенскій и серпуховской 30-ой пѣхот. дивизіи, со 2-ой, 4-ой и 6-ой батареями 30-ой артил. бригады) выступить отъ Болгарскаго Карагача въ 4 часа утра, направиться къ Болгаренскому шоссе и, дойдя до пересѣченія онаго дорогою изъ Турскаго Трестеника въ Порадимъ, остановиться и ждать приказаній. Двумъ эскадронамъ рижскаго драгунскаго полка и двумъ эскадронамъ чугуевскаго уланскаго полка, съ 18-ою конною батареею, стать у деревни Пелишата и ждать приказаній.

Отряду ген.-лейт. Лашкарева (9-й бугскій уланскій полкъ, 9-й донской казачій полкъ и 2-ая донская батарея) въ 6 часовъ утра выдвинуться отъ деревни Бресляницы на Плевну, выставить цѣпь до соприкосновенія съ непріятелемъ и наблюдать за нимъ, донося немедленно обо всемъ. Въ концѣ диспозиціи баронъ Криднеръ присовокупилъ, что будетъ самъ при общемъ резервѣ, куда и присылать донесенія и кромѣ того, что Его Императорское Высочество черезъ прибывшаго сегодня своего ординарца приказалъ намъ взять Плевну у непріятеля.

Дѣйствительно, въ этотъ день поутру прибылъ къ намъ ординарецъ главнокомандующаго штабсъ-капитанъ гвард. артил. Андреевскій съ приказаніемъ непремѣнно атаковать Плевну, такъ какъ тамъ лишь немного болѣе 20,000 турокъ. Это приказаніе пришло въ отвѣтъ на донесеніе барона Криднера о томъ, что въ Плевнѣ сосредоточилось около 50,000 человѣкъ и потому онъ просилъ разрѣшенія не атаковать ихъ, пока не получитъ новыхъ подкрѣпленій.

Въ 5 часовъ утра 18 іюля мы были уже на

ногахъ. Была серенькая погода—слегка моросилъ дождь. Согласно диспозиціи, всѣ части въ назначенный часъ выступили съ бивуаковъ и, беззвучно шагая по мокрой землѣ, двигались на указанныя мѣста. У всѣхъ было какъ-то тяжело на душѣ; кому то изъ насъ даже припомнились слова извѣстнаго Севастопольскаго стихотворенія: «Какъ 8-го сентября насъ нелегкая несла горы занимать».

На пути пришло барону Криднеру донесеніе отъ генерала Скобелева, въ которомъ онъ сообщалъ, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ плѣнныхъ, захваченныхъ его разъѣздами, въ Плевнѣ находится 45,000 регулярнаго войска при 30 орудіяхъ, кромѣ баши-бузуковъ; въ Ловчѣ же 6 таборовъ и 6 орудій.

Въ 8 час. 45 мин. было получено донесеніе отъ генерала Вельяминова, что онъ выстроился въ боевой порядокъ, не доходя Гривицы. Вслѣдъ за этимъ турки сдѣлали первый выстрѣлъ. Козловцы и тамбовцы были въ первой линіи, пензенцы въ резервѣ.

Въ это время ген. Шнитниковъ пригласилъ меня поѣхать съ нимъ впередъ на позицію ген. Вельяминова. Я былъ очень радъ этому приглашенію, такъ какъ желалъ подробно слѣдить за ходомъ боя.

Когда мы подъѣхали къ нашимъ батареямъ, расположившимся сѣвернѣе Плевненскаго шоссе, генералъ Шнитниковъ замѣтилъ начальнику артил-

леріи, что весьма мало орудій выѣхало на позицію. Мы стояли на довольно значительной высотѣ, которая имѣла скатъ къ деревнѣ Гривицѣ: передъ нами была волнистая мѣстность, кое-гдѣ покрытая мелкими кустами; налѣво, къ Радишеву, можно было свободно различать движеніе войскъ, верстъ на 8 и болѣе. За то прямо передъ нами, сейчасъ же за дер. Гривицей, подымалась возвышенность, которая совершенно скрывала отъ нашихъ глазъ Плевну. Направо нашъ кругозоръ былъ стѣсненъ густо разсаженными фруктовыми деревьями. Завязался дѣятельный артиллерійскій бой.

Тѣмъ временемъ на правомъ флангѣ появилась непріятельская кавалерійская часть, которая, однако, не замедлила удалиться послѣ незначительной перестрѣлки. Вскорѣ прибылъ на позицію и самъ баронъ Криднеръ. Наконецъ, въ 10 часовъ 40 мин., услышали мы первый орудійный выстрѣлъ изъ отряда князя Шаховскаго; до этого мы выстрѣловъ съ той стороны не слыхали, чему крайне удивлялись, такъ какъ, по диспозиціи, отрядъ князя долженъ былъ выступить изъ Порадима въ 5 час. утра и завязать бой одновременно съ нами. Между тѣмъ никакихъ свѣдѣній еще не было, и потому мы приняли этотъ выстрѣлъ за начало боя на лѣвомъ флангѣ *). Мы предполагали даже, что

*) Впослѣдствіи мнѣ говорили, что бой у князя Шаховскаго начался ранѣе, но мы, дѣйствительно, выстрѣловъ не слыхали; я точно отмѣчалъ время въ моей записной книжкѣ, которая и посейчасъ существуетъ.

отрядъ былъ чѣмъ нибудь задержанъ на пути и опоздалъ открыть огонь. Въ это время прибылъ отъ Великаго Князя французскій военный агентъ полковникъ Гальяръ и передалъ барону Криднеру еще разъ настоятельный приказъ главнокомандующаго атаковать Плевну. (Полковникъ Гальяръ былъ истинный другъ Россіи и особенно былъ преданъ Великому Князю, который не одинъ разъ давалъ ему самыя щекотливыя порученія).

Въ 12 часовъ дня увидѣли мы приближающійся къ намъ уланскій взводъ; наконецъ то, подумали мы, вотъ донесеніе князя Шаховскаго. Оказалось, что это былъ взводъ, посланный для разстановки летучей почты между отрядами...

Между тѣмъ у князя Шаховскаго уже былъ страшнѣйшій перекатный ружейный огонь, который не смолкалъ ни на одну минуту. Мы съ нашей позиціи ясно видѣли и могли слѣдить по дымкамъ за движеніемъ нашихъ и турецкихъ пѣхотныхъ цѣпей. Наши то выдвигались впередъ, то какъ будто подавались назадъ.

Въ первомъ часу турки снова безпокоили нашъ правый флангъ и оттѣснили драгунъ, но выдвинутый козловскій полкъ заставилъ непріятеля отступить. Бой въ отрядѣ князя Шаховскаго становился все сильнѣе, его стрѣлковыя цѣпи оттѣснили непріятеля, и его фронтъ сталъ перпендикулярно къ нашему. Хотя между нами было верстъ

8 или 9, но было ясно видно, что дѣло принимаетъ тамъ серьезный оборотъ,... а донесеній все не было. Наконецъ, въ 2 часа 30 мин., баронъ Криднеръ не выдержалъ, послалъ своего адъютанта къ князю Шаховскому узнать о ходѣ дѣла и придвинулъ общій резервъ въ балку, лѣвѣе деревни Гривицы.

Все это время мы стояли около нашихъ батарей, и вокругъ насъ безпрестанно ложились непріятельскіе снаряды; къ счастію, только немногіе изъ нихъ разрывались.

Мнѣ припоминаются слова полковника Гальяра, который стоялъ около меня:

«Ah! mais, mon jeune ami, cela devient ennuyeux. Vous faites votre devoir vous autres, mais pour moi qui ne suis pas bien obligé d'en manger c'est roide! Si cela continue, on ne pourra plus dire comme on disait en 1870: l'état major—c'est la sécurité des fils de famille».

Никто изъ насъ, уѣзжая изъ Турскаго Трестеника, не подумалъ о пищѣ: мы всетаки надѣялись обѣдать въ Плевнѣ. Къ двумъ часамъ захотѣлось страшно ѣсть.

«Mon ami, je meurs de faim», обратился ко мнѣ Гальяръ: «n'auriez vous pas quelque chose à mettre sous la dent».

У моего вѣстоваго казака оказались въ саквѣ сухари, а у меня въ кабурѣ коньякъ; мы преисправно закусили, какъ будто это были не сол-

датскіе сухари, уже нѣсколько дней трепавшіеся на спинѣ лошади, а самые лучшіе сандвичи. Пословица говоритъ справедливо, что «голодъ не тетка». Когда мы, впослѣдствіи, гдѣ бы то ни было, встрѣчались съ полковникомъ Гальяромъ, онъ всегда вспоминалъ этотъ день и называлъ меня не иначе, какъ: «mon jeune camarade» и «mon sauveur».

Передъ нами находился, такъ называемый, Гривицкій редутъ, который дѣятельно посылалъ въ насъ снаряды, а самъ оставался какъ бы невредимымъ. Его принимали за ключъ позиціи, и почти весь огонь нашей артиллеріи былъ направленъ на него. Я слышалъ впослѣдствіи, что за это винили барона Криднера. Понятно, я не могу спорить съ военными критиками, такъ какъ описываю лишь то, что видѣлъ, но не могу не упомянуть, что убѣжденіе въ томъ, что Гривицкій редутъ есть ключъ непріятельской позиціи, не было исключительно личнымъ убѣжденіемъ барона Криднера: его раздѣляли почти всѣ его окружавшіе. Казалось невозможнымъ итти впередъ на Плевну, не взявъ этого редута *). Рекогносцировки, произведенныя до 18-го іюля, дали, къ сожалѣнію, такъ мало свѣдѣній о расположеніи не-

*) Когда этотъ редутъ былъ взятъ нами 30-го августа, оказалось, что сзади него была еще высота, защищавшая Плевну, и на которой также былъ редутъ,—его называли впослѣдствіи вторымъ Гривицкимъ. Онъ существовалъ уже 18-го іюля, но мы о немъ ничего не знали.

пріятеля, что теперь, когда мы смотрѣли на эту возвышенность издали, она представлялась намъ, какъ бы командовавшею надъ Плевной.

Я находился около барона Криднера, и онъ обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

«По всему видно, что Гривицкій редутъ есть ключъ непріятельской позиціи; время уходитъ, до Плевны намъ врядъ ли удастся сегодня дойти; притомъ наша артиллерія не заставила еще замолчать ни одного непріятельскаго орудія. Несмотря на приказаніе Великаго Князя, я сегодня штурмовать Плевну не буду, а ограничусь лишь бомбардировкою.

Послѣ этого мы поѣхали съ нимъ къ лежавшему въ резервѣ архангелогородскому пѣхотному полку. Здѣсь еще разъ пришлось мнѣ отчетливо увидѣть летящій непріятельскій снарядъ. Мы слѣзли съ лошадей и стояли кучкой на полѣ, на которомъ кое-гдѣ торчали фруктовыя деревья. Вдругъ, шагахъ въ 400-хъ отъ насъ, одно изъ деревьевъ было срѣзано пополамъ непріятельскимъ снарядомъ, который вслѣдъ за тѣмъ, потерявъ силу, всетаки по инерціи продолжалъ летѣть, рикошетируя по землѣ и жужжа какъ дѣтскій волчокъ. Перелетѣвъ весьма низко черезъ наши головы, онъ ударилъ въ лобъ штабъ-трубачской лошади, которая тутъ же пала на мѣстѣ. Это былъ снарядъ дальнобойнаго крупповскаго орудія малаго калибра.

Наконецъ, въ 3 часа дня пришло первое до-

несеніе отъ князя Шаховскаго, что имъ взяты высоты впереди деревни Радишево, что всѣ его войска уже находятся въ боевой линіи и что онъ проситъ немедленно прислать подкрѣпленія. Почти одновременно пришло донесеніе отъ генерала Скобелева, что онъ видитъ массы турецкой пѣхоты по Софійской дорогѣ и между Плевной и Гривицей, а также, что непріятельскія цѣпи отступаютъ подъ напоромъ отряда князя Шаховскаго.

Въ общемъ резервѣ у насъ было два полка; одинъ изъ нихъ, коломенскій, былъ немедленно отправленъ на подкрѣпленіе къ князю Шаховскому. Между тѣмъ цѣпь тамбовцевъ, прикрывавшая нашу артиллерію, перешла Гривицкій оврагъ и уже въ 1-мъ часу дня, залегши на гребнѣ, завязала дѣятельную перестрѣлку съ редутомъ и выдвинутыми впереди него траншеями. Турки отвѣчали имъ бѣглымъ, безостановочнымъ ружейнымъ огнемъ. Въ это время мы ясно увидѣли, что на князя Шаховскаго двинулись свѣжія турецкія части; наши цѣпи стали подаваться назадъ, и намъ казалось, что сраженіе на лѣвомъ флангѣ проиграно, что въ дѣйствительности и было.

Жаль было смотрѣть на барона Криднера въ эту минуту — ему надо было на что-нибудь рѣшиться: итти ли на помощь къ князю Шаховскому, оставивъ Гривицкій редутъ почти въ тылу, или штурмовать редутъ, взять его и затѣмъ соединиться съ княземъ. Баронъ, видимо, страдалъ,

не зная, на чемъ остановиться. Наконецъ, въ 3 часа 50 мин., онъ сказалъ, обращаясь къ стоявшимъ вблизи войскамъ:

«Ну, братцы, теперь съ Богомъ! берите скорѣе этотъ редутъ, и будемъ сегодня ужинать въ Плевнѣ.»

Итакъ жребій былъ брошенъ! Тамбовцы съ лѣваго фланга, козловцы и пензенцы съ праваго — двинулись впередъ; галицкій полкъ сталъ въ резервѣ за тамбовцами, а бригада ген.-лейт. Шильдеръ-Шульднера за правымъ флангомъ.

Наши цѣпи двинулись черезъ кукурузное поле и лишь только вышли на открытое мѣсто, какъ были встрѣчены адскимъ ружейнымъ огнемъ. Редутъ, какъ транспарантъ иллюминаціи, загорѣлся тремя ярусами ружейныхъ огоньковъ. Подобной страшной трескотни я въ жизни своей не слыхалъ, и она по сихъ поръ не изгладилась изъ моей памяти. Наши храбрецы съ крикомъ ура бросились впередъ, но съ большимъ урономъ должны были отступить. За симъ, собравшись, они снова атаковали и снова отступили — и такъ четыре раза, съ крикомъ ура, наши войска бросались впередъ, но не могли перебѣжать этой страшной равнины смерти, на которой не было ни малѣйшаго закрытія, гдѣ бы солдатики могли сдѣлать передышку. Все это было намъ видно, какъ на ладони, съ той возвышенности, на которой мы стояли, буквально осыпаемые турецкими снарядами.

Въ 5 часовъ, т. е. черезъ часъ послѣ начала движенія нашихъ молодцевъ на штурмъ Гривицкаго редута, меня подозвалъ баронъ Криднеръ и сказалъ:

«Поѣзжайте къ ген. Шильдеръ-Шульднеру и передайте ему, чтобы онъ поддержалъ пензенцевъ архангелогородскимъ полкомъ.»

Такъ какъ 1-я бригада 5-ой пѣхот. дивизіи была въ резервѣ, то я направился къ нашимъ правофланговымъ батареямъ, разсчитывая найти близъ нихъ генерала Шильдеръ-Шульднера, но его уже тамъ не было. Командиръ батареи объяснилъ мнѣ, что архангелогородцы и вологодцы пошли впередъ на подкрѣпленіе пензенцевъ. Я поспѣшилъ далѣе, спустился въ лощину и увидѣлъ страшную картину: до 3000 раненыхъ офицеровъ и солдатъ группами лежали на землѣ и стонали; раздавались ругательства: «вѣдь, это на убой насъ ведутъ! развѣ можно штурмовать по такой мѣстности!»

На мои вопросы: «гдѣ начальникъ дивизіи?» я услышалъ колкіе намеки и отвѣты: «нашъ генералъ сзади не бываетъ, ищите его ближе къ непріятелю».

Не безъ труда замѣтилъ я, наконецъ, синій флагъ начальника дивизіи, поскакалъ туда и былъ во-время остановленъ осетиномъ, вѣстовымъ генерала.

«Извольте оставить лошадь, ваше в-родіе,» сказалъ онъ мнѣ: «дальше на конѣ не проѣдете; гене-

ралъ оставили меня съ конями здѣсь, а сами пошли пѣшкомъ».

Я поблагодарилъ осетина, соскочилъ съ Лорда и бросился далѣе. Налѣво вела углубленная дорога, на которой лежало нѣсколько раненыхъ офицеровъ и солдатъ: не желая слышать снова двусмысленныхъ замѣчаній, я не рискнулъ итти по ней, а предпочелъ вскарабкаться прямо на крутизну, подъ прикрытіемъ которой осетинъ держалъ лошадей. Здѣсь я попалъ подъ такой ружейный огонь, котораго никогда не забуду: отъ выстрѣловъ стлался по землѣ дымъ, пахло гарью, кричали ура, оріентироваться было невозможно. Впереди меня грохоталъ страшный транспарантъ. Надо было найти начальника дивизіи, но какъ?... Въ эту минуту, я былъ одинъ, никто меня не видѣлъ: мнѣ стоило большихъ усилій, чтобы не вернуться назадъ. Спасибо одному раненому барабанщику, который указалъ мнѣ, что начальникъ дивизіи, должно быть, лѣвѣе, въ одной изъ отнятыхъ у турокъ траншей. Подобравъ палашъ, я опрометью бросился туда бѣжать и, на мое счастье, вскочивъ въ траншею, нашелъ тамъ генерала Шильдеръ-Шульднера. Онъ сидѣлъ вдвоемъ съ начальникомъ штаба 5-ой п. дивизіи (полков. Поповымъ), и по лицу добраго старика текли слезы. Въ этотъ день, казалось, онъ еще болѣе побѣлѣлъ: ему жаль было видѣть гибель лихой бригады, за которую онъ страдалъ какъ отецъ.

«Доложите барону», сказалъ онъ, «что отъ моей бригады осталось едва 5 ротъ; потери громадны, мы совершенно разстроены и совладать съ этимъ редутомъ не можемъ».

«Не прикажете ли, ваше п-ство, просить для васъ подкрѣпленій?» спросилъ я.

«Пожалуй», отвѣтилъ генералъ, «если вамъ удастся вернуться къ барону Криднеру, попросите прислать помощь, чтобы хотя дать возможность моей бригадѣ собраться; объ успѣхѣ штурма уже и думать нельзя».

Съ этимъ отвѣтомъ отправился я отъ генерала, но не тѣмъ путемъ, которымъ прибѣжалъ, а воспользовался углубленною дорогою, соединявшею, какъ оказалось, траншею съ лощиной. Добравшись до своей лошади, я нашелъ ее раненою въ ногу, но слава Богу, легко. Сѣвъ верхомъ, я пустился напрямикъ къ барону Криднеру и черезъ нѣсколько десятковъ саженъ попалъ въ кукурузное поле, которое почти скрывало меня съ лошадью.

Всякій, я думаю, испыталъ непріятное чувство и желаніе скорѣе выйти на просторъ, попавъ лѣтомъ въ густую рожь или кусты. Прибавьте къ этому: разрывающіеся снаряды, шрапнель, стоны раненыхъ, щемящее душу ура, неумолкаемую трескотню ружейнаго огня — и вы поймете, въ какой обстановкѣ я ѣхалъ къ корпусному командиру.

Мой докладъ произвелъ сильное впечатлѣніе на барона Криднера.

«Возьмите одинъ батальонъ серпуховскаго полка», сказалъ онъ мнѣ, «и отведите на подкрѣпленіе къ ген. Шильдеръ-Шульднеру».

Исполнивъ порученіе, я вернулся назадъ въ седьмомъ часу.

Пальба ни на минуту не прерывалась, какъ у насъ, такъ и у князя Шаховскаго. Намъ было видно, что цѣпи князя начали подаваться назадъ— очевидно, сраженіе было проиграно.

«Cher ami», обратился ко мнѣ въ эту минуту полковникъ Гальяръ, «Voila un moment, ou si c'était nous, le général commandant se serait approché de la cavalerie et aurait dit: chargez! ou nous sommes f.....! Voila comment nous avons inutilement perdu notre brave cavalerie en 1870».

Полковникъ Гальяръ былъ въ душѣ кавалеристъ, горячо любилъ свой родъ оружія и часто въ разговорѣ сѣтовалъ на то, какъ не умѣли французы пользоваться кавалеріей во время войны съ пруссаками. Дѣйствительно, теперь былъ настоящій моментъ для дѣйствія кавалеріи, но не нашей, а непріятельской, которой, вѣроятно, у Османа-паши не было; явись теперь кавалерійская непріятельская часть, плохо пришлось бы намъ при отступленіи.

Стало темнѣть. Тогда были вызваны изъ резерва послѣдніе два батальона серпуховскаго полка, и мы стали окапываться на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ баронъ Криднеръ. Подъ прикрытіемъ этихъ двухъ

батальоновъ, мы должны были собрать разстроенныя части и отступить къ Турскому Трестенику.

Въ этотъ день, хотя войска шли хорошо, но это было уже не то увлекательное, стихійное движеніе, которое я видѣлъ въ Никополѣ. Когда батальоны шли впередъ, то они таяли, проходя черезъ кукурузныя поля *). Войска, которыя съ разсвѣтомъ двинулись съ бивуаковъ, уже выпили всю воду, находившуюся у нихъ во флягахъ, и вотъ, здѣсь пришлось мнѣ видѣть прелестный сюжетъ для кисти Верещагина: за каждой ротой обыкновенно слѣдовали одинъ или два деньщика съ осломъ, навьюченнымъ офицерскими пальто и закусками. Деньщика нагружали массой баклажекъ и отправляли за водой. Набравъ воды, этотъ солдатикъ, безъ оружія, верхомъ на ослѣ, обвѣшанный весь баклажками, возвращался обратно къ своимъ. Ему приходилось догонять роту подъ страшнымъ огнемъ, и это нисколько его не останавливало — онъ всетаки продолжалъ ѣхать впередъ, пока не найдетъ товарищей.

Это ли не образецъ стоической, чисто русской храбрости, храбрости «святой сѣрой скотины», какъ своеобразно назвалъ русскаго солдата генералъ Драгомировъ!

Это не пылъ французскаго зуава, не методич-

*) Этотъ сортъ отсталыхъ получилъ въ арміи прозваніе «кукурузниковъ».

ная, разсчитанная храбрость нѣмецкаго интеллигента,—это нѣчто беззавѣтное, не разсуждающее. «Никто какъ Богъ», говоритъ солдатикъ: «крещенные пить хотятъ», и онъ, не вдаваясь въ разсужденія, ѣдетъ себѣ впередъ.

Наступила совершенная темнота. Мы стали отступать. Всѣ были мрачны, на сердцѣ было тяжело, но о замѣшательствѣ не было и помину.

Баронъ Криднеръ отдалъ приказъ увозить всѣхъ раненыхъ къ Турскому Трестенику, войскамъ отступать по Болгарено-Плевненскому шоссе, а обозамъ отойти къ Болгарени.

Въ эту тяжелую минуту много содѣйствовалъ порядку генералъ Похитоновъ: его спокойный, громкій голосъ, отдающій приказанія, ободрялъ всѣхъ. Баронъ Криднеръ оставался на позиціи, пока всѣ раненые не были подобраны. Наконецъ, въ 11-мъ часу, ему доложили, что всѣ раненые увезены; тогда онъ поворотилъ лошадь, и мы шагомъ направились на Турскій Трестеникъ.

Артиллерійская пальба прекратилась, но ружейная трескотня все еще продолжалась; по временамъ слышны были крики ура, которымъ вторили «Алла, Алла» турокъ. Были вызваны начальники частей; но вызвать было легче, чѣмъ ихъ найти въ этомъ сумбурѣ. Въ совершенной темнотѣ натыкаемся мы на кучку людей.

«Что за люди?»

«Знаменные ряды такого-то полка, при нихъ

одинъ офицеръ и 30 нижнихъ чиновъ», былъ отвѣтъ.

Далѣе опять кучка — опять тотъ же отвѣтъ.

Вдругъ, раздается команда: «Смирно, короче на ногу!», и мы слышимъ мѣрный шагъ пѣхотной части; это былъ воронежскій пѣхотный полкъ, который съ 3-ей батареей 5-ой артил. бригады изъ Систова шелъ на помощь къ своему корпусу.

На привѣтствіе барона «здорово воронежцы», раздалось раскатистое «здравія желаемъ ваше п-ство-о», которое пріятно защекотало наши уши.

Имѣя теперь 5 батальоновъ, мы могли, подъ ихъ прикрытіемъ, отступить въ порядкѣ, не боясь преслѣдованія турокъ. Къ 4 часамъ утра добрались мы до Турскаго Трестеника, почти сутки проведя на конѣ. За весь день, кромѣ воды и солдатскихъ сухарей, у насъ во рту ничего не было и, удивительно, отъ усталости даже ѣсть не хотѣлось. Мой деньщикъ отступилъ съ обозами къ Болгарени, такъ что и въ Турскомъ Трестеникѣ нечего было поѣсть. Вскорѣ призываетъ меня баронъ Криднеръ и говоритъ:

«Я вызвалъ къ себѣ начальниковъ частей, чтобы узнать подробности боя; отдохните, съ разсвѣтомъ вы поѣдете къ Великому Князю въ Тырново.»

Зная, что переѣздъ будетъ дальній, около 100 верстъ, я отдалъ лошадь вѣстовому и завалился спать подъ какой-то стогъ сѣна. Усталость

и молодость взяли свое: я заснулъ какъ убитый. Въ 7 часовъ утра меня едва растолкали и позвали къ корпусному командиру.

«Къ сожалѣнію», сказалъ онъ мнѣ, «я ничего не могъ узнать, начальники частей еще не съѣхались; поѣзжайте къ Великому Князю и доложите то, что видѣли. Донесеніе Государю я отправлю прямо въ Бѣлу, когда получу точныя свѣдѣнія.

Сѣвъ на раненаго и потому хромавшаго Лорда, я со своимъ вѣстовымъ направился въ Болгарени. Дорога шла по совершенно гладкой, открытой мѣстности; вдали виднѣлось это селеніе, къ которому подъ угломъ тянулись два непрерывные транспорта раненыхъ: одинъ отъ насъ, другой изъ Порадима, куда отступилъ князь Шаховской.

Всѣ 16 верстъ до Болгарени пришлось мнѣ обгонять партіи раненыхъ: кто лежалъ въ телѣгѣ, кто шелъ пѣшкомъ, опираясь на ружье; одни въ мундирахъ, другіе въ шинеляхъ, а то и просто въ рубашкахъ; въ иныхъ телѣгахъ жались по 5—6 человѣкъ. Стоны, страдальческія лица, страшныя раны, на-скоро перевязанныя, изъ которыхъ сочилась кровь — вотъ, какую ужасную картину я видѣлъ въ теченіи двухъ часоваго переѣзда до Болгарени!

Подъѣхавъ къ мосту черезъ рѣку Осьму, я увидѣлъ громадную равнину, на которой собрались всѣ парки, обозы, транспорты, лазареты двухъ корпусовъ; они занимали, по меньшей мѣрѣ, четыре

квадратныя версты. У моста офицеры различныхъ полковъ принимали отбившихся отъ своихъ частей солдатъ, отступавшихъ по одиночкѣ, вмѣстѣ съ ранеными. Врачи усердно работали. Былъ полный порядокъ. Я скоро отыскалъ ставку корпуснаго командира, велѣлъ его деньщику поставить самоваръ и, приказавъ сѣдлать моего заводного бураго мерена, вошелъ въ палатку барона Криднера, чтобы помыться. Я отмѣчаю этотъ фактъ, какъ образчикъ тѣхъ непринужденныхъ, товарищескихъ отношеній, которыя устанавливаются между генералами и офицерами въ боевой обстановкѣ.

Не успѣлъ я хорошенько освѣжиться поданною мнѣ водою, какъ услышалъ какой-то шумъ; влетаетъ ко мнѣ въ палатку докторъ К.»

«Капитанъ», обратился онъ ко мнѣ, «вы изъ главной квартиры? Дайте мнѣ вашихъ казаковъ, чтобы встрѣтить турокъ».

«Какихъ турокъ?» возразилъ я: «мы вчера неудачно штурмовали, но не разбиты. Я только что съ позиціи, мы окопались, и турки насъ не преслѣдовали; ихъ тутъ быть не можетъ».

Въ это время вбѣгаетъ въ палатку знакомый мнѣ адъютантъ корпусной артиллеріи шт.-кап. Ш.

«Что вы, докторъ, производите напрасную панику въ лазаретахъ?» проговорилъ онъ: «гдѣ вы видѣли турокъ?»

Между тѣмъ гулъ увеличился, послышались крики: «отступать»; мы бросились съ Ш. изъ

палатки и увидѣли страшную картину. Весь этотъ муравейникъ, какъ по мановенію какого-то жезла, зашевелился, загудѣлъ; уже транспортъ съ погоньщиками въ пустыхъ телѣгахъ, подъ предводительствомъ интендантскаго чиновника, первый выбрался на дорогу и пустился на утекъ. Не долго думая, мы вскочили на лошадей, бросились за этимъ храбрымъ чиновникомъ и, лишь помощью энергичныхъ мѣръ, едва могли его остановить. Онъ такъ ошалѣлъ, что могъ только безсвязно кричать: «велѣно отступать».

Тѣмъ временемъ безпорядокъ усиливался; раненые, не дождавшись перевязки, бросались изъ телѣгъ, болгары отпрягали воловъ, и все это бросалось куда-то бѣжать. Положеніе становилось критическимъ. Начальство куда-то изчезло, по крайней мѣрѣ мы съ Ш. никого разыскать не могли. Несмотря на сильную работу нагайками, мы только нѣкоторыхъ успѣли остановить и узнали, что какой-то генералъ велѣлъ всѣмъ отступать. Паника была на столько сильна, что, какъ мнѣ разсказали впослѣдствіи, она распространилась даже до Систова. Не дай Богъ никогда быть свидѣтелемъ подобнаго безобразія...

Имѣя порученіе къ главнокомандующему, я не смѣлъ болѣе терять времени и потому, посовѣтовавъ Ш. отыскать кого-нибудь изъ начальства, забралъ своихъ четырехъ казаковъ и поспѣшилъ въ Тырново. Раненаго Лорда съ Тычинскимъ

и однимъ вѣстовымъ я оставилъ въ Болгарени, съ приказаніемъ передохнуть, а затѣмъ, шагомъ двинуться по моимъ слѣдамъ.

Такимъ образомъ, я только въ 11-мъ часу утра выбрался съ бивуака. Проѣзжая черезъ Чаушку Махалу, я встрѣтилъ военнаго исправника, которому передалъ настоящее положеніе дѣла и просилъ успокоить населеніе, собравшееся уже бѣжать. Удивительно, какъ быстро распространяются дурныя вѣсти: по сторонамъ дороги я уже видѣлъ вдали пыль, производимую гуртами скота, угоняемаго осторожными братушками отъ воображаемаго наступленія турокъ.

Была страшная жара. Я шелъ крупной ходой, изрѣдка переходя въ рысь, и въ Акчаирѣ долженъ былъ остановиться, чтобы дать конямъ передохнуть. Не желая мучить всѣхъ лошадей, я выбралъ одного казака и черезъ часъ двинулся далѣе. Я рѣшилъ зарѣзать своего бураго, но во что бы то ни стало доспѣть скорѣе къ Великому Князю. Какъ извѣстно, у казаковъ собственныя лошади: я обѣщалъ моему молодцу вѣстовому, что онъ получитъ денежное вознагражденіе отъ главнокомандующаго, если его конь падетъ; мы бойко поѣхали впередъ и около 11-ти часовъ ночи были уже въ Самоводахъ. Тамъ встрѣтилъ я главную квартиру, которая выступила изъ Тырнова и направлялась на Чаушку-Махалу. Отъ генерала Левицкаго я узналъ, что Великій Князь уѣхалъ къ

Государю въ Бѣлу. Мой конь далѣе итти уже не могъ, мнѣ дали лейбъ-казачью лошадь, и я съ новымъ вѣстовымъ пустился опять въ путь.

Начала брезжиться заря, стлался по землѣ туманъ; я былъ въ одномъ кителѣ; отъ усталости и двухъ-суточной, безпрерывной почти, ѣзды меня стала пробирать дрожь. Маленькое казачье сѣдло, съ непривычки, меня страшно мучило. Несмотря на мою большую выносливость, силы начали мнѣ измѣнять, но мнѣ хотѣлось, во что бы то ни стало, успѣть доложить Великому Князю раньше, чѣмъ ординарецъ барона Криднера пріѣдетъ съ донесеніемъ къ Государю.

Хотя баронъ Криднеръ никакихъ свѣдѣній мнѣ не далъ, но я, пробывъ у него почти 10 дней, имѣлъ многое доложить главнокомандующему; кромѣ того, я имѣлъ всѣ диспозиціи, кроки мѣстности, и въ моей записной книжечкѣ были отмѣчены по часамъ главнѣйшіе моменты боя 18-го іюля. Побывавши въ Никополѣ, я уже не былъ новичкомъ, зналъ, что интересуетъ Великаго Князя, и потому записывалъ все, что считалъ важнымъ. Докладывать же Великому Князю мы могли все, на чистоту, не боясь, что Онъ насъ выбранитъ за излишнюю болтливость. Онъ хорошо зналъ, что мы не врали для краснаго словца.

Оставалось верстъ 5 до Бѣлы, но я, положительно, далѣе ѣхать не могъ и почти свалился съ

сѣдла; полежавъ минутъ 10 на землѣ, я снова, съ помощью казака, взобрался на лошадь и, держась за переднюю луку, двинулся далѣе. Солнце начало всходить. Въ виду Бѣлы нагнали мы болгарина, который ѣхалъ съ возомъ кукурузы; я его остановилъ, взобрался на возъ и въ такомъ импровизованномъ экипажѣ доѣхалъ до города. У моста черезъ рѣку Янтру я сѣлъ опять верхомъ и добрался, наконецъ, до главной квартиры Государя.

«Стой!... Что пропускъ?» остановили меня часовые.

«Я ординарецъ главнокомандующаго», отвѣчалъ я, «и пріѣхалъ съ донесеніемъ изъ подъ Плевны. Вызовите караульнаго офицера, мнѣ необходимо тотчасъ же явиться къ Великому Князю».

Вмѣсто караульнаго офицера вышелъ ко мнѣ ген.-адъют. Рылѣевъ, комендантъ главной квартиры Государя.

«Я не могу васъ пропустить къ Великому Князю», сказалъ онъ мнѣ, «потому что Его палатка около ставки Государя. Его Величество почиваетъ, и вы можете Его обезпокоить. Недавно пріѣхалъ отъ барона Криднера ординарецъ, и я его не допустилъ до Государя.

Слава Богу, подумалъ я, успѣю доложить Великому Князю ранѣе, чѣмъ Государь получитъ донесеніе отъ ген. Криднера; не даромъ торопился.

Я объяснилъ ген.-адъют. Рылѣеву, что мы обязаны являться къ главнокомандующему во всякое время дня и ночи, по возвращеніи изъ командировки, обѣщалъ пройти осторожно мимо палатки Государя и, получивъ отъ него разрѣшеніе, явился, наконецъ, къ Великому Князю.

Это было ровно въ 5 часовъ утра, т. е. черезъ 22 часа послѣ того, какъ я выѣхалъ изъ Турскаго Трестеника. Въ этотъ промежутокъ времени я сдѣлалъ болѣе 140 верстъ, изъ которыхъ послѣднія 40 — на скверной казачьей лошади и на маленькомъ казачьемъ сѣдлѣ, изломавшемъ мнѣ ноги. Я страшно усталъ, что, должно быть, было замѣтно на моемъ лицѣ.

«Ну что, Володя? Что скажешь?» спросилъ у меня Великій Князь: «Ты, кажется очень усталъ,— садись на постель и докладывай».

Я сѣлъ на кровать Великаго Князя и сталъ послѣдовательно разсказывать. Все пережитое въ послѣдніе дни было живо въ моей памяти, я увлекся, усталость какъ рукой сняло и, незамѣтнымъ образомъ, мой докладъ продлился полтора часа.

«Ну, спасибо тебѣ», сказалъ Великій Князь, «скоро же ты отмахалъ; вѣсти привезъ дурныя, но за донесеніе спасибо. Пойди, доложи начальнику штаба. Когда проснется Государь, Я тебя позову».

Доложивъ генералу Непокойчицкому, но уже

болѣе коротко, я наскоро умылся и поспѣшилъ воспользоваться любезнымъ приглашенiемъ генерала Рылѣева итти въ столовую палатку Государевой свиты.

Тотчасъ подали мнѣ кофе съ бѣлымъ хлѣбомъ и, о восторгъ, со сливками, которыхъ я забылъ даже вкусъ. Съ жадностью набросился я на все поданное, чѣмъ не мало насмѣшилъ радушнаго генерала Рылѣева. Часовъ около 8 утра позвали меня къ Государю, котораго я засталъ въ саду, близъ своей палатки, за кофе.

Вокругъ Него сидѣли: Великiй Князь, начальникъ штаба, г.-а. Милютинъ, графъ Адлербергъ и князь Суворовъ. Тутъ же стоялъ присланный отъ барона Криднера ординарецъ, который уже докладывалъ Государю о ходѣ боя 18-го iюля.

Должно быть, мой докладъ былъ подробнѣе и болѣе подготовленъ, потому что Великiй Князь перебилъ этого офицера и сказалъ, обращаясь къ Государю:

«Ваше Величество, позвольте моему ординарцу Лярскому Вамъ доложить, у него есть всѣ диспозицiи и кроки мѣстности».

«Подойди сюда», обратился ко мнѣ Государь, «ты, кажется, очень усталъ. Братъ мнѣ говорилъ, что ты прiѣхалъ сюда черезъ Тырново, садись около Меня и разсказывай».

Еслибъ мнѣ пришлось въ другое время докладывать Государю при подобной обстановкѣ, то,

я думаю, весьма бы сконфузился, но тутъ, послѣ 48-ми часоваго, почти безпрерывнаго движенія, подъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго и съ притупленными отъ усталости нервами, я сталъ очень спокойно рапортовать. Мой разсказъ, видимо, заинтересовалъ Государя, такъ какъ продлился около часу. Государь часто меня останавливалъ и дѣлалъ различные вопросы. Хотя баронъ Криднеръ и телеграфировалъ уже о постигшей насъ неудачѣ, но коротко, и телеграмма, понятно, не могла дать всей картины этого несчастнаго дня. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ недавняго боя мой докладъ вылился довольно живо, и я удостоился милостивѣйшаго «спасибо» Его Величества. Я первый разъ въ жизни имѣлъ счастіе докладывать Государю и, къ великому прискорбію, долженъ былъ опечалить Монарха, такъ какъ ничего хорошаго сказать не могъ.

Замѣтивъ, что я хромалъ, подходя къ столу, Государь спросилъ у меня, не раненъ ли я. Я отвѣчалъ, что Богъ миловалъ, хромаю же оттого, что у меня подъ колѣномъ вскочилъ желвакъ, величиною въ грецкій орѣхъ отъ постояннаго толканія правой ногой по боку лошади, чтобы заставить ее итти ходой.

Затѣмъ Государь обратился къ Великому Князю и благодарилъ за слышанный обстоятельный докладъ. Надо сказать, что не одинъ разъ покойный Государь осчастливливалъ насъ самыми

милостивыми словами и ставилъ въ примѣръ нашу исполнительность и быстроту передвиженія.

«Братъ вами не нахвалится», сказалъ однажды Государь одному изъ моихъ товарищей, «куда васъ ни пошлетъ, исполняете толково, разумно, обстоятельно. Неоднократно Я Самъ въ томъ убѣждался. Спасибо вамъ, молодцы!

Когда мы были отпущены, ординарецъ барона Криднера обратился ко мнѣ съ вопросомъ, какъ это мнѣ пришло въ голову записывать во время боя различные моменты по часамъ. Я отвѣтилъ ему, что все дѣло навыка и снаровки. Какъ я уже говорилъ ранѣе, отправляясь на войну, мы не имѣли никакого представленія о томъ, что мы должны дѣлать во время боя. Побывавъ въ Никополѣ и пріѣхавъ оттуда съ донесеніемъ къ Великому Князю, я уже понялъ, что требуется отъ ординарца и потому въ этотъ разъ подготовился, что и удивило моего собесѣдника, которому пришлось докладывать впервые. Еще въ Кишиневѣ мы получили слѣдующую краткую инструкцію отъ главнокомандующаго:

«Куда васъ посылаю, должны все видѣть и все знать. «Не могу знаекъ»,—чтобы не было!»

Я отправился къ знакомымъ офицерамъ свиты Государя, думалъ уснуть,—не тутъ-то было: сонъ какъ рукой сняло; выпилъ шампанскаго, надѣясь опьянѣть, но и это не помогло. Я переутомился и только къ вечеру могъ, наконецъ, заснуть.

Впослѣдствiи мнѣ говорили, что въ этотъ же день была отправлена въ Петербургъ телеграмма, вызывавшая всю гвардiю и гренадеръ.

Днемъ того же числа Великiй Князь отбылъ въ Овчу Могилу, а мнѣ приказалъ отдохнуть въ Бѣлѣ и затѣмъ Его догнать.

ГЛАВА VII.

Шипка.

На слѣдующій день, 21-го іюля, я выѣхалъ изъ Бѣлы и 23-го догналъ главнокомандующаго въ деревнѣ Раденицы. Здѣсь я удостоился получить изъ рукъ Великаго Князя мою первую боевую награду — георгіевскій темлякъ, т. е. золотое оружіе, къ которому меня представилъ баронъ Криднеръ за участіе въ штурмѣ Никополя.

Мнѣ крайне лестно было получить такое высокое отличіе, такъ какъ я не имѣлъ еще ни одного креста. Вообще, Великій Князь не представлялъ насъ никогда лично къ наградамъ, а это могли дѣлать тѣ генералы, въ распоряженіе которыхъ насъ отправляли.

24-го іюля главнокомандующій со свитой направился къ Болгарскому Карагачу и Порадиму, чтобы объѣхать всѣ части войскъ, которыя принимали участіе въ дѣлѣ 18-го іюля, и ихъ ободрить.

Войска боготворили своего главнокомандующаго, цѣнили Его ласковое слово и отеческое обращеніе. Этотъ объѣздъ произвелъ замѣчательное дѣйствіе: солдаты услышали отъ Великаго Князя, что Онъ ихъ благодаритъ за службу и жалуетъ по два георгіевскихъ креста на роту, слѣдовательно, пораженія не было, была только неудача. Увѣренность въ себя, въ свои силы снова вернулась ко всѣмъ. Когда въ мирное время я слышалъ разсказы о томъ, какъ въ тяжелую минуту достаточно бываетъ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ любимымъ вождемъ, чтобы поднять духъ солдатъ, я этому какъ-то не вѣрилъ. Теперь же это совершалось на нашихъ глазахъ: восторженное ура гремѣло какъ въ Кишиневѣ, все горе, всѣ лишенія были забыты. Ѣхавши за Великимъ Княземъ, я былъ свидѣтелемъ одного интереснаго факта: на правомъ флангѣ 30-ой пѣхот. дивизіи, встрѣтилъ главнокомандующаго съ рапортомъ ген.-лейт. *** (начальникъ дивизіи). Не поздоровавшись съ нимъ, Великій Князь сказалъ:

«Я слышалъ, что вы хотите въ отпускъ, домой?»

Генералъ *** покраснѣлъ какъ ракъ.

«Вы, кажется, больны? Такъ сдайте дивизію ген.-маіору Шнитникову и можете отправляться».

«Когда прикажете?» промычалъ совсѣмъ растерявшійся генералъ.

«Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше», отвѣтилъ Великій Князь, презрительно на него посмотрѣвъ.

Оказалось, что генералъ *** былъ настоящимъ виновникомъ паники въ нашемъ обозѣ 19-го іюля, у Болгарени. Его нервы не выдержали страшной картины боя и, особенно, его послѣдствій: онъ сѣлъ въ карету и пустился на утекъ. Увидавъ обозы и лазареты въ Болгарени, онъ изъ окна кареты кричалъ: «Кто въ Бога вѣруетъ, спасайся!» и тѣмъ произвелъ то замѣшательство, котораго я былъ свидѣтелемъ.

Затѣмъ главная квартира перешла въ Горный Студень, гдѣ главнокомандующій избралъ для себя центральный пунктъ между Рущукскимъ отрядомъ Наслѣдника Цесаревича, Балканами и Плевненскимъ отрядомъ.

Вскорѣ въ Горный Студень прибылъ и Государь со всей Императорской главной квартирой.

Война приняла совершенно другой характеръ: наступательныя дѣйствія на всѣхъ пунктахъ были пріостановлены, и всѣ заботы были направлены на то, чтобы удержаться на занятыхъ позиціяхъ до прибытія гвардіи и новыхъ подкрѣпленій. Началось, такъ называемое, Плевненское сидѣніе. Но не долго пришлось мнѣ пробыть на мѣстѣ. Сулейманъ-паша вскорѣ началъ штурмовать Шипку, и на помощь генералу Радецкому была направлена, только что прибывшая изъ Румыніи, 2-ая армейская пѣхотная дивизія, командующимъ которой былъ назначенъ свиты Е. И. В. ген.-м. князь Имеретинскій.

9-го августа я получилъ приказанiе отвезти къ князю Имеретинскому бумаги и остаться въ его распоряженiи, впредь до какого-нибудь интереснаго момента, о которомъ надо было бы донести Великому Князю.

Счастiе меня, положительно, баловало; мнѣ стали даже нѣкоторые завидовать. Я былъ увѣренъ, что и теперь на Шипкѣ увижу много новаго.

Черезъ два часа по полученiи бумагъ, я уже выѣхалъ изъ Горнаго Студня. Наша ординарческая служба была такова, что мы всегда должны были быть на чеку, т. е. лошади сыты, хорошо подкованы и въ полномъ порядкѣ, вьюки почти уложены, однимъ словомъ, въ постоянной готовности выѣхать на неопредѣленное время изъ главной квартиры. При этомъ мы не получали фуража на лошадей натурой, а должны были добывать его, какъ знали, что доставляло намъ не мало хлопотъ. Кормили мы нашихъ лошадей самымъ разнообразнымъ кормомъ: когда овсомъ или ячменемъ, когда кукурузой, когда просто снопами; случалось даже посылать деньщиковъ косить.

Въ 1-омъ часу ночи 10-го августа я догналъ князя Имеретинскаго за селенiемъ Муратъ-бейкiой. Здѣсь случился со мной весьма забавный казусъ: въ то время, когда я, какъ разъ въ полночь, проѣзжалъ черезъ эту деревню, вдругъ, множество пѣтуховъ сразу запѣло, что произвело страшнѣйшiй шумъ. Подъѣхавъ ко 2-ой дивизiи, распо-

ложившейся въ верстѣ отъ селенія, я нашелъ весь бивуакъ на ногахъ и полуэскадронъ казаковъ Государева конвоя, который былъ присоединенъ къ отряду князя Имеретинскаго, уже готовымъ къ выступленію.

Вы видѣли турокъ? Гдѣ они? посыпались на меня вопросы.

Я доложилъ, что по дорогѣ никого не видѣлъ, и высказалъ предположеніе: не приняли ли за тревогу пѣніе пѣтуховъ, которые, дѣйствительно, орали ужасно. Мнѣ, хотя и повѣрили, но для большаго спокойствія, послали по сторонамъ разъѣзды, которые однако непріятеля нигдѣ не нашли. Оказалось, что, слышанный за версту, пернатый концертъ былъ удивительно похожъ на гиканье черкесовъ и потому, дѣйствительно, легко могъ произвести тревогу на бивуакѣ.

На слѣдующій день, 10-го августа, по страшной жарѣ двинулись мы на Сельви. 2-ая армейская пѣхотная дивизія пришла изъ Казани; большой процентъ солдатъ составляли татары-мусульмане, народъ маленькій и плохіе ходоки: отсталыхъ было очень много. Мѣстность, по которой мы шли, носила на себѣ отпечатокъ довольства и зажиточности. При видѣ этого плодороднаго уголка, невольно вспоминалось сказаніе изъ исторіи Руси о томъ, что Великому Князю Святославу такъ понравилась Болгарія, что онъ не хотѣлъ возвращаться оттуда домой. По дорогѣ болгары

насъ весьма радушно встрѣчали, предлагали мѣстное красное вино, дыни, овечій сыръ и кукурузный хлѣбъ.

Къ вечеру достигли мы Сельви. Чистенькій городокъ красиво расположился на рѣчкѣРуситѣ; тамъ нашли мы князя Святополкъ-Мирскаго съ брянскимъ полкомъ 9-ой пѣхот. дивизіи и волынскимъ полкомъ 14-ой пѣхотной дивизіи.

Ночью духота была невозможная, не менѣе 26° по Реомюру, наши бѣдныя лошади такъ и не могли высохнуть. На слѣдующій день, съ восходомъ солнца, начался опять невыносимый зной. Князь Имеретинскій пригласилъ меня пойти вмѣстѣ купаться, на что я, къ сожалѣнію, согласился и выкупался потный, такъ какъ на солнцѣ я остыть не могъ.

Къ вечеру меня стало знобить, но я не обратилъ на это никакого вниманія; на другой день у меня уже былъ первый пароксизмъ болгарской лихорадки, о серьезности которой я не имѣлъ понятія.

12-го августа прибылъ въ Сельви Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ, долго бесѣдовалъ съ княземъ Имеретинскимъ и передалъ ему все, что узналъ о расположеніи непріятеля, изъ произведенныхъ имъ лично рекогносцировокъ, по направленію къ Ловчѣ.

Въ это время Михаилъ Дмитріевичъ командовалъ маленькимъ отрядомъ, который долженъ былъ

наблюдать за Ловчей, а впослѣдствіи онъ былъ присоединенъ къ отряду князя Имеретинскаго и 22-го августа принималъ дѣятельное участіе во взятіи этого города.

Каждый день мы получали тревожныя извѣстія съ Шипки: турки съ ожесточеніемъ штурмовали наши позиціи, и мы ожидали съ минуты на минуту, когда и 2-ую дивизію направятъ на помощь къ генералу Радецкому.

Наконецъ, нашему отряду было приказано двинуться въ Габрово; къ вечеру 14-го августа форсированнымъ маршемъ мы прибыли туда и расположились на бивуакѣ у подножья Шипки.

Меня сильно лихорадило на этомъ переходѣ, и я еле-еле доѣхалъ. Большіе пріемы хинина производили только шумъ въ ушахъ, но не могли прервать пароксизма. При всемъ этомъ обозъ нашъ отсталъ, ѣсть было нечего; терцы Государева конвоя раздобыли барана, изжарили шашлыкъ, и мы имъ поужинали безъ соли и безъ хлѣба. Ночевать пришлось на землѣ, что было не совсѣмъ полезно при лихорадкѣ.

На слѣдующій день насъ передвинули на «Зелено Древо», гдѣ я впервые увидѣлъ въ походной обстановкѣ дружины болгарскаго ополченія.

Этимъ дружинамъ тяжело пришлось во время перваго похода генерала Гурко за Балканы: ихъ ряды сильно порѣдѣли и постепенно пополнялись новыми волонтерами, которыхъ приходилось обу-

чать военному дѣлу. Офицеры и унтеръ-офицеры кадра съ удивительнымъ самоотверженіемъ и любовью относились къ своей трудной службѣ; на бивуакѣ вмѣсто отдыха имъ приходилось заниматься одиночнымъ обученіемъ.

17-го августа насъ снова подвинули къ подножью Шипки, и мы узнали, что въ Габрово прибылъ начальникъ штаба дѣйствующей арміи ген.-адъют. Непокойчицкій, который по приказанію Великаго Князя долженъ былъ лично ознакомиться съ положеніемъ дѣла и объѣхать всѣ наши позиціи на горахъ. Ему долженъ былъ сопутствовать князь Имеретинскій, который предложилъ мнѣ слѣдовать за ними. Забывъ лихорадку, я съ радостью согласился, такъ какъ меня крайне интересовалъ этотъ новый Севастополь; я боялся, что насъ направятъ снова на Ловчу, и мнѣ такъ и не придется побывать на Шипкинскихъ позиціяхъ.

Мы поднялись по шоссе въ гору и весьма благополучно добрались до лазарета Шипкинскаго отряда, гдѣ находилась и палатка корпуснаго командира ген.-лейт. Радецкаго. Генералъ былъ небольшаго роста, уже пожилой человѣкъ; онъ не любилъ рисоваться и отличался замѣчательнымъ хладнокровіемъ подъ выстрѣлами. Во время всѣхъ тяжелыхъ дней, когда турки съ невѣроятной энергіей штурмовали наши позиціи и даже нѣсколько разъ чуть не выбивали нашихъ молодцевъ изъ траншей, вездѣ, гдѣ была опасность,

можно было видѣть генерала Радецкаго, верхомъ на маленькой шведской лошадкѣ, которую онъ постегивалъ нагайкой. Его спокойный, увѣренный голосъ умѣлъ всякаго ободрить. Войска отряда его боготворили: каждый офицеръ и солдатъ былъ увѣренъ, что онъ дорогъ своему начальнику, который о немъ заботится и не пошлетъ даромъ подъ выстрѣлы, а что если и приходится тяжело, такъ, значитъ, иначе нельзя.

Не долго остались мы у ставки корпуснаго командира, который предложилъ лично показать генералу Непокойчицкому занятыя нами позиціи.

Князь Имеретинскій, нѣсколько офицеровъ и я отправились за ними.

Проѣхавъ съ полверсты, мы очутились уже въ сферѣ непріятельскаго ружейнаго огня. Наша позиція тянулась почти на три версты по шоссе, которое шло по гребню горъ извилинами до перевала Св. Николая. Вся эта дорога съ двухъ сторонъ постоянно обстрѣливалась турецкими охотниками, залегшими на противоположныхъ крутизнахъ. Мѣстность была каменистая, и нашимъ солдатикамъ за невозможностью окопаться, приходилось укрываться за камнями. Пищу подвозили ночью, а за водой ходили всегда подъ выстрѣлами. При всемъ этомъ духъ въ войскахъ былъ замѣчательный: наши молодцы совершенно освоились съ этою тяжелою боевою жизнью.

Несмотря на довольно изрядный непріятельскій

ружейный огонь, начальникъ штаба обошелъ всѣ наши траншеи и, отъ имени главнокомандующаго, благодарилъ войска за молодецкую службу. Особенно непріятно было ѣхать отъ Волынской горки до Св. Николая — этотъ участокъ дороги какъ то особенно обстрѣливали. Затѣмъ мы спустились обратно къ лазаретамъ, откуда я долженъ былъ вернуться съ княземъ Имеретинскимъ въ Габрово, но судьба распорядилась иначе.

Начальникъ позиціи на «Св. Николаѣ» флигель-адъютантъ полковникъ графъ Толстой доложилъ начальнику штаба, что въ непріятельскомъ лагерѣ замѣтно какое-то необычное движеніе, и потому можно предполагать нынѣшнею же ночью повтореніе штурма. Онъ просилъ прислать къ нему на позицію кого-нибудь изъ офицеровъ, который могъ бы на слѣдующее утро пріѣхать съ подробнымъ докладомъ въ Габрово. Генералъ Непокойчицкій, ничего не зная о моей лихорадкѣ, возложилъ это порученіе на меня.

Отказаться ѣхать на «Св. Николай» было невозможно. Еслибъ я напомнилъ князю Имеретинскому о своей болѣзни, то, разумѣется, меня замѣнили бы другимъ, но это могло быть похожимъ на трусость, и потому я, не сказавъ ни слова, послѣдовалъ за графомъ Толстымъ.

Наступила ночь, густой туманъ окуталъ горы... Не расчитывая остаться на Шипкѣ, я не взялъ съ собою пальто и былъ въ одномъ вицъ-мундирѣ.

Пароксизмъ лихорадки не заставилъ себя долго ждать и сталъ меня мучить. По дорогѣ мы заѣхали на Волынскую горку, къ командующему волынскимъ пѣхотнымъ полкомъ флиг.-адъют. графу Адлербергу, который любезно снабдилъ меня 20-ю гранами хинина. Напившись у него чаю, мы двинулись далѣе и весьма благополучно добрались до «Св. Николая», такъ какъ турки ночью не стрѣляли.

Здѣсь я попалъ въ самую интересную, поэтичную боевую обстановку; эту позицію занимали болгарскія дружины и пластуны, сохранившіе еще завѣты Севастопольскихъ героевъ. При мнѣ были отправлены секреты, и они какъ кошки, беззвучно шагая въ чевякахъ (сапоги безъ каблуковъ и безъ крѣпкихъ подошвъ), вылѣзли изъ траншей и спустились къ непріятелю, окопы котораго были весьма близко отъ насъ. Впереди и по сторонамъ валялась масса труповъ турецкихъ героевъ, которые съ такимъ самоотверженіемъ штурмовали насъ въ предыдущіе дни.

Мнѣ разсказывали уже потомъ, что 15-го августа Сулейманъ-паша выстроилъ всю свою армію и вызвалъ 2000 человѣкъ охотниковъ, которые, наэлектризованные муллами, поклялись или умереть всѣ до единаго, или овладѣть нашими позиціями. Вся армія сдѣлала храбрецамъ на караулъ, и вслѣдъ затѣмъ они двинулись на штурмъ. Наши встрѣтили ихъ убійственнымъ огнемъ, но они съ крикомъ «Алла» по неприступнымъ скаламъ со-

вершенно открыто лѣзли впередъ, и нѣкоторые даже добрались до нашихъ траншей. Подобнаго ожесточеннаго штурма не было во всю войну; почти всѣ эти фанатики были убиты, и трупы ихъ подобрать было невозможно ни намъ, ни туркамъ.

Смрадъ отъ этихъ разлагающихся тѣлъ и 20 гранъ хинина мутили мнѣ всю душу. Я взялъ у какого-то казака бурку, завернулся въ нее, легъ на землю въ траншеѣ, и меня такой хватилъ ознобъ, что буквально зубъ на зубъ не попадалъ. Я такъ промучился до утра, съ нетерпѣніемъ дожидая разсвѣта. Наконецъ солнце взошло; штурма не было, и я могъ вернуться въ Габрово. Я пошелъ къ своей голодной лошади, которая почти сутки была не кормлена и не поена: она несчастная тряслась, какъ будто и у нея была лихорадка. Перевалъ Св. Николая находится на высотѣ 4600 футъ надъ уровнемъ моря, и потому на разсвѣтѣ стало порядочно холодно. Я сѣлъ верхомъ и пустился рысью подъ гору. Завидѣвъ быстро ѣдущаго всадника и думая, что онъ везетъ какое-нибудь важное донесеніе, турецкіе аскеры принялись обстрѣливать меня какъ зайца. Я придержалъ лошадь и поѣхалъ шагомъ, тогда стали стрѣлять рѣже, но всетаки, около 3 верстъ пришлось мнѣ спускаться по гладкому шоссе, подъ перекрестными непріятельскими выстрѣлами. Я до того измучился за ночь, что не имѣлъ даже силы бояться: на меня напало какое-то отупѣніе. На-

конецъ, добрался я до Габрова и явился къ начальнику штаба.

«Мнѣ очень жаль», сказалъ онъ мнѣ, «что князь Имеретинскій не предупредилъ меня, что вы больны. Отчего вы сами не заявили мнѣ объ этомъ? На васъ лица нѣтъ; вы не можете долѣе оставаться въ командировкѣ, поѣзжайте обратно въ главную квартиру».

Я до того плохо себя чувствовалъ, что тутъ же въ комендантскомъ управленіи легъ на полъ и думалъ заснуть. Можно себѣ представить, какъ было чисто на этомъ полу, и до какого состоянія надо было дойти, чтобы рѣшиться лечь на такую грязь. Вотъ, когда мнѣ пришлось испытать всю тяжесть положенія ординарца: до меня никому никакого не было дѣла. Будь я въ полку, обо мнѣ заботился бы мой полковой командиръ, а теперь мнѣ было предоставлено право вернуться въ главную квартиру, т. е. сдѣлать верхомъ около 100 верстъ. При всемъ томъ, отправляясь въ распоряженіе князя Имеретинскаго, я не взялъ съ собой конвойныхъ казаковъ, а захватилъ только своего деньщика и заводную лошадь.

Дѣлать было нечего, 19-го августа, рано утромъ, сѣлъ я верхомъ и двинулся изъ Габрова на Дреново. Мнѣ страшно ломило голову, жажда меня мучила, и я почти у каждаго колодца останавливался, чтобы напиться, хотя и зналъ, что вода только усилитъ мою лихорадку. Жара была

ужасная, болѣе 40° по Реомюру; я ѣхалъ шагомъ, держась обѣими руками за переднюю луку. Съ большимъ трудомъ добрался я до Дренова, гдѣ покормилъ лошадей и немного отдохнулъ на посту казачьей летучей почты. Я радъ былъ, что благополучно проѣхалъ эту часть пути, такъ какъ тутъ иногда пошаливали черкесы. Я узналъ впослѣдствіи, что какъ разъ въ этотъ день партія черкесовъ и баши-бузуковъ спустилась съ горъ и напала на нашъ обозъ, который слѣдовалъ по этой дорогѣ. Изъ Дренова я двинулся далѣе на Тырново, куда хотѣлъ непремѣнно пріѣхать къ ночи. Подъ вечеръ лихорадка увеличилась, и силы стали мнѣ измѣнять; я нѣсколько разъ слѣзалъ съ лошади и ложился на землю отдыхать. Вдругъ, слышу я стукъ ѣдущей повозки, и, къ моему удовольствію, насъ догоняетъ какой-то чиновникъ, который весьма любезно согласился подвезти меня до Тырнова. Но моя радость оказалась преждевременною: едва тронулась телѣжка по шоссе, какъ я просто закричалъ отъ боли во всемъ тѣлѣ. Поблагодаривъ любезнаго чиновника, я снова сѣлъ верхомъ и поплелся далѣе. Только поздно ночью, еле живой, прибылъ я, наконецъ, въ Тырново и рѣшилъ остановиться въ томъ домѣ, гдѣ уже жилъ ранѣе, въ іюнѣ, когда тамъ находилась главная квартира.

Оказалось, что этотъ домъ былъ занятъ командиромъ 1-ой батареи 14-ой артил. бригады фл.-

адъют. полковникомъ княземъ Мещерскимъ, который крайне гостепріимно меня принялъ, послалъ немедленно за докторомъ и пріютилъ меня какъ роднаго. Я прожилъ у него три дня. Никогда не забуду я его теплаго участія ко мнѣ... Вскорѣ князь Мещерскій получилъ приказаніе выступить съ своей прекрасной батареей на Шипку, гдѣ и былъ убитъ 5-го сентября, во время штурма.

Удивительное дѣло—предчувствіе! Когда онъ отправлялся въ походъ, то былъ увѣренъ, что будетъ убитъ, о чемъ и говорилъ своимъ знакомымъ при прощаніи.

Затѣмъ, немного оправившись, я поспѣшилъ въ главную квартиру, которую уже не нашелъ въ Горномъ Студнѣ—24-го августа она перешла въ деревню Радѣницу.

ГЛАВА VIII.

Подъ Плевной съ 25-го по 31-ое августа.

Какъ я сказалъ, главной квартиры уже не было въ Горномъ Студнѣ. Я пошелъ бродить по нашему бывшему расположенію и встрѣтилъ ген.-лейт. Дмитрія Ивановича Скобелева, который по болѣзни не могъ выступить одновременно съ главнокомандующимъ и собирался догонять Его Высочество въ коляскѣ. Онъ весьма любезно предложилъ довезти меня до Раденицы, чему я былъ несказанно радъ, такъ какъ не совсѣмъ еще окрѣпъ послѣ болѣзни. Во время переѣзда онъ мнѣ разсказалъ, что 17-го августа князь Карлъ Румынскій былъ назначенъ командующимъ надъ соединенными русско-румынскими войсками западнаго отряда, а начальникомъ штаба этого отряда—командиръ 4-го корпуса генералъ Зотовъ. Я услышалъ отъ него, что 19-го августа Османъ-паша атаковалъ насъ близъ Пелишата, но былъ отброшенъ, и что на-дняхъ

предполагается новый штурмъ Плевны. Кромѣ того онъ съ гордостью сообщилъ, что 22-го августа была взята Ловча отрядомъ князя Имеретинскаго, который въ своемъ донесеніи писалъ Великому Князю, что «героемъ дня» былъ ген.-маіоръ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ.

«Вотъ, каковъ мой Миша! Кровь моя!» говорилъ Дмитрій Ивановичъ.

Я былъ очень доволенъ найти въ Радеинцѣ нашъ фургонъ, такъ какъ прошло уже двѣ недѣли съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ главную квартиру. Надо сказать, что мы съ Клайгельсомъ наняли кучеромъ какого-то болгарина, бѣжавшаго изъ за Балканъ. Это былъ мальчишка лѣтъ 18, котораго почему-то не полюбилъ мой Максимъ. Я его часто бранилъ за это и предупреждалъ, что если болгаринъ отъ насъ сбѣжитъ, то вѣдь ему же, старику, придется быть кучеромъ. Хорошо еще, если это случится въ то время, когда мы съ Клайгельсомъ при главной квартирѣ, но если мы въ командировкѣ, то придется плохо, такъ какъ никто ему человѣка не дастъ. Вообще, при отправленіи на войну, не совѣтую никому брать вольнонаемную прислугу, а только деньщиковъ, которые смотрятъ на это какъ на службу и потому не жалуются и не ропщутъ на лишенія и неудобства. Возвращаясь изъ командировки, я всегда былъ въ неизвѣстности, найду ли свой фургонъ, или онъ гдѣ-нибудь застрялъ на пути; а

между тѣмъ это было весьма важно, такъ какъ во вьюкахъ я старался брать съ собой какъ можно меньше вещей, т. е. имѣлъ одну перемѣну бѣлья, вицъ-мундиръ или китель, пальто и бурку. Я никогда не приторачивалъ ничего къ своему сѣдлу, чтобы облегчить вѣсъ. Мой деньщикъ былъ и моей прачкой, и поваромъ, и камердинеромъ, и конюхомъ. За то послѣ 10 дней командировки я возвращался порядочно обтрепаннымъ. Никогда не забуду, въ какомъ я видѣ явился 20-го іюля къ Государю: небритый, черный отъ пыли и солнечныхъ обжоговъ, измученный, рейтузы и китель, какъ у кузнеца. У меня было кожаное пальто, на байкѣ, которое, дѣйствительно, великолѣпно предохраняло отъ сырости и дождя; но за то отъ жары ворвань изъ него отдѣлялась на все платье и дѣлала его похожимъ на одежду кочегара.

Въ то время около Плевны сосредоточились румыны, 4-ой и 9-ой корпуса, и туда же прибыли, послѣ взятія Ловчи, 2-ая армейская пѣхотная дивизія и стрѣлковая бригада.

25-го августа, днемъ ген.-маіоръ Левицкій, по приказанію Великаго Князя, собралъ насъ всѣхъ ординарцевъ, прочелъ диспозицію на предстоящій штурмъ, указалъ на картѣ, гдѣ какія войска будутъ находиться и объяснилъ наши обязанности во время сраженія, что было весьма полезно для тѣхъ изъ насъ, которые еще въ бою не бывали.

26-го августа началось бомбардированіе Плевны,

для чего, кромѣ полевыхъ, были доставлены изъ Зимницы осадныя орудія.

27-го августа авангардъ отряда князя Имеретинскаго, подъ командой М. Д. Скобелева, уже имѣлъ дѣло съ турками на Плевно-Ловченскомъ шоссе, между Брестовцемъ и Кришинымъ. Подробностей этого боя я не описываю, потому что не хочу писать съ чужихъ словъ; самъ же я былъ еще слабъ, берегъ свои силы для предполагаемаго рѣшительнаго штурма, въ которомъ желалъ непремѣнно принять участіе, потому числился больнымъ и въ командировки отправляемъ не былъ. Долженъ сказать лишь одно, что къ 29-му августа ген.-маіоръ Скобелевъ занялъ второй гребень Зеленыхъ Горъ и тамъ окопался.

29-го августа Великій Князь, по обыкновенію, выѣхалъ, въ сопровожденіи всей свиты, на позицію къ нашимъ осаднымъ батареямъ, которыя въ тотъ день продолжали обстрѣливать Плевну. Затѣмъ онъ проѣхалъ далѣе къ 3-ей батареѣ 5-ой артил. бригады, командиръ которой доложилъ ему, что недавно однимъ турецкимъ снарядомъ у него убило разомъ двухъ офицеровъ. Во время этого объѣзда, Великій Князь выѣхалъ на возвышенность откуда открывался великолѣпный видъ на турецкія позиціи. Свита и конвой представляли изъ себя хорошую цѣль для непріятельскихъ батарей, и снаряды стали ложиться довольно близко отъ главнокомандующаго. Тогда всѣмъ было при-

казано отъѣхать поодаль, а я, какъ дежурный, остался еще съ нѣсколькими товарищами при Великомъ Князѣ. (Носились слухи, что на завтра назначенъ штурмъ; я подбодрился и выѣхалъ въ этотъ день на дежурство).

Расположеніе нашихъ войскъ подъ Плевной было слѣдующее:

Съ сѣвера и сѣв.-востока были Румыны, подъ начальствомъ генерала Черната.

Съ востока между Гривицей и Радишевымъ 9-ый корпусъ, подъ начальствомъ барона Криднера.

Съ юга — у Радишева — 4-й корпусъ, подъ начальствомъ генерала Крылова.

На Плевно-Ловченскомъ шоссе стояли: 2-ая армейская пѣхотн. дивизія, 3-ья стрѣлковая бригада и сводная кавказская казачья бригада, подъ начальствомъ князя Имеретинскаго, начальникомъ авангарда у котораго былъ генералъ-маіоръ М. Д. Скобелевъ.

Наконецъ, за рѣкой Видомъ находилась кавалерія, подъ начальствомъ ген. Лашкарева и ген. Леонова.

Вскорѣ Великій Князь подозвалъ меня и товарища моего шт.-ротм. Дерфельдена (адъютантъ Его Высочества) и сказалъ:

«Отправляйтесь, ребята, къ Зотову, находитесь при немъ во время штурма завтрашній день и будете пріѣзжать ко Мнѣ съ донесеніями».

Я былъ увѣренъ, что опять буду отправленъ къ генералу Криднеру, но вышло не такъ.

Мы нашли генерала Зотова на позиціи южнѣе Радишева, явились ему и послѣдовали за нимъ въ Тученицу, куда генералъ направился на ночлегъ. Генералъ Зотовъ былъ крѣпкій, коренастый, угрюмый старикъ; онъ очень мало говорилъ и принялъ насъ съ Дерфельденомъ не такъ радушно, какъ это дѣлали другіе начальники, въ распоряженіе которыхъ насъ посылали. Между тѣмъ стемнѣло, пошелъ дождь. Намъ приходилось ждать разсвѣта на открытомъ воздухѣ, а это, понятно, не могло поправить мое здоровье. Но свѣтъ не безъ добрыхъ людей: я нашелъ знакомыхъ штабныхъ офицеровъ, которые пріютили меня въ своей палаткѣ и напоили чаемъ. Согласно диспозиціи, съ разсвѣтомъ всѣ наши батареи должны были открыть огонь по непріятелю и продолжать стрѣлять до 9 часовъ утра. Затѣмъ съ 9 до 11 долженъ былъ быть перерывъ. Съ 11 часовъ снова должны были стрѣлять до 1 часу. Съ 1 часа до 2-хъ перерывъ, въ 2 опять общая бомбардировка, и въ 3 часа дня, послѣ трехъ залповъ изо всѣхъ орудій, долженъ былъ начаться общій штурмъ всѣхъ турецкихъ позицій съ юга, востока и сѣвера.

30-го августа, рано утромъ, генералъ Зотовъ выѣхалъ изъ Тученицы со всѣмъ своимъ штабомъ и направился къ батареямъ 4-го корпуса, расположеннымъ на юго-западъ отъ дер. Радишева.

Стлался довольно густой, бѣлый туманъ, моросилъ дождь, былъ настоящій осенній денекъ. Мы остановились на возвышенности посреди виноградниковъ и стали наблюдать за успѣхомъ бомбардировки, которая началась съ утра. Передъ нами была волнистая мѣстность, покрытая фруктовыми садами и виноградниками, которые скрывали отъ насъ расположеніе непріятеля.

Не помню точно, но, кажется, часовъ въ 10 утра началась ружейная трескотня на Зеленыхъ Горахъ у ген. Скобелева. Въ ту сторону, черезъ Тученицкій оврагъ, намъ было хорошо видно движеніе нашихъ и турецкихъ войскъ. Можно было ясно разглядѣть, какъ наши цѣпи стали подвигаться впередъ, не дожидая 3-хъ часовъ, когда долженъ былъ начаться общій штурмъ. Затѣмъ, около полудня, находящіяся передъ нами войска 4-го корпуса также открыли ружейный огонь по непріятелю и вскорѣ пошли на ура. Я не знаю, какое донесеніе получилъ генералъ Зотовъ, и чѣмъ объяснено было подобное преждевременное наступленіе *); голова у меня была не совсѣмъ свѣжа, и я не могъ отдавать себѣ такого яснаго отчета обо всемъ происходившемъ вокругъ меня,

*) Впослѣдствіи выяснилось, что это наступленіе было совершено по ошибкѣ полковника Т., начальника штаба 16-ой пѣхотной дивизіи, который за это и былъ отчисленъ отъ должности въ распоряженіе Главнаго штаба.

какъ то было подъ Никополемъ и 18-го іюля подъ Плевной.

Уже былъ 1-й часъ, голодъ давалъ себя знать. Спѣлыя грозди винограда аппетитно висѣли и дразнили наши пустые желудки. Я не выдержалъ искушенія и усердно поѣлъ, хотя отлично зналъ, что фрукты—ядъ при лихорадкѣ; я потомъ страшно бранилъ себя за подобную жадность, такъ какъ вскорѣ одинъ изъ батарейныхъ командировъ любезно пригласилъ насъ къ передкамъ на именинный пирогъ.

Удивительно, съ какою заботою походная, боевая жизнь, когда вы не знаете, гдѣ и какъ удастся вамъ поѣсть, заставляетъ васъ думать о насущномъ хлѣбѣ. Офицеры, находившіеся при полкахъ, были болѣе или менѣе обезпечены пищею; но мы, ординарцы, имѣвшіе столъ въ главной квартирѣ, находились по части питанія въ весьма невыгодномъ положеніи, когда приходилось отправляться въ распоряженіе какого-нибудь начальника отряда. Если генералъ былъ любезенъ, то приглашалъ насъ къ себѣ обѣдать, если же нѣтъ, то приходилось довольствоваться солдатскими сухарями.

Вскорѣ ружейная трескотня приняла тотъ же характеръ, какъ 18-го іюля—это были уже не выстрѣлы, не барабанная дробь, а какой-то ревъ. Общее настроеніе духа было тяжелое, почти никто не вѣрилъ въ возможность взять Плевну до при-

бытія подкрѣпленій изъ Россіи. У всѣхъ были свѣжи въ памяти неудачи 8-го и 18-го іюля, и многіе порицали этотъ новый штурмъ, считая его несвоевременнымъ.

Наконецъ, пришло донесеніе, что нашъ приступъ на Радишевскій редутъ *) отбитъ; ружейная пальба стала какъ будто немного слабѣе. Вслѣдъ затѣмъ, опять послышались крики ура, и трескотня возобновилась съ прежнею силой. Это, какъ я потомъ узналъ, была атака казанцевъ и шуйцевъ, которые пошли на выручку угличанъ и ярославцевъ и, въ свою очередь, были отбиты.

Въ 4-мъ часу дня генералъ Зотовъ послалъ меня къ генералу Вельяминову (начальнику 31-ой пѣхотн. дивизіи 9-го корпуса) съ приказаніемъ двинуть впередъ воронежскій пѣхотный полкъ и атаковать тотъ же Радишевскій редутъ, который уже два раза такъ безуспѣшно штурмовали наши молодцы.

Здѣсь мнѣ пришлось проѣхать по лощинѣ, черезъ которую летали и наши и турецкіе снаряды; это было очень красивое зрѣлище и при томъ безопасное, потому что ни одинъ снарядъ не разрывался на воздухѣ. Вообще надо замѣтить, что во время боя резервы гораздо болѣе терпятъ отъ артиллерійскаго огня, чѣмъ передовыя линіи.

Подъѣзжая къ воронежскому пѣхотн. полку,

*) Омаръ бей Табія.

я увидѣлъ знакомую картину. Масса раненыхъ тянулась на перевязочный пунктъ. Кто шелъ одинъ, кого вели товарищи, другихъ несли на носилкахъ санитары. Раны въ животъ, повидимому, самыя болѣзненныя; подобные несчастные кричали безъ умолку. Мнѣ сказали, что генералъ Вельяминовъ впереди; я оставилъ коня, пошелъ его искать, передалъ приказаніе генерала Зотова и поспѣшилъ вернуться. Дѣло казалось проиграннымъ, что въ дѣйствительности и было.

Около 4-хъ часовъ пополудни подозвалъ меня генералъ Зотовъ и сказалъ:

«Поѣзжайте къ главнокомандующему, доложите Ему, что нашъ третій штурмъ отбитъ; становится уже темно; четвертый разъ штурмовать я болѣе не могу».

Съ этимъ непріятнымъ донесеніемъ направился я на, такъ называемый, Царскій валикъ, который находился верстахъ въ 8-ми отъ расположенія 4-го корпуса. Подъѣхавъ къ нему, я увидѣлъ, сидящаго на складномъ походномъ стулѣ, Государя; возлѣ Него находился Великій Князь, князь румынскій Карлъ и вся свита. Соскочивъ съ коня, я хотѣлъ подойти къ Великому Князю, но Онъ указалъ мнѣ знакомъ, чтобы я рапортовалъ Государю. Тяжело мнѣ было докладывать Его Императорскому Величеству опять неутѣшительныя вѣсти.

Вслѣдъ за мной подобныя же донесенія при-

шли отъ барона Криднера и отъ румынъ, которые не могли совладать съ Гривицкимъ редутомъ.

Князь Имеретинскій, въ свою очередь, просилъ какъ можно скорѣе прислать къ нему подкрѣпленіе, такъ какъ онъ едва держится на занятыхъ позиціяхъ. Въ сущности, только на лѣвомъ флангѣ, у генерала Скобелева, намъ удалось значительно выдвинуться впередъ. Это движеніе было довольно ясно видно съ того мѣста, гдѣ находился Государь, который внимательно слѣдилъ за ходомъ боя и, повидимому, глубоко страдалъ. Очевидно, штурмъ не удался, но интересно было знать, что будетъ дѣлать теперь непріятель, — рѣшится ли онъ на вылазку или нѣтъ?

Въ это время одинъ офицеръ былъ отправленъ Государемъ впередъ по направленію къ Гривицѣ, чтобы узнать, въ какомъ положеніи тамъ дѣло, такъ какъ баронъ Криднеръ въ своихъ донесеніяхъ высказывалъ опасенія, чтобъ турки не перешли въ наступленіе и не прорвали нашей линіи.

Этотъ офицеръ вскорѣ вернулся и доложилъ, что видѣлъ дебуширующую непріятельскую кавалерію. Положеніе становилось критическимъ.

«Ваше Императорское Величество», обратился Великій Князь, Вамъ долѣе оставаться здѣсь нельзя. Я умоляю Васъ вернуться въ Порадимъ; самъ останусь здѣсь, пока не получу точныхъ свѣдѣній о результатѣ боя».

Тотчасъ была подана коляска Государя и разстроенный, глубоко огорченный Монархъ уѣхалъ съ позиціи *).

Вслѣдъ за отъѣздомъ Государя, главнокомандующій послалъ всѣмъ войскамъ приказаніе остановиться и окопаться на занятыхъ позиціяхъ.

Наступила совершенная темнота, стало сыро, и началъ накрапывать дождь. Весь день мнѣ было какъ то не по себѣ, но теперь сдѣлалось совсѣмъ скверно. Едва прошедшая лихорадка вернулась съ новой силой; я залѣзъ на заднее сидѣнье походной коляски Великаго Князя и промучился тамъ больной всю ночь. Спать я не могъ и потому слышалъ все, что происходило. Его Высочество приказалъ развести большой костеръ, чтобы дать возможность адъютантамъ и ординарцамъ, отправленнымъ въ различныя части войскъ, разыскать Его въ эту темноту: была, что называется, воробьиная ночь. Мнѣ говорили потомъ товарищи, что не будь этого костра, положительно, невозможно было бы найти Великаго Князя.

Часовъ въ 8 вечера прибылъ ординарецъ шт.-кап. Скарятинъ съ первымъ радостнымъ извѣстіемъ, что Гривицкій редутъ, наконецъ, занятъ архангелогородцами и румынами.

«Ты не врешь ли?» обратился къ нему Великій Князь.

*) Впослѣдствіи оказалось, что никакой турецкой кавалеріи тамъ не было.

«Никакъ нѣтъ», отвѣчалъ Скарятинъ», я самъ былъ въ этомъ редутѣ; хотя нашимъ трудно въ немъ держаться, такъ какъ онъ обстрѣливается непріятелемъ съ другого редута, но врядъ ли его отдадутъ снова туркамъ».

Состоявшій при Великомъ Князѣ свиты Е. И. В. ген.-маіоръ Чингисъ-Ханъ вызвался провѣрить донесеніе шт.-кап. Скарятина. Онъ вскорѣ вернулся, подтвердилъ, что, дѣйствительно, Гривицкій редутъ взятъ нами, и съ этимъ извѣстіемъ былъ немедленно отправленъ къ Государю въ Порадимъ. Мнѣ разсказывали товарищи, что еще днемъ случилось весьма курьезное происшествіе. Часа въ 4 лихо подскакалъ къ Царскому валику одинъ румынскій офицеръ, ловко соскочилъ съ коня, подбѣжалъ къ Государю, снялъ кэпи и доложилъ:

«Majésté, la redoute de Grivitza est prise par les troupes roumaines,..... mais je n'en suis pas sûr».

На подобное комическое донесеніе Государь не могъ не улыбнуться.

Такъ провели мы на позиціи всю ночь, которая показалась мнѣ цѣлою вѣчностью.

31-го августа турки перешли въ наступленіе, желая выбить Скобелева изъ занятыхъ имъ наканунѣ редутовъ. Намъ ясно было видно, какъ наши цѣпи постепенно подавались назадъ и уступали туркамъ съ такимъ трудомъ взятыя у нихъ укрѣпленія. Часовъ въ 10 или 11 утра прибылъ на позицію Государь, и былъ созванъ военный

совѣтъ, на которомъ было рѣшено болѣе не штурмовать, окопаться и держаться, исключительно, оборонительнаго образа дѣйствій.

Мнѣ ужасно было досадно, что проклятая лихорадка помѣшала принять болѣе активное участіе въ этомъ несчастномъ для насъ дѣлѣ. Но я тогда не предполагалъ, что она на долго лишитъ меня возможности нести ординарческую службу по прежнему и переведетъ меня въ разрядъ слабосильныхъ, что на дѣлѣ случилось.

31-го августа вечеромъ вернулись мы обратно въ Раденицу. Затѣмъ, главная квартира перешла въ Горный Студень, куда вскорѣ прибылъ и Государь Императоръ.

ГЛАВА IX.

Горный Студень. — Богогь. — Плевненское сидѣніе.

Судьба отъ меня отвернулась; начался для меня скучный періодъ кампаніи, такъ какъ вслѣдствіе лихорадки я никуда въ командировку ѣхать не могъ и принужденъ былъ оставаться при главной квартирѣ.

Жили мы съ Клайгельсомъ въ палаткѣ. Каждую ночь, во время пароксизма, меня буквально колотило. Я покрывался одѣяломъ, пальто, буркой и всетаки не могъ согрѣться; подъ утро ознобъ проходилъ, но просыпаться было скверно: покрывавшія меня вещи были пропитаны росой, а самъ я былъ въ лихорадочной испаринѣ. Надо удивляться моему желѣзному здоровью, которое дало мнѣ возможность выдержать подобный образъ жизни. Великій Князь нѣсколько разъ предлагалъ мнѣ отправиться на излеченіе въ Россію, но я ни за что не хотѣлъ покинуть дѣйствующей арміи

и продолжалъ въ очередь нести службу при Его Высочествѣ. Какъ то разъ на моемъ дежурствѣ пришло донесеніе отъ князя Карла, что румыны взяли второй Гривицкій редутъ. Съ этимъ пріятнымъ извѣстіемъ отправилъ меня Великій Князь къ Государю, который жилъ въ то время въ маленькомъ домикѣ, принадлежавшемъ какому-то отуречившемуся болгарину, бѣжавшему при приближеніи нашихъ войскъ.

Когда камердинеръ доложилъ о пріѣздѣ ординарца главнокомандующаго, я былъ тотчасъ же принятъ. Государь сидѣлъ за чайнымъ столомъ съ Великими Князьями Сергіемъ и Павломъ Александровичами и свѣтлѣйшимъ княземъ Суворовымъ. Онъ былъ очень обрадованъ этимъ извѣстіемъ, велѣлъ поздравить главнокомандующаго съ успѣхомъ и приказалъ прислать подробныя свѣдѣнія, какъ только таковыя будутъ получены отъ князя Карла.

Не успѣлъ я вернуться обратно къ Великому Князю, какъ пришло донесеніе, что все это была ошибка, и Гривицкій редутъ не занятъ румынами. На мою долю выпало снова ѣхать съ докладомъ къ Царю. Не безъ страха просилъ я о себѣ доложить. Государь сидѣлъ уже одинъ въ халатѣ и разбиралъ бумаги.

«Что же это значитъ? Отчего такія противорѣчивыя донесенія?» обратился ко мнѣ Государь.

Я отвѣчалъ, что главнокомандующій передалъ

буквально то, что получилъ отъ князя Карла, и что, вѣроятно, завтра будутъ болѣе подробныя свѣдѣнія.

Оказалось, что храбрые наши союзники уже давно собирались сдѣлать вылазку, чтобы овладѣть этимъ редутомъ; наконецъ, рѣшившись на отважное дѣло, они бросились изъ своихъ траншей и, не долго думая, послали донесеніе, что заняли редутъ. На дѣлѣ же, они повернули сейчасъ назадъ, но уже остановить ординарца не могли, и вотъ причина оказавшагося противорѣчія въ донесеніяхъ.

Между тѣмъ лихорадка стала меня такъ мучить, что я рѣшилъ отпроситься на нѣсколько дней въ Бухарестъ, чтобы хотя немного времени пожить въ комнатѣ. Не буду описывать моего путешествія до Бухареста и тѣхъ 5-ти дней, которые я тамъ провелъ. Противна была картина, такъ называемаго, тыла арміи, этого больнаго мѣста всѣхъ вообще дѣйствующихъ армій. Тутъ увидѣлъ я и жидовскіе транспорты съ злополучными погонцами, и кутящихъ интендантскихъ чиновниковъ, и агентовъ Гг. Когана, Грегера и К°. Одно, что успокаивало и глазъ и сердце, это транспорты Краснаго Креста, которые всѣ слѣдовали въ образцовомъ порядкѣ.

Гвардія уже стала подходить изъ Россіи; вскорѣ должны были возобновиться дѣйствія подъ Плевной: я не могъ усидѣть въ Румыніи и, едва от-

дохнувъ, поспѣшилъ вернуться въ Горный Студень. Въ отсутствіи я пробылъ всего 8 дней.

Почти ежедневно проходили черезъ Горный Студень войска, навстрѣчу которымъ всегда выѣзжалъ Государь, милостиво съ ними здоровался и почти ни одного офицера не пропустилъ безъ ласковаго слова. Государь любилъ свою гвардію, радъ былъ видѣть ее въ дѣйствующей арміи, но въ то же время Ему жаль было этихъ молодцевъ: Онъ хорошо помнилъ ужасныя потери, которыя мы имѣли 18-го іюля и 30-го августа, зналъ, что гвардія захочетъ доказать на дѣлѣ, что она достойна Его любви, и что много офицеровъ и солдатъ останется на полѣ брани. Отпуская ее на Плевну, у Государя навертывались слёзы. Вообще покойный Государь много выстрадалъ во время пребыванія въ дѣйствующей арміи: Онъ ежедневно объѣзжалъ лазареты, раздавалъ георгіевскіе кресты, деньги, папиросы. Больные и раненые встрѣчали Государя съ благоговѣніемъ; теплое участіе Монарха подымало ихъ духъ и помогало безропотно переносить страданія. Государь почти съ каждымъ изъ нихъ бесѣдовалъ, разспрашивалъ, гдѣ и какъ былъ раненъ, и для каждаго находилъ слово утѣшенія. Это былъ отецъ, навѣщающій своихъ дѣтей!

Вскорѣ начальствованіе надъ всей гвардіей было поручено ген.-лейт. Гурко, которому было приказано перейти за рѣку Видъ, постараться

овладѣть Горнымъ и Дольнимъ Дубняками, соединиться съ румынами, замкнуть такимъ образомъ линію войскъ, облегавшихъ Плевну, и тѣмъ прекратить сообщеніе Османа-паши съ Софіей.

Въ концѣ сентября главная квартира Великаго Князя перешла въ Порадимъ, а я какъ больной былъ оставленъ въ Горномъ Студнѣ, гдѣ пріютился у одного изъ офицеровъ свиты Государя, подполковника Фуллона.

Благодаря его любезности, я поселился вмѣстѣ съ нимъ въ землянкѣ и получалъ продовольствіе изъ Императорской главной квартиры. Эти два обстоятельства подвинули значительно мое выздоровленіе, но я страшно скучалъ отъ бездѣйствія и съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда, наконецъ, буду въ состояніи вернуться къ Великому Князю.

Мой донской конь тоже какъ-то прихворнулъ, сталъ кашлять и удостоился чести быть оскультированнымъ самимъ Сергѣемъ Петровичемъ Боткинымъ. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ это случилось.

Какъ то разъ въ общемъ разговорѣ Сергѣй Петровичъ услышалъ, что моя лошадь кашляетъ.

«Что вы съ ней дѣлаете?» спросилъ онъ меня: «дайте-ка я ее посмотрю. Я никогда лошадей не лечилъ, но неужели это труднѣе, чѣмъ лечить людей?»

Я показалъ ему коня; онъ долго его выслушивалъ, потомъ улыбнулся и сказалъ:

«Ужъ вы лучше посовѣтуйтесь-ка съ ветеринаромъ».

Въ бытность мою въ Горномъ Студнѣ, пронеслась вѣсть о взятіи Горнаго Дубняка съ громадными потерями и о неудачѣ егерей подъ Телишемъ. Это было первое дѣло гвардейцевъ. Была ли тутъ ошибка въ распоряженіяхъ или просто несчастная случайность, разсудитъ исторія; но, во всякомъ случаѣ, гвардія показала, что она умѣетъ драться и умирать, и понесла потому страшныя потери.

Государь переѣхалъ сейчасъ же въ Порадимъ, чтобы быть ближе къ лазаретамъ и перевязочнымъ пунктамъ, а главная квартира Великаго Князя перешла въ Боготъ, куда вскорѣ прибылъ и я.

Со взятіемъ Горнаго и Дольняго Дубняка и Метрополя, Османъ-паша былъ наконецъ совершенно запертъ въ Плевнѣ, и начался выжидательный періодъ обложенія. Всѣ войска, облегавшія Плевну, были подчинены румынскому князю Карлу, но фактически распоряжался всѣмъ, прибывшій 18-го сентября въ дѣйствующую армію, ген.-адъютантъ Тотлебенъ, составившій себѣ столь славное имя въ Севастополѣ.

Мнѣ пришлось слышать одинъ забавный анекдотъ, относящійся къ этому періоду кампаніи. Нашихъ солдатиковъ весьма удивляло, почему главное начальство надъ нашими войсками поручили князю Карлу; они не могли понять, что

это лишь дипломатическій пріемъ, и что владѣтельному князю нельзя было находиться подъ командой русскаго генерала.

«Отчего это, братецъ, румянцовская Карла нами командуетъ?» спрашиваетъ одинъ солдатикъ.

«А ты развѣ не знаешь?» отвѣчаетъ другой: «этотъ самый Карла платилъ турецкому султану дань. Вотъ онъ видитъ, что нашъ батюшка Царь пришелъ болгаръ освобождать, такъ онъ взмолился и говоритъ: «Ваше Величество, народъ мой также православный, не хочу я болѣе султану служить, освободи ты и меня». Ему и отвѣчаетъ нашъ Царь: — «Ладно, братъ, и тебя освобожу, только ты мужество свое докажи, возьми вотъ у турки эфту Плевну».—«Ваше Величество», взмолился Карла, «какъ же мнѣ Плевну взять, коли войсковъ у меня вовсе нѣтъ?» — «Ну это, братецъ, ничего», говоритъ ему Государь, «у меня эфтого сколько угодно; бери сколько хочешь, только Плевну мнѣ возьми».

«Вотъ, онъ теперь подъ Плевной сидитъ и старается».

Генералъ Тотлебенъ принялся энергично за укрѣпленіе нашихъ позицій: мы настроили массу траншей, редутовъ, и вся наша линія кругомъ Плевны была соединена телеграфомъ съ главной квартирой арміи обложенія, находившейся въ Тученицѣ. Турки въ свою очередь не дремали, они также возвели много новыхъ укрѣпленій. Было

рѣшено болѣе Плевны не штурмовать, а высидѣть Османа-пашу голодомъ, заставить его выйти самого изъ укрѣпленій и тогда уже разбить. На случай вылазки турокъ были заранѣе составлены диспозиціи, какъ въ данномъ случаѣ дѣйствовать войскамъ. Мы были увѣрены, что Османъ-паша не сдастся безъ боя и постарается прорваться черезъ нашу линію, что впослѣдствіи и случилось.

Въ это время осень уже вступила въ свои права: распутица стала невѣроятная, черноземныя дороги обратились въ какую-то кашу, въ которой лошади вязли почти по брюхо. Транспорты, двигаясь съ страшными усиліями день и ночь, успѣвали сдѣлать едва три, четыре версты въ сутки. Зарядные ящики утопали въ грязи выше ступицы, въ нихъ впрягали по нѣсколько паръ воловъ, кромѣ лошадей, и тащили такимъ образомъ какъ плугъ, такъ какъ колеса не вертѣлись. Несчастные солдатики не успѣвали нигдѣ обсушиться и были покрыты липкою грязью, какъ корой.

Тѣмъ временемъ турки дѣлали нѣсколько разъ нападенія на Рущукскій отрядъ, но каждый разъ были съ большимъ урономъ отражаемы. Я не имѣлъ случая ни разу побывать въ командировкѣ въ Рущукскомъ отрядѣ и потому, задавшись мыслью писать лишь о томъ, что самъ видѣлъ, не говорю о многихъ славныхъ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ, находившихся подъ начальствомъ Государя Наслѣдника Цесаревича.

Вскорѣ гвардія и 1-ая бригада 5-ой пѣх. дивизіи, подъ начальствомъ ген.-лейт. Гурко, были двинуты на Этрополь, съ приказаніемъ занять проходъ въ Балканахъ по Софійскому шоссе. Многіе изъ моихъ товарищей были посланы въ распоряженіе этого генерала, а я все еще не былъ въ состояніи отправиться въ дальнюю командировку. Н. В. Клайгельсъ былъ въ числѣ этихъ офицеровъ, отправленныхъ къ ген. Гурко. Въ то время прибыли въ дѣйствующую армію, вновь назначенные ординарцами къ главнокомандующему, корнетъ кавалергардскаго полка князь П. С. Оболенскій и корнетъ л.-гв. коннаго полка Н. А. Галлъ. Оба эти офицера перешли жить ко мнѣ въ мазанку, а затѣмъ къ намъ же присоединился и Евреиновъ.

На Шипкѣ выпалъ снѣгъ. Турки уже давно прекратили свои бѣшеные штурмы и дали намъ возможность хорошо укрѣпиться на занятыхъ позиціяхъ: мы настроили много блиндажей, и всѣ сообщенія между редутами были прикрыты валами и траншеями, такъ что непріятельскій огонь не дѣлалъ намъ большаго вреда. Къ этому времени относятся тѣ однообразныя телеграммы: «на Шипкѣ все спокойно», которыя такъ мало удовлетворяли нашихъ соотечественниковъ.

М. Д. Скобелевъ, бывшій тогда командующимъ 16-ою пѣхотн. дивизіею, находился, какъ я уже сказалъ, на позиціи у Брестовца, очень часто имѣлъ

перестрѣлку съ турками и своими знаменитыми вылазками на Зеленыхъ горахъ занялъ столбцы всѣхъ газетъ.

Однажды Михаилъ Дмитріевичъ просилъ разрѣшенія главнокомандующаго подвинуться впередъ къ Плевнѣ и занять позицію, которая въ тактическомъ отношеніи была бы гораздо выгоднѣе той, на которой онъ держался съ 31-го августа. Получивъ дозволеніе Великаго Князя, онъ, дѣйствительно, въ ночь на 29-ое октября занялъ такъ называемый «первый гребень Зеленыхъ горъ»; дѣло было сдѣлано хорошо и съ весьма малыми потерями.

На другой день я былъ дежурнымъ при Его Высочествѣ и былъ отправленъ передать генералу Скобелеву и всѣмъ участникамъ боя «спасибо» главнокомандующаго, а также отдать по три георгіевскихъ креста на роту. Я нашелъ Михаила Дмитріевича у кухни одного изъ батальоновъ его дивизіи, дѣлающимъ выговоръ какой-то ротѣ за неисправность, замѣченную имъ, во время послѣдняго ночнаго дѣла. Узнавъ, зачѣмъ я пріѣхалъ, онъ скомандовалъ смирно и предложилъ мнѣ лично передать людямъ слова главнокомандующаго.

«Вамъ, я думаю, скучно тамъ, въ Боготѣ», обратился онъ затѣмъ ко мнѣ: «поѣдемте ко мнѣ обѣдать».

Я съ удовольствіемъ принялъ его любезное

приглашеніе, такъ какъ надѣялся услышать отъ него подробности боя, въ чемъ и не ошибся.

«Вамъ все равно», продолжалъ генералъ, «если мы не прямо поѣдемъ въ Брестовецъ» (тамъ находилась штабъ-квартира Михаила Дмитріевича), «а объѣдемъ сначала нашу позицію, чтобы передать всѣмъ спасибо Великаго Князя».

Я, понятно, отвѣчалъ утвердительно, и мы направились впередъ къ нашимъ траншеямъ, которыя, какъ оказалось, находились въ шагахъ 500-хъ отъ непріятеля. Къ довершенію удовольствія, Михаилъ Дмитріевичъ не поѣхалъ подъ прикрытіемъ нашихъ земляныхъ работъ, а направился вдоль траншей съ наружной стороны. Турки, замѣтивъ кучку всадниковъ и предполагая, не безъ основанія, что это начальство, принялись насъ обстрѣливать ружейнымъ огнемъ. При нашемъ приближеніи люди становились во фронтъ во рву траншеи.

«Главнокомандующій прислалъ вамъ спасибо за молодецкую службу; надѣется, что и впредь покажете туркамъ, какъ надо драться», говорилъ Михаилъ Дмитріевичъ.

«Рады стараться, постараемся, ваше п-ство», весело отвѣчали солдаты.

«Да ты не кланяйся, не стоитъ, она уже пролетѣла», съ улыбкою обратился генералъ къ одному молодому солдатику, который нагибался при свистѣ каждой пули.

При этомъ замѣчаніи осклабились загорѣлыя, черныя отъ пороховаго дыму, лица, раздался по траншеѣ смѣхъ, всякій старался подтянуться и выглядѣть молодцемъ.

Мнѣ было ужасно досадно, что я взялъ съ собой Тычинскаго и безъ всякой надобности подставилъ его подъ непріятельскія пули; еслибы его ранили, то врядъ ли я нашелъ бы въ походѣ такого старательнаго и надежнаго человѣка.

Мы проѣхали, такимъ образомъ, почти всю нашу позицію и затѣмъ уже повернули на Брестовецъ. Въ результатѣ оказалось, что изъ 11-ти человѣкъ конвоя и свиты генерала Скобелева, два человѣка были ранены и совершенно безцѣльно. Михаилъ Дмитріевичъ любилъ всегда обстрѣливать пріѣзжавшихъ къ нему изъ главной квартиры офицеровъ, я это прекрасно зналъ, но, признаюсь, былъ весьма обиженъ подобнымъ обращеніемъ, такъ какъ не считалъ себя болѣе новичкомъ въ огнѣ.

Генералъ Скобелевъ обладалъ замѣчательнымъ умѣньемъ говорить съ солдатами, въ чемъ я между прочимъ убѣдился во время этого объѣзда; онъ по дорогѣ не пропустилъ почти ни одного человѣка, не сказавъ ему нѣсколькихъ словъ: кого ругнетъ, кого похвалитъ. Каждый солдатъ былъ увѣренъ, что лично извѣстенъ генералу. Этимъ обращеніемъ онъ подкупалъ людей, и тѣ части, которыми онъ командовалъ, положительно, его

боготворили. Своею беззавѣтною личною храбростію онъ сразу составилъ себѣ ореолъ. Солдаты думали о немъ, что онъ не уязвимъ, что онъ знаетъ «такое слово» и заговоренъ отъ пули. Михаилъ Дмитріевилъ старался поддерживать этотъ слухъ между войсками и даже, когда однажды былъ контуженъ осколкомъ гранаты, хотѣлъ непремѣнно скрыть это отъ подчиненныхъ. Эта контузія пріостановила на время безпрестанныя вылазки на Зеленыхъ горахъ.

Придерживаясь завѣтовъ Мюрата, Скобелевъ выѣзжалъ къ войскамъ всегда элегантно одѣтымъ, съ расчесанными бакенбардами, надушенный и преимущественно на бѣлой лошади. Много коней было подъ нимъ убито въ бою, но самъ онъ оставался невредимымъ и только два раза за всю кампанію былъ контуженъ. Михаилъ Дмитріевичъ, должно быть, обладалъ большою магнетическою силою, потому что дѣйствительно имѣлъ даръ увлекать за собой людей. Ординарцами онъ выбиралъ себѣ молодыхъ офицеровъ, непремѣнно изъ армейскихъ полковъ, баловалъ ихъ, щедро награждалъ, но въ бою за то не жалѣлъ; они же, въ свою очередь, готовы были итти для него въ огонь и въ воду, и многіе изъ нихъ сложили молодецкую голову.

Штабъ-квартира Михаила Дмитріевича находилась въ деревнѣ Брестовцѣ, куда долетали не

только турецкіе снаряды, но даже и пули, которыя нѣтъ-нѣтъ, да кого нибудь и поподчуютъ.

Генералъ жилъ въ болгарской хатѣ, которая болѣе или менѣе защищала его отъ непріятельскаго огня; но обѣдалъ онъ всегда со всѣмъ своимъ штабомъ въ палаткѣ, и почти ни одинъ обѣдъ не проходилъ безъ того, чтобы не просвистѣло нѣсколько пуль. Корреспонденты русскихъ и иностранныхъ газетъ были всегда любезно приняты Михаиломъ Дмитріевичемъ, который любилъ съ ними бесѣдовать и часто водилъ ихъ смотрѣть на турецкія позиціи, гдѣ давалъ имъ случай познакомиться поближе съ непріятельскимъ огнемъ; затѣмъ они писали самыя восторженныя и нервныя корреспонденціи, которыя не мало способствовали громадной популярности Скобелева.

Въ дѣйствующую армію прибыла къ намъ масса корреспондентовъ всевозможныхъ русскихъ и иностранныхъ газетъ: «имя имъ бѣ легіонъ».

Въ семьѣ не безъ урода — между почтенными представителями прессы могли оказаться люди недоброжелательные къ Россіи и даже просто шпіоны, а потому со стороны полеваго штаба были приняты нѣкоторыя предупредительныя мѣры. Всѣ они были подчинены полковнику ген. штаба Михаилу Александровичу Газенкампфу, ежедневно дававшему имъ свѣдѣнія, которыя было возможно сообщить безъ вреда для арміи.

Каждый былъ снабженъ повязкою на рукавѣ

съ надписью «корреспондентъ» и долженъ былъ дать честное слово не передавать никакихъ извѣстій, могущихъ выдать непріятелю наше расположеніе или будущія передвиженія, не писать ничего, могущаго оскорбить Россію или армію и не оставаться въ отрядахъ иначе, какъ съ позволенія начальника части. Предварительной цензуры не было вовсе. Надо отдать справедливость представителямъ печати, они держали себя прекрасно, многихъ изъ нихъ я видѣлъ подъ выстрѣлами; всѣ націи свято держали данное слово; ни одно нежелательное свѣдѣніе не проникло ранѣе времени въ печать и не стало извѣстно туркамъ. Только корреспондентъ англійской газеты «Standard» M-r Boyle не сдержалъ даннаго слова, послалъ въ редакцію статью, полную клеветы и нахальныхъ, неприличныхъ выраженій, касающихся, принявшей его съ такимъ гостепріимствомъ, арміи; и за это былъ высланъ съ театра военныхъ дѣйствій. Коварный Альбіонъ оправдалъ свое прозваніе и на этотъ разъ. Кромѣ M-r Boyle, былъ удаленъ изъ арміи еще одинъ высокопоставленный англичанинъ, который держалъ себя такъ странно, что его подозрѣвали въ шпіонствѣ.

На Зеленыхъ горахъ была совершенно своеобразная боевая обстановка: войска такъ привыкли жить постоянно подъ выстрѣлами, что стали изъ молодечества шутить съ турками и нарочно вызывали ихъ на перестрѣлку. Когда, напримѣръ, при-

шло извѣстіе о взятіи Карса, Михаилъ Дмитріевичъ велѣлъ сдѣлать изъ бумаги огромный щитъ, на которомъ по-турецки было написано: «Карсъ взятъ». Этотъ транспарантъ онъ выставилъ на ближайшей къ туркамъ траншеѣ, послалъ туда полковую музыку, устроилъ иллюминацію и велѣлъ играть гимнъ. Турки отвѣтили на эту выходку сильнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ, при чемъ и съ нашей стороны было сдѣлано нѣсколько залповъ, заглушаемыхъ криками ура.

Подобные бенефисы устраивались довольно часто, и почти рѣдкій день проходилъ спокойно. Бѣлый генералъ все время держалъ непріятеля на чеку.

Живя третій мѣсяцъ подъ Плевной, мы уже примѣнились къ орудійной пальбѣ и ружейному огню, такъ что легко опредѣляли по слуху, какая изъ нашихъ батарей стрѣляетъ, какой отвѣчаетъ турецкій редутъ, и потому хорошо знали также, когда начиналась у Скобелева перепалка; мы никогда не принимали ее за штурмъ или за вылазку Османа-паши.

Послѣ обѣда Михаилъ Дмитріевичъ пригласилъ меня къ себѣ въ землянку и разсказалъ подробно, какъ онъ приготовлялся къ штурму, какія онъ дѣлалъ предположенія относительно возможныхъ движеній турокъ и, затѣмъ, какъ въ дѣйствительности бой происходилъ. Этотъ разсказъ былъ настолько интересенъ и поучителенъ, что я совер-

шенно забылъ, что онъ только что заставилъ меня проѣхаться безъ надобности подъ выстрѣлами, и уѣхалъ отъ него вполнѣ очарованнымъ, какъ и всякій, кто имѣлъ случай съ нимъ бѣсѣдовать.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ начались сильные туманы. Когда приходилось ѣхать ночью съ какимъ-нибудь порученіемъ, то съ трудомъ бывало выѣдешь изъ Богота; сидя верхомъ, не видишь даже ушей лошади. Я помню случай, что одинъ изъ нашихъ ординарцевъ крутился въ продолженіи 3-хъ часовъ вокругъ главной квартиры и никакъ не могъ отъ нея отъѣхать.

Однажды въ одномъ изъ полковъ, занимавшихъ передовыя позиціи, между 16-ой дивизіей и гренадерами, праздновали полковой праздникъ; два офицера послѣ товарищеской попойки возвращались ночью въ свои траншеи. Темнота и туманъ были на столько сильны, что они сбились съ пути и вмѣсто своихъ траншей попали въ турецкія. Когда ихъ окликнулъ часовой, то уже отступать было поздно. Не долго думая, они вытаскиваютъ бѣлый платокъ, заявляютъ, что присланы парламентерами отъ своего полка и просятъ препроводить ихъ къ Осману-пашѣ, къ которому ихъ дѣйствительно и доставили. Они ему весьма находчиво объяснили, что сегодня день ихъ полковаго праздника и потому они просятъ не безпокоить ихъ нынѣшнею ночью перестрѣлкой.

Османъ-паша, вѣроятно, понялъ, что тутъ дѣло не чисто, но всетаки разсмѣялся и велѣлъ проводить ихъ обратно домой. Должно быть, онъ чувствовалъ, что рано или поздно ему придется сдаться, и потому не хотѣлъ воспользоваться оплошностью этихъ двухъ смѣтливыхъ офицеровъ.

Положеніе нашей арміи становилось, однако, весьма тяжелымъ: изъ отряда ген. Гурки, стоявшаго на Балканахъ, и ген. Радецкаго, стоявшаго на Шипкѣ, стали тянуться транспорты съ обмороженными людьми; а Османъ-паша все не сдавался и не дѣлалъ вылазокъ.

Въ походныхъ лазаретахъ раздѣляли обыкновенно больныхъ по категоріямъ: были палаты для тяжело раненыхъ, легко раненыхъ, больныхъ, и теперь прибавились еще «обмороженные». Мой товарищъ Евреиновъ имѣлъ обыкновеніе посѣщать госпиталя и разговаривать съ больными, которые всегда были рады разсказать, гдѣ они были ранены, и при какихъ обстоятельствахъ это случилось. Однажды онъ входитъ въ палатку и обращается къ одному солдатику, у котораго была повязка на головѣ.

«Какіе вы здѣсь?» обратился къ нему Евреиновъ, желая узнать, попалъ ли онъ къ больнымъ или раненымъ.

«Давленные, ваше в-діе», былъ отвѣтъ.

«Какъ давленные? Что это значитъ? переспросилъ со смѣхомъ Евреиновъ.

«Такъ точно, ваше в-діе, давленные, насъ крышей придавило».

«Какъ же это случилось?»

«А мы, ваше в-іе, человѣкъ 15 забрались на ночлегъ къ братушкѣ въ сарай, а онъ ночью и завались, да насъ и придави. Вотъ, всѣхъ 15 человѣкъ сюда вмѣстѣ и положили».

Очевидно, солдатикъ былъ сторонникъ строгой классификаціи больныхъ.

Главнокомандующій былъ нездоровъ, къ нему вернулся тотъ же недугъ, отъ котораго онъ такъ страдалъ въ Кишиневѣ. Настроеніе у всѣхъ было тяжелое, и оно поддерживалось почти ежедневными похоронами офицеровъ подъ звуки марша.

Османъ-паша затормозилъ всю нашу армію, которая была прикована къ своимъ позиціямъ и не могла двинуться съ мѣста, покуда Плевна не будетъ взята.

26-го ноября былъ Георгіевскій праздникъ, и назначенъ былъ парадъ георгіевскимъ кавалерамъ на такъ называемомъ, Императорскомъ редутѣ; Государь недомогалъ и потому не выѣхалъ, главнокомандующій также долженъ былъ остаться въ постели, и представителемъ Ихъ явился на редутъ генералъ Тотлебенъ. Не весело прошелъ этотъ праздникъ!

ГЛАВА X.

Взятіе Плевны.

Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ ноября стали перебѣгать изъ Плевны турецкіе солдаты, которые плакались, что ихъ положеніе становится невыносимымъ: провіанту остается мало, и почти нѣтъ топлива. 27-го ноября подобные перебѣжчики донесли, что Османъ-паша роздалъ войскамъ на руки весь остатокъ провіанта, котораго можетъ хватить только на три дня, и что онъ готовится къ вылазкѣ. Куда онъ намѣренъ итти, было имъ неизвѣстно, а это крайне интересовало главную квартиру; хотя, какъ я уже говорилъ, были приняты надлежащія мѣры: вся наша линія обложенія была соединена телеграфомъ, и мы были готовы встрѣтить непріятеля на любомъ пунктѣ.

Вечеромъ 27-го ноября началась какая-то необычная стрѣльба. Въ это время всѣ ординарцы Великаго Князя были разосланы, и я оставался вдвоемъ съ корнетомъ Дерфельденомъ—дежурили

мы съ нимъ черезъ день. 28-го ноября утромъ я долженъ былъ вступить на дежурство и потому наканунѣ завалился пораньше спать.

Часовъ въ 6 утра вбѣгаетъ ко мнѣ Дерфельденъ.

«Вставай скорѣй, Османка вылѣзъ, Великому Князю уже подаютъ лошадь, мы сейчасъ уѣзжаемъ», радостно прокричалъ онъ.

Я вскочилъ какъ встрепанный и уже черезъ 10 минутъ былъ верхомъ. Великій Князь забылъ свое нездоровье, сѣлъ на коня и направился въ Тученицу, гдѣ была главная квартира генерала Тотлебена. Тамъ узнали мы, что Османъ-паша съ восходомъ солнца атаковалъ гренадеръ, стоявшихъ на западъ отъ Плевны, за р. Видомъ, верстахъ въ 7-ми отъ города; всѣ восточныя и южныя укрѣпленія молчали, только за рѣкой слышна была сильная пальба. Генералъ Тотлебенъ ожидалъ болѣе подробныхъ донесеній и потому оставался въ Тученицѣ; но Великій Князь не выдержалъ и поспѣшилъ впередъ.

Какъ дежурный, я имѣлъ счастіе передавать войскамъ личныя приказанія Его Высочества; всѣ были подняты изъ окоповъ, и мы пошли на Плевну. Страшная картина представилась нашимъ глазамъ, когда мы подходили къ турецкимъ траншеямъ: валялись трупы нашихъ храбрецовъ, которые пали въ бою 30-го августа; одни лежали въ томъ положеніи, какъ ихъ сразила непріятельская

пуля, другіе, должно быть, мучились передъ смертію — кулаки судорожно были сжаты; всюду валялась амуниція, ружья, шинели, а между ними не мало не разорвавшихся снарядовъ, которые мы тщательно объѣзжали. Съ большимъ трудомъ перебрались мы черезъ турецкіе подступы, которые были очень глубоко вырыты въ землѣ. Турки большіе мастера окапываться; траншеи были у нихъ очень искусно устроены: тамъ были и норы для патроновъ, и что то въ родѣ блиндажей — видимо, они старались расположиться съ возможно большимъ комфортомъ.

Когда мы переѣхали черезъ линію непріятельскихъ укрѣпленій, то передъ нашими глазами вдругъ открылся видъ на Плевну.

Такъ вотъ она, давно жданная плѣнница!

Между тѣмъ турокъ нигдѣ не было; очевидно, что Османъ-паша еще ночью очистилъ всю эту линію.

Вызвали охотниковъ, которые пошли впередъ, и вскорѣ было получено отъ нихъ донесеніе, что въ городѣ остались только больные и раненые, и что Османъ-паша еще ночью ушелъ со всѣмъ войскомъ и обозами на Софію. Великій Князь направился со свитой и конвоемъ къ городу. Не помню, въ которомъ часу мы въѣхали въ Плевну, должно быть, около 7—8-ми часовъ утра; всюду были слѣды нашей бомбардировки: не было ни одного дома, кажется, который бы не пострадалъ

отъ нашихъ снарядовъ. Мы благополучно проѣхали черезъ городъ и выѣхали на Кришинскія высоты, находящіяся къ югу отъ Плевны.

Вдали канонада и ружейная пальба не прерывались ни на одну минуту; должно быть, Османъ-паша не хотѣлъ сдаваться безъ серьезной попытки уйти на Софію; неужели ему это удастся, думалось намъ.

«Лярскій», подозвалъ меня Великій Князь, «поѣзжай къ Ганецкому (командиру гренадерскаго корпуса) и узнай, что у него происходитъ. Только смотри, будь остороженъ: я не имѣю еще отъ него никакихъ извѣстій и не знаю, очистили ли турки всѣ редуты».

Я махнулъ своему деньщику, чтобы слѣдовалъ за мной, и пустился въ путь. Ѣхать кругомъ, по нашимъ позиціямъ, было очень далеко, пожалуй верстъ 20,—я рѣшилъ пробраться между нашими и турецкими укрѣпленіями. Весь промежутокъ между ними былъ покрытъ довольно частыми кустами, которые ни мы, ни турки не имѣли возможности вырубить, за то пространство позади траншей было на чисто выжжено войсками. Мѣстность была очень холмистая, перерѣзанная кое-гдѣ балками. Выбравшись на бугоръ, съ котораго можно было осмотрѣться, я наткнулся на казачій пикетъ.

«Не знаете ли, станичники, гдѣ гренадеры?» обратился я къ нимъ.

«Не можемъ знать, ваше в-діе» былъ отвѣтъ.

«А турки гдѣ?»

«Не можемъ знать, ваше в-діе».

«А давно ли вы тутъ, на посту?»

«Да ужъ давненько, ваше в-діе».

Ну ладно, подумалъ я, надо какъ нибудь самому выбираться.

Я пустился далѣе на выстрѣлы, которые не умолкали, и вскорѣ попалъ въ глубокую балку, изъ которой еле выкарабкался. Здѣсь я увидѣлъ передъ собой два редута: мнѣ показалось, что лѣвый долженъ былъ быть нашъ, а правый — турецкій. Я дѣлалъ это предположеніе, такъ какъ думалъ, что ѣду между нашими и турецкими укрѣпленіями. Вокругъ, на сколько можно было окинуть глазомъ, ни нашихъ, ни непріятельскихъ войскъ не было видно.

Въ это время я услышалъ ура. Но на этотъ разъ оно было не то щемящее душу плевненское ура, которое я не могу и по сихъ поръ забыть, а веселое, торжествующее; вслѣдъ за нимъ какая-то полковая музыка заиграла: «Боже Царя Храни». Мы съ деньщикомъ такъ обрадовались, что чуть сами не закричали ура. Слава Богу, одолѣли! — одно жаль, что я опоздалъ. Затѣмъ мнѣ удалось выбраться на какую-то дорогу, и я галопомъ поѣхалъ на крикъ. Поровнявшись съ редутамъ, дорога круто поворачивала налѣво, и я неожиданно нарвался на турецкій батальонъ, ко-

торый отдыхалъ, составивъ ружья въ козлы; солдаты даже варили пищу въ котелкахъ. Какой процессъ мышленія былъ въ это время въ моей головѣ, я не могу положительно сказать, но какими-то судьбами я мигомъ рѣшилъ, что самое лучшее ѣхать прямо къ старшему офицеру, у котораго весь рукавъ камзола былъ расшитъ золотыми шнурами. Я протянулъ ему руку и сказалъ: «*барыш*» *).

Гордый турокъ не особенно охотно отвѣтилъ на мое привѣтствіе и, видимо, былъ удивленъ моему внезапному появленію вдвоемъ съ деньщикомъ. Однако клики не умолкали, пальба кончилась, времени терять было нечего. Я хотѣлъ скорѣе найти своихъ, а главное разстаться съ турками, и потому поспѣшилъ далѣе. Я думалъ спуститься къ р. Виду, переправиться въ бродъ и найти тамъ гренадеръ, но пробраться къ рѣкѣ оказалось невозможнымъ. Кусты скрывали всю мѣстность — нашихъ нигдѣ не было видно. Я рѣшилъ ѣхать далѣе по большой дорогѣ, которая, къ моему удивленію, и привела меня вскорѣ въ расположеніе турецкаго лагеря. Я очутился въ томъ предмостномъ укрѣпленіи, съ котораго взята «панорама взятія Плевны», объѣхавшая всю Россію. Деморализація въ лагерѣ была полная: иные батальоны еще стояли въ ружьѣ, другіе смѣшались,

*) Миръ.

толпились кучками; былъ шумъ, гвалтъ. За кого меня приняли турки, не знаю, но фактъ тотъ, что на меня смотрѣли весьма равнодушно, какъ будто я попалъ къ своимъ.

«Ваше в-іе, ваше в-іе?» услышалъ я за собой голосъ моего деньщика», дозвольте у нихъ магазинку взять?»

Мы въ то время проѣзжали мимо роты, вооруженной скорострѣльными ружьями Винчестера; намъ всѣмъ нравились эти ружья, и казаки, которые во время разъѣздовъ ими разживались, продавали ихъ по золотому.

Деньщикъ, не подозрѣвая, что мы совершенно случайно попали къ туркамъ, и что намъ самое лучшее пробираться скорѣе къ своимъ, не могъ утерпѣть передъ соблазномъ. Онъ былъ со мной въ Никополѣ, постоянно жалѣлъ, что ничего не взялъ оттуда на память и, вѣроятно, не хотѣлъ остаться ни при чемъ и на этотъ разъ. Мы остановились, и онъ, съ моего разрѣшенія, самымъ хладнокровнымъ образомъ сталъ выбирать ружья поновѣе. Турецкіе солдаты отнеслись къ нему по товарищески и сами подали ему магазинки почище. Нѣкоторые предлагали сабли, револьверы; Тычинскій, съ видомъ знатока, разсматривалъ клинки, но все не находилъ достойныхъ вниманія. Боясь, чтобы онъ не увезъ съ собой цѣлый арсеналъ, я велѣлъ ему ограничиться тремя магазинками, которыя онъ и повѣсилъ себѣ черезъ плечо.

Передъ нами открывался чудный видъ на всю мѣстность за рѣкой, гдѣ только что и происходило сраженіе.

Однако мѣшкать я не могъ, надо было проталкиваться сквозь турокъ и добираться къ генералу Ганецкому.

Черезъ нѣсколько десятковъ саженъ я обернулся и замѣтилъ, что Тычинскаго за мной нѣтъ. Я поднялся на стременахъ, сталъ искать его глазами и едва разглядѣлъ его въ этой толпѣ.

«Что ты тамъ дѣлаешь?» закричалъ я, «поѣзжай за мной».

«Ваше в-іе, дозвольте у нихъ коня взять; мой рыжій присталъ, а вотъ турка жеребца предлагаетъ», съ жаромъ проговорилъ мой деньщикъ, подъѣзжая ко мнѣ съ раскраснѣвшимся отъ удовольствія лицомъ и ведя въ поводу чуднаго гнѣдого коня въ артиллерійскомъ хомутѣ.

«Брось ты чужую лошадь, развѣ можно грабить!» съ сердцемъ отвѣчалъ я.

«Не мы возьмемъ, такъ онъ даромъ пропадетъ, другіе возьмутъ», философствовалъ Тычинскій, «а конь чудесный!»

Съ большимъ сожалѣніемъ разстался онъ съ своей добычей и послѣдовалъ за мной, ворча и искренно удивляясь, отчего я не позволилъ ему такъ удачно пріобрѣсти хорошаго коня.

Съ трудомъ достигъ я знаменитой караулки, гдѣ произошла сдача Османа-паши.

Я слышалъ много разъ, какъ упрекали турокъ въ коварствѣ за то, что они выкидывали бѣлый флагъ, а затѣмъ открывали огонь, (это было между прочимъ на Шипкѣ). Но здѣсь, я долженъ сознаться, что турки поступили въ высшей степени благородно, за что я имъ благодаренъ по гробъ моей жизни. Попадись такимъ образомъ офицеръ, вдвоемъ съ деньщикомъ, въ любую изъ европейскихъ армій — не сдобровать бы ему: шальная пуля его бы не пощадила.

При этомъ турки уже получили, вѣроятно, приказаніе сложить оружіе; люди бросали ружья въ кучу; нѣкоторые изъ нихъ были заряжены и производили выстрѣлы, которымъ легко можно было приписать несчастный случай.

Наконецъ, нашелъ я генерала Ганецкаго; онъ сидѣлъ въ караулкѣ съ Османомъ-пашей, кругомъ толпились наши и турецкіе генералы.

«Доложите Великому Князю», сказалъ мнѣ генералъ, «что вся непріятельская армія сдалась безъ условій».

Получивъ такой отвѣтъ, я бросился изъ караулки, чтобы скорѣе найти своего коня и ѣхать къ Великому Князю, который оставался на Кришинскихъ высотахъ.

Передъ тѣмъ, чтобы пуститься въ обратный путь, я долженъ былъ непремѣнно дать моему «Донцу» вспышку, что, къ сожалѣнію, меня и задержало. Радость была всеобщая. Вокругъ ка-

раулки толпились офицеры всѣхъ родовъ оружія; всѣ говорили разомъ, трудно было разобраться въ этомъ хаосѣ; но всетаки мнѣ удалось узнать, что турки рано утромъ такъ стремительно насѣли на гренадеръ, что даже выбили ихъ изъ траншей, и только подоспѣвшимъ резервамъ удалось остановить наступленіе. При этомъ Османъ-паша былъ раненъ и вскорѣ далъ отбой.

«Надо же батюшку Царя обрадовать, послали ли къ Нему кого нибудь?» услышалъ я голосъ помощника коменданта главной квартиры, полковника М. *).

Всѣ были такъ заняты разговоромъ, что никто не обратилъ вниманія на эти слова полковника, считая, вѣроятно, что онъ вмѣшивается не въ свое дѣло. Тогда онъ, не долго думая, взялъ съ собой какого-то турецкаго офицера проводникомъ, пустился съ своимъ вѣстовымъ на Плевну, и, какъ оказалось впослѣдствіи, дѣйствительно, первый доложилъ Царю извѣстіе о сдачѣ Османа, за что и былъ пожалованъ флигель-адъютантомъ.

Сейчасъ, послѣ отъѣзда М., я сѣлъ на коня и погналъ къ Великому Князю. Я шелъ растяжнымъ галопомъ и, когда выѣхалъ на открытое мѣсто, увидѣлъ двигающійся значекъ главнокомандую-

*) Полковникъ М. былъ еще утромъ посланъ Великимъ Княземъ сопровождать ген.-лейт. Скобелева I-го, который просилъ разрѣшенія поѣхать къ сыну. Самъ Михаилъ Дмитріевичъ былъ уже тутъ и страшно досадовалъ, что не ему пришлось нанести рѣшительный ударъ Осману-пашѣ.

щаго, версты за двѣ; я бросилъ дорогу и пошелъ, къ сожалѣнію, напрямикъ, но тутъ мнѣ пришлось наткнуться на такіе крутые и глубокіе овраги, что нагнать своевременно Великаго Князя не могъ. Ему уже было извѣстно о сдачѣ Османа-паши черезъ ординарца ген. Ганецкаго, которому удалось перехватить главнокомандующаго ранѣе меня.

Мой товарищъ Дерфельденъ оставался при Великомъ Князѣ, и на его долю выпала честь ѣхать докладывать счастливую вѣсть Царю. Въ этомъ случаѣ меня преслѣдовалъ какой-то рокъ: мнѣ приходилось доносить Государю только дурныя вѣсти.

Великій Князь, отправивъ Дерфельдена, поскакалъ напрямикъ на Плевненское шоссе, гдѣ я Его и нашелъ. Вся дорога отъ Плевны до р. Вида была запружена обозами Османа-паши; съ трудомъ можно было проѣхать: всюду валялись ружья, амуниція, патроны, снаряды.

Великій Князь прослѣдовалъ за рѣку Видъ, гдѣ стояли сибирскіе гренадеры, которыхъ Онъ шефомъ, и поздравилъ ихъ съ побѣдой. Этимъ молодцамъ пришлось удержать натискъ всей арміи Османа. Могучее ура вырвалось изъ груди гренадеръ и долго не умолкало.

Наши союзники также не замедлили появиться; они нашли всѣ сѣверныя укрѣпленія уже оставленными турками, и имъ не пришлось участвовать въ бою. Тѣмъ не менѣе они привели уносныхъ

артиллерійскихъ лошадей и стали впрягать ихъ въ оставленныя турками орудія, желая присвоить ихъ себѣ, какъ боевые трофеи. Съ большимъ трудомъ удалось остановить это безобразіе. Румыны дѣлали видъ, что не понимаютъ ни по-русски, ни по-французски и потому не слушались приказаній.

Главнокомандующій уже не засталъ въ караулкѣ Османа-пашу, котораго увезли въ Плевну. Желая поскорѣе увидѣть человѣка, который такъ долго заставилъ насъ томиться въ бездѣйствіи и такъ искусно отражалъ наши штурмы, Великій Князь поспѣшилъ обратно въ городъ.

Вездѣ за главнокомандующимъ слѣдовала Его коляска; лейбъ кучеръ Константинъ замѣчательно ловко всюду проѣзжалъ и рѣдко отставалъ отъ свиты. Къ моему удивленію и теперь я услышалъ: «поберегись, поберегись, братцы». Это Константинъ пробирался на четверкѣ между турецкими обозами. Только русскій кучеръ способенъ проѣхать по такимъ мѣстамъ!

На полпути до Плевны нагнали мы Османа, котораго везли въ коляскѣ подъ конвоемъ. Паша былъ средняго роста, смуглый, коренастый турокъ, съ типичнымъ лицомъ; несмотря на раненую ногу, онъ привсталъ и отдалъ Великому Князю честь, приложивъ по-восточному руку къ груди и ко лбу. Главнокомандующій протянулъ ему руку, освѣдомился, куда онъ раненъ, и нѣсколько минутъ ми-

лостиво съ нимъ разговаривалъ. Затѣмъ мы тронулись далѣе, вскорѣ повстрѣчали князя Карла со свитой и вторично проѣхали черезъ Плевну. Стало смеркаться. Великій Князь выѣхалъ снова на Кришинскія высоты и затѣмъ вернулся въ Боготъ по Ловченскому шоссе, когда уже совершенно стемнѣло.

Пришелъ конецъ Плевненскому сидѣнію; у всѣхъ было ощущеніе, какъ будто камень спалъ съ плечъ, настроеніе духа было совершенно праздничное, всѣ другъ друга поздравляли.

Въ теченіе цѣлаго дня мы не имѣли маковой росинки во рту и потому набросились въ главной квартирѣ на ужинъ, который затянулся долѣе обыкновеннаго, разговоръ лился рѣкой: всѣмъ было весело и отрадно. Паденіе Плевны было началомъ конца кампаніи — это чувствовалось каждымъ изъ насъ. Теперь перевалимъ черезъ Балканы, затѣмъ скоро Адріанополь и Босфоръ, а тамъ ужъ и миръ! Вдругъ всѣмъ захотѣлось домой; 8 мѣсяцевъ лишеній, повидимому, охладили нашъ воинственный пылъ.

На слѣдующій день на мѣстѣ ставки Османа-паши было совершено торжественное молебствіе, передъ которымъ Государь поздравилъ главнокомандующаго съ побѣдой и собственноручно возложилъ на Него ленту Св. Георгія 1-ой степени. Генералъ-адъютантъ Тотлебенъ и начальникъ штаба дѣйствующей арміи генералъ-адъютантъ

Непокойчицкій удостоились получить орденъ Св. Георгія 2-ой степени; затѣмъ были награждены и нѣкоторые другіе генералы, а Дерфельденъ былъ поздравленъ флигель-адъютантомъ. Послѣ благодарственнаго молебна была совершена панихида и, когда придворный протодіаконъ провозгласилъ: «вѣчную память православнымъ воинамъ за Вѣру, Царя и Отечество на брани животъ свой положившимъ», то почти у каждаго блеснула слеза. Это моленіе было какъ нельзя болѣе къ мѣсту, на томъ редутѣ, который въ теченіи почти четырехъ мѣсяцевъ посылалъ смерть въ ряды нашихъ воиновъ.

Есть пословица: «кто въ морѣ не бывалъ, тотъ Богу досыта не маливался», но можно сказать: «кто на войнѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался». Надо быть черезъ чуръ убѣжденнымъ атеистомъ, чтобы обойтись безъ вѣры, когда каждый день рискуешь, быть можетъ, разстаться съ жизнью. Когда наши войска ходили на штурмъ, то передъ началомъ боя, всегда была команда: «на молитву, шапки долой!» и барабанщикъ читалъ: «Отче нашъ». Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ строго придерживался этого правила, и ни одинъ бой онъ не начиналъ безъ крестнаго знаменія. Во время провозглашенія многолѣтія Государю, изо всѣхъ орудій былъ сдѣланъ салютъ; но на этотъ разъ это были холостые выстрѣлы, которыхъ мы уже давно не слыхали.

Не буду описывать въѣзда Государя въ Плевну и пріема Османа-паши, такъ какъ это уже многими было разсказано и всѣмъ извѣстно. Я находился въ тотъ день въ свитѣ и потому былъ очевидцемъ этихъ интересныхъ минутъ.

Трофеи наши заключались въ 40,000 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 10 пашей и 2,128 штабъ и оберъ офицеровъ, 77 орудіяхъ, огромномъ количествѣ оружія, знаменъ, снарядовъ и патроновъ, но къ сожалѣнію провіанта почти не было. Всю эту массу плѣнныхъ надо было накормить, для чего обезоруженную армію разбили на партіи и прикомандировали для продовольствія къ разнымъ частямъ войскъ.

2-го декабря вся наша армія была сосредоточена на равнинѣ за р. Видомъ, и состоялся Высочайшій смотръ всѣмъ русско-румынскимъ войскамъ на самомъ мѣстѣ боя 28-го ноября. Войска собрано было такъ много, что церемоніальнаго марша не было, за то объѣздъ длился болѣе 3-хъ часовъ. Государь благодарилъ отдѣльно каждую часть и милостиво разговаривалъ со многими отличившимися офицерами и солдатами. Странно было видѣть подобный смотръ на недавнемъ полѣ сраженія, на которомъ еще валялись убитыя лошади, разбитые лафеты, масса патроновъ, амуниція и проч. Несмотря на всѣ усилія, оказалось невозможнымъ очистить поле, и этотъ безпорядокъ придавалъ всей картинѣ особенный, своеоб-

разный характеръ. На другой день, 3-го декабря, Государь отбылъ въ Рущукскій отрядъ къ Наслѣднику Цесаревичу, а оттуда въ Россію. Прощаясь съ войсками въ приказѣ, помѣченномъ отъ 5-го декабря 1877 года, Его Величество въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ благодарилъ всѣхъ отъ главнокомандующаго до послѣдняго рядоваго за вѣрную службу и призывалъ на войска Божіе благословеніе.

Османъ-паша былъ привезенъ въ Боготъ въ главную квартиру и помѣщенъ временно въ юртѣ, разбитой вблизи Великаго князя. 4-го декабря онъ былъ отправленъ въ Россію въ экипажѣ Краснаго Креста; его сопровождалъ адъютантъ Его Высочества капитанъ Бибиковъ. Вслѣдъ затѣмъ западная армія была расформирована; князь Карлъ уѣхалъ въ Румынію, а за нимъ отбылъ въ Россію и генералъ-адъютантъ Тотлебенъ.

Началось движеніе плевненскихъ войскъ къ Балканамъ.

Въ то время довольно сносная погода смѣнилась жестокими морозами, доходившими до 18°, и стала настоящая суровая, сѣверная зима.

Несчастные турецкіе солдаты, между которыми было много египтянъ и негровъ, стали умирать какъ мухи отъ холоду и голоду, такъ какъ, несмотря на всѣ принимаемыя мѣры, накормить досыта такую массу плѣнныхъ было совершенно невозможно.

Катаясь изъ любопытства по окрестностямъ Плевны, мнѣ случалось видѣть цѣлыя кучи замерзнувшихъ людей. Я помню, какъ съ однимъ товарищемъ мы подъѣхали къ группѣ турокъ, которые сидѣли у потухшаго костра на корточкахъ; ихъ позы были какія то неестественныя, мы подвинулись къ нимъ поближе и увидѣли, что это все мертвецы. Они, должно быть, грѣлись у огня, который затѣмъ потухъ, но уже никто изъ нихъ не имѣлъ силы его раздуть — морозъ ихъ сковалъ.

Не знаю, какой процентъ плѣнныхъ довели до Румыніи; но знаю только, что весь путь до Никополя былъ усѣянъ трупами отсталыхъ. Вотъ, эта ужасная картина и вдохновила Верещагина изобразить на полотнѣ жестокія послѣдствія войны!

Бой, сраженіе, — это интересно, увлекательно; нервы усиленно работаютъ и заставляютъ все забывать, но затѣмъ, послѣдствія этихъ военныхъ подвиговъ таковы, что невольно заставляютъ всякаго пофилософствовать. За что утрачено столько жизней? Неужели прогрессъ цивилизаціи не въ силахъ остановить всѣхъ этихъ ужасовъ войны, во имя человѣчества!

Не только турки терпѣли отъ морозовъ, но даже и наши солдатики. Были примѣры замерзанія цѣлаго транспорта больныхъ и раненыхъ.

Наша жизнь въ Боготѣ также была непривлекательна. Tente abri, въ которой жилъ мой

деньщикъ, занесло совсѣмъ снѣгомъ, и онъ залѣзалъ въ нее, какъ медвѣдь въ берлогу. Лошади стояли подъ дурными навѣсами, въ которыхъ продувало насквозь; корму иногда вовсе нельзя было достать, и мы кормили соломенными крышами. Мой Лордъ, несмотря на избалованность, прекрасно переносилъ всѣ эти невзгоды. Между солдатами и болгарами стали свирѣпствовать тифъ, оспа и т. п. болѣзни. Не понимаю, какъ при всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ я все-таки сталъ поправляться и окрѣпъ уже настолько, что сталъ помышлять о командировкѣ. Не могу приписать свое выздоровленіе лѣкарствамъ и медицинскому уходу; правда, я привезъ съ собой изъ Петербурга довольно много хинина, котораго ежедневно принималъ отъ 10—20 гранъ, что впослѣдствіи на нѣсколько лѣтъ оставило слѣды на моемъ организмѣ.

Бывало придешь къ почтенному лейбъ-медику Великаго Князя А. Л. О.

«Александръ Леонтьевичъ, дайте лѣкарства: мнѣ что-то сегодня хуже».

«Какое я вамъ дамъ лѣкарство? Развѣ можно лѣчить при такой обстановкѣ? Уѣзжайте отсюда и поживите, какъ люди живутъ, такъ поправитесь. Тутъ не только больной, но и здоровый околѣетъ. Всѣ здѣсь умремъ!» отвѣчалъ добрѣйшій докторъ, который, при самомъ отзывчивомъ и добромъ сердцѣ, напускалъ на себя всегда какую-

то ворчливость, не вводившую однако никого въ заблужденіе.

Мы иногда даже школьничали и нарочно ходили надоѣдать Александру Леонтьевичу, чтобы получить этотъ успокоительный отвѣтъ.

Пища наша была также очень плоха, да и требовать лучшей было невозможно. Обѣдали мы всегда въ палаткѣ, иногда при 18° морозу; кушанье готовилось на таганѣ подъ открытымъ небомъ; понятно, что и подавалось все холоднымъ, и, такъ какъ жарили на бараньемъ салѣ, то отъ всякаго кушанья былъ такой непривлекательный запахъ, что только сильный голодъ могъ заставить насъ ѣсть. Раньше бывало, еле добредешь до обѣденной палатки, утопая въ липкой грязи и рискуя на каждомъ шагу вытащить ногу безъ сапога, и получаешь тепловатую пищу; а теперь вязли въ снѣгу и никогда ничего горячаго не видали: «послѣдняя горше первая!»

Мнѣ удалось достать довольно большой запасъ чаю и сахару, и это служило нашимъ главнымъ питаніемъ. Въ то время мы, 4 ординарца, жили въ одной болгарской мазанкѣ, занимая одну комнату, а рядомъ жило человѣкъ 20 болгаръ; каждая дворницкая сторожка, въ сравненіи съ этимъ жилищемъ, показалась бы дворцемъ. Дежурили мы при Великомъ Князѣ въ полушубкѣ, въ валенкахъ, съ кавказской шашкой черезъ плечо; только по бѣлой фуражкѣ можно было узнать,

что я кавалергардскій офицеръ. Главнокомандующій жилъ въ киргизской войлочной юртѣ, въ которой поставили маленькую желѣзную печь. Рядомъ съ юртой была разбита холщевая палатка, которая служила входомъ въ помѣщеніе Его Высочества; здѣсь проводили дежурные ординарцы сутки. Ночью намъ приносили соломы, и въ этомъ заключался весь комфортъ. Не скажу, чтобы это было удобно: мнѣ случилось однажды на дежурствѣ, ночью, въ метель отморозить себѣ ногу.

Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали, когда-то кончится томительное пребываніе въ Боготѣ.

Наконецъ, было получено донесеніе отъ ген. Гурко, что онъ начинаетъ наступательное движеніе. Великій Князь проводилъ почти дни и ночи на походной телеграфной станціи, ожидая извѣстій. Вскорѣ пришла телеграмма, что армія перешла Балканы и идетъ на Софію; а вслѣдъ затѣмъ прибылъ отъ ген. Гурко въ Боготъ Н. В. Клайгельсъ съ отбитыми турецкими знаменами и подробнымъ донесеніемъ. Съ этимъ пріятнымъ извѣстіемъ Н. В. былъ отправленъ немедленно къ Государю въ Петербургъ. Трудно приходилось нашимъ войскамъ, расположеннымъ на Шипкѣ; хотя полушубки и были подвезены, но всетаки солдаты весьма страдали отъ стужи, и надо было торопиться движеніемъ впередъ, иначе мы могли потерять безъ боя большую часть арміи.

Послѣ занятія Софіи 18-го декабря ген. Вельяминовымъ, ген. Гурко долженъ былъ повернуть на востокъ и итти по направленію къ Татаръ-Базарджику, ген. Карцевъ 22-го декабря перейти черезъ Трояновъ перевалъ на Карлово, ген. Скобелевъ 2-ой перевалить черезъ горы у Иметли, а князь Святополкъ-Мирскій — у Хайнкіойя. Эти два послѣдніе отряда должны были обойти оба фланга арміи Вессель-паши, осаждавшей наши Шипкинскія позиціи, и одновременно атаковать турокъ. Планъ перехода черезъ Балканы въ означенномъ порядкѣ принадлежалъ лично главнокомандующему; на моемъ дежурствѣ Великій Князь диктовалъ эти распоряженія Своему адъютанту полковнику Д. А. Скалону.

ГЛАВА XI.

Выступленіе изъ Богота.—Ловча.—Габрово.—Казанлыкъ.

Наконецъ, 24-го декабря, въ Сочельникъ, вся главная квартира оживилась: было назначено выступленіе изъ Богота. Безъ сожалѣнія покинули мы наше пепелище, въ которомъ мнѣ лично пришлось прожить безвыѣздно болѣе двухъ мѣсяцевъ. Въ Рождество мы были уже въ Ловчѣ. Этотъ городъ, расположенный въ котловинѣ, на берегахъ рѣки Осьмы, представлялъ отличную позицію для обороны; редуты, построенные турками, были довольно серьезной профили, и съ нихъ можно было прекрасно обстрѣливать наступающія войска. Вотъ, почему такъ дорого досталась намъ Ловча 22-го августа. Во время этого боя, кавказской бригадѣ и эскадрону собственнаго Его Величества конвоя пришлось преслѣдовать бѣгущаго непріятеля. Это чисто кавалерійское дѣло было выполнено блистательно: казаки пору-

били шашками массу турокъ, чему способствовала ровная мѣстность, давшая возможность кавалеріи гнаться за врагомъ на довольно значительномъ протяженіи.

На другой день мы выступили въ Сельви, гдѣ получили извѣстіе о побѣдѣ при Шипкѣ и о плѣненіи всей арміи Вессель-паши. Великій Князь немедленно съ начальникомъ штаба и дежурствомъ уѣхалъ въ Габрово и Казанлыкъ, а главной квартирѣ было предписано итти въ Габрово и тамъ ждать приказаній.

Этотъ новый успѣхъ еще болѣе укрѣпилъ во всѣхъ увѣренность, что вскорѣ конецъ кампаніи. Трофеи наши были громадны: около 25,000 плѣнныхъ, масса знаменъ, орудій, снарядовъ, ружей и патроновъ. Реуфъ-пашѣ удалось бѣжать, но Вессель-паша попался въ плѣнъ.

Какъ я уже говорилъ, отряды кн. Святополкъ-Мирскаго и ген. Скобелева 2-го должны были одновременно зайти въ тылъ и во флангъ турецкой арміи, расположенной на Шипкинскихъ высотахъ, но это движеніе, къ сожалѣнію, не было выполнено такъ, какъ предполагалось. Колонна кн. Мирскаго спустилась въ назначенный по диспозиціи срокъ, атаковала турокъ, но была почти разбита непріятелемъ, такъ какъ отрядъ ген. Скобелева ее своевременно не поддержалъ. Ген. Радецкій получилъ такія тревожныя донесенія отъ кн. Мирскаго, что былъ принужденъ вылѣзти изъ Шипкинскихъ

траншей и по поясъ въ снѣгу атаковать турокъ, чтобы отвлечь ихъ отъ нашего Хайнкіойскаго отряда. Подобное движеніе, понятно, не могло имѣть успѣха, и мы потеряли много людей, которыхъ турки разстрѣливали, какъ живыя мишени, затонувшія въ снѣгу. Въ эту минуту, когда дѣло уже было почти проиграно, съ распущенными знаменами и музыкой появился отрядъ ген. Скобелева и рѣшилъ участь боя. Многіе обвиняли Михаила Дмитріевича за то, что онъ почти на сутки запоздалъ прійти на выручку кн. Мирскаго; не рѣшаюсь судить, справедливо ли это или нѣтъ, но я слышалъ отъ офицеровъ 14-ой пѣхотн. дивизіи, которымъ пришлось атаковать турокъ, утопая въ снѣгу, весьма рѣзкія сужденія по этому поводу.

Въ Габровѣ нашли мы большое оживленіе. Этотъ городъ расположенъ у подножія Балканъ, въ долинѣ рѣки Янтры. Съ южной стороны находятся Шипкинскія Балканы, а съ сѣверной — довольно значительная безлѣсная возвышенность. Для облегченія караульной службы, на эту гору согнали всю непріятельскую обезоруженную армію и оцѣпили ее часовыми; причемъ плѣнныхъ разбили на команды, которыя, для соблюденія въ нихъ порядка, были поручены турецкимъ же офицерамъ и унтеръ-офицерамъ.

Продовольствовать эту массу голоднаго народу было крайне трудно; приходилось разрѣ-

шать командамъ ходить по очереди въ Габрово и самимъ покупать провіантъ.

Странно было видѣть толпу рослыхъ турокъ подъ конвоемъ 4 — 5 маленькихъ армейскихъ солдатъ; но непріятель, очевидно, былъ радъ, что наконецъ кончились его мученія, и никакихъ попытокъ къ бѣгству не было.

Въ городѣ, на базарѣ шли оживленные разговоры; наши солдатики весьма дружелюбно болтали съ недавнимъ врагомъ, слышался смѣхъ, остроты; войны какъ будто никогда и не бывало, — это удивительная, характерная черта русскаго солдата.

Посреди улицы собралась кучка и объ чемъ-то весело болтала.

«Вотъ, твой султанъ тебя безъ сапогъ оставилъ», хвастаетъ нашъ солдатикъ рослому негру, который въ башмакахъ на босу ногу стоитъ передъ нимъ, ёжится отъ холоду, но тѣмъ не менѣе осклабляется, показывая при этомъ два ряда бѣлыхъ огромныхъ зубовъ, и старается понять, что ему говорятъ.

«А вотъ, нашъ Царь Александръ Николаевичъ такъ — «хубово» (по болгарски — хорошо), вишь ты, я въ сапогахъ», продолжаетъ словоохотливый солдатикъ, полагая, что если онъ сказалъ одно болгарское слово, то этого совершенно достаточно, чтобы его турокъ понялъ.

И, дѣйствительно, трудно себѣ объяснить, какъ они другъ друга понимали, но только разговоръ

между побѣдителями и плѣнными не умолкалъ. Настоящіе турки держали себя съ большимъ достоинствомъ; я наткнулся только на одну сцену, которая напоминала о томъ, что мы всетаки имѣемъ дѣло съ фанатиками. Послышались голоса: «посторонись, посторонись», толпа разступилась, и передъ моими глазами появилась группа солдатъ съ ружьями на перевѣсъ. Въ серединѣ, между ними, шелъ съ налитыми кровью глазами огромный негръ; онъ какъ тигръ бросался на людей. Его сдерживали только штыками и заставляли итти впередъ.

«Куда это вы его ведете?» обратился къ нимъ одинъ изъ моихъ товарищей.

«Въ комендантское управленіе, ваше в-діе», отвѣчалъ старшій: «да вотъ, бунтуетъ ужасно, совсѣмъ осатанѣлъ».

Вскорѣ встрѣтили мы снова этихъ конвойныхъ, которые «ружья вольно» возвращались обратно.

«Ну, что же вы съ нимъ тамъ сдѣлали? Довели его?» обратились мы къ нимъ.

«Такъ точно, ваше в-діе. Только съ нимъ сладу не было, все на людей бросался, такъ его прикончили», самымъ хладнокровнымъ образомъ отвѣчали солдатики.

И это были тѣ же люди, которые черезъ минуту добродушно братаются съ врагомъ.

Надо сказать, что мы имѣли столъ у Великаго Князя во время долгаго пребыванія на одномъ

мѣстѣ; но на походѣ, когда кухня не могла поспѣть за главной квартирой, вывѣшивалось объявленіе: «Гг. адъютанты и ординарцы довольствуются по усмотрѣнію». Это значило: «дѣлай какъ знаешь, но кормить тебя не будутъ». Подобное объявленіе нашли мы и въ Габровѣ, когда голодные пришли въ расположеніе главной квартиры. Надо было искать пропитаніе. Нашли мы какой то кабакъ, который былъ биткомъ набитъ офицерствомъ, еле добились чего-нибудь поѣсть, но тѣмъ не менѣе довольно долго засидѣлись и даже встрѣтили тамъ Новый годъ.

Мы съ минуты на минуту ждали приказанія главнокомандующаго прибыть въ Казанлыкъ и, дѣйствительно, 1-го января получили предписаніе немедленно же выступить изъ Габрова. Фургонъ нашъ мы, понятно, бросили, а сами съ деньщиками и вьюками поспѣшили къ Великому Князю.

Мы выѣхали изъ города около 4-хъ часовъ по-полудни и къ ночи добрались до Св. Николая. Тѣ три версты, которыя пришлось мнѣ проѣзжать подъ выстрѣлами въ августѣ мѣсяцѣ, я почти не узналъ: вся дорога уже была прикрыта насыпями и блиндажами. Погода была хотя холодная, но хорошая; мы ѣхали очень легко, и этотъ подъемъ напомнилъ мнѣ мое путешествіе верхомъ по Швейцаріи. За то наверху горы стало страшно скользко, и крѣпко морозило.

Надо замѣтить, что южный скатъ Балканъ

гораздо круче сѣвернаго, орудія и повозки приходилось спускать на канатахъ, затормозивъ всѣ колеса, и потому шоссе обратилось совершенно въ ледяныя горы. Верхомъ спуститься было невозможно, мы слѣзли съ лошадей и повели ихъ въ поводу. Но не долго я прошелъ пѣшкомъ; вскорѣ я поскользнулся и полетѣлъ подъ гору, сидя какъ на салазкахъ, но при этомъ бросилъ поводъ Лорду, который итти уже не могъ, а скользилъ, въ свою очередь, испуганно насторожив уши. За собой я увидѣлъ деньщика, который также не могъ удержаться на ногахъ и катился на корточкахъ, не выпуская однако изъ рукъ обѣихъ лошадей. Боясь быть ушибленнымъ конемъ, я сталъ помогать себѣ руками и ногами и быстро полетѣлъ внизъ. Вскорѣ, къ моему удовольствію, я очутился въ объятіяхъ какихъ-то солдатиковъ, которые вслѣдъ затѣмъ остановили Лорда, а потомъ и деньщика съ двумя остальными лошадьми. Эти люди были, какъ оказалось, разставлены нарочно, чтобы принимать подобныхъ намъ пассажировъ и переправлять ихъ далѣе. На каждомъ почти поворотѣ повторялась та-же исторія.

Это было бы, пожалуй, забавно, еслибъ облака не заволокли луны и не мѣшали ей освѣщать дорогу: приходилось летѣть въ совершенной темнотѣ. Мнѣ припомнилось, какъ я однажды гдѣ то близъ Зальцбурга спускался такимъ же образомъ

въ соляныхъ копяхъ изъ шахты въ шахту, съ тою только разницею, что въ настоящемъ случаѣ я летѣлъ въ неизвѣстное пространство.

Мы благополучно прибыли къ подножію горъ и уже поздно ночью добрались до Казанлыка.

Я былъ увѣренъ, что насъ вызвали не даромъ, что немедленно пошлютъ куда нибудь въ отряды, и потому постарался пріютить и накормить своихъ усталыхъ лошадей.

ГЛАВА XII.

Изъ Казанлыка въ Филиппополь.

Рано утромъ 3-го января позвали меня къ главнокомандующему.

«Съ 27-го декабря я не имѣю извѣстій отъ ген. Гурко», сказалъ мнѣ Великій Князь: «поѣзжай къ нему, онъ двигается отъ Софіи на Татаръ-Базарджикъ, поздравь его съ производствомъ въ генералы отъ кавалеріи, и передай, чтобъ онъ торопился итти на Филиппополь, а что я форсированнымъ маршемъ пойду на Херманли и надѣюсь отрѣзать отступленіе арміи Сулеймана-паши на Адріанополь. Пойди къ Левицкому, онъ тебѣ передастъ бумаги и укажетъ, какъ лучше ѣхать».

Я велѣлъ немедленно сѣдлать и поспѣшилъ явиться къ генералу Левицкому.

«Если вы отправитесь на Габрово, Ловчу и Орханіе», сказалъ мнѣ генералъ, «то вы проѣдете очень долго. Я вамъ совѣтую воспользоваться южнымъ скатомъ Балканъ, двинуться на Калоферъ,

войти въ связь съ разъѣздами колонны генерала Карцева, который спустился черезъ Трояновъ перевалъ, и затѣмъ уже пробираться далѣе къ ген. Гурко: онъ долженъ быть недалеко отъ Татаръ-Базарджика. Впрочемъ, дѣлайте, какъ хотите. Сколько вамъ дать казаковъ?»

Я посмотрѣлъ на карту и рѣшилъ, что, дѣйствительно, выгоднѣе ѣхать на Калоферъ, такъ какъ туда вело шоссе, по которому можно было оріентироваться; объѣзжать кругомъ взяло бы у меня дня четыре или пять, а въ это время много бы утекло воды.

Я попросилъ дать мнѣ двухъ доброконныхъ казаковъ и часа въ 4 дня съ деньщикомъ и вьючною лошадью пустился въ путь.

Была чудная погода. На фруктовыхъ деревьяхъ уже были почки; чувствовалась въ воздухѣ ранняя южная весна. Я ѣхалъ бойко, желая скорѣе добраться до Калофера, вблизи котораго надѣялся встрѣтить разъѣзды генерала Карцева, а затѣмъ уже слѣдовать далѣе вмѣстѣ съ ними.

Прекрасное шоссе вело все время долиною рѣки Тунджи; направо и впереди грозно рисовались Балканы, а налѣво вдали виднѣлись отроги Малыхъ Балканъ. Въ сторонѣ отъ дороги я видѣлъ нѣсколько деревень, но ни черезъ одну изъ нихъ не пришлось мнѣ проѣзжать вплоть до Малко Села, небольшой деревни у самаго подножія Калоферскаго Балкана.

Здѣсь я рѣшилъ передохнуть съ полчаса и поискать, нѣтъ ли проводника, который въ случаѣ надобности могъ бы провести меня горными тропинками. Мы поѣхали осмотрѣть деревню, которая оказалась совершенно пустою. Кто были ея прежніе обитатели? Мирные ли братушки или же турки, которые, узнавъ о плѣненіи арміи Вессель-паши, поспѣшили удалиться, боясь наказанія за всѣ злодѣйства, совершенныя надъ болгарами послѣ перваго набѣга генерала Гурко за Балканы?

Наконецъ, въ одной изъ хатъ мы увидѣли свѣтъ, крайне тому обрадовались и поспѣшили къ ней подъѣхать. Я велѣлъ вѣстовому постучаться, но вмѣсто отвѣта огонь потухъ. Мы принялись выламывать дверь, которая скоро подалась, и передъ нами предстали фигуры двухъ испуганныхъ братушекъ. Они, какъ оказалось, сами только что прибыли на свое прежнее пепелище, покинутое ими еще въ іюлѣ, и не разобрали въ темнотѣ, кто мы такіе: русскіе или турки. Между ними нашелся проводникъ; но ни осла, ни лошади у него не было, и ему пришлось итти пѣшкомъ. Дѣлать было нечего: лучше пѣшій, чѣмъ никого.

Луна уже взошла; начало морозить, когда мы выѣхали изъ Малко Села. Проводникъ произвелъ на насъ самое скверное впечатлѣніе: онъ былъ безъ носу. Гдѣ и какъ онъ его потерялъ,—я не освѣдомлялся, но эта отвратительная рожа при лунномъ освѣщеніи была поразительно похожа на

вѣдьму. Братушки сообщили намъ, что нигдѣ русскихъ войскъ не видали, но слышали орудійные выстрѣлы въ сторонѣ Траяна. Мы шагомъ двигались впередъ; по сторонамъ шоссе тянулись поля, которыя смѣнялись фруктовыми садами. Тишина была полная, казалось, что не только люди, но и все живое бѣжало изъ этой опустошенной мѣстности. Вдругъ, направо, шагахъ въ 200-хъ, завидѣли мы мышкующую лисицу.

«Не къ добру это», услышалъ я за собой разговоръ моего деньщика съ вѣстовыми; люди на меня очень косились: они, очевидно, желали, чтобы я остался переночевать въ деревнѣ, а не ѣхалъ ночью дальше въ горы. Я же дѣлалъ это изъ принятой снаровки ѣхать по незнакомой и опасной мѣстности именно ночью, особенно, если былъ проводникъ. Турки не любили разъѣзжать по ночамъ, и потому я находилъ, что подобное движеніе въ темнотѣ самое благоразумное.

Вскорѣ шоссе стало подниматься изгибами въ гору; мѣстность была замѣчательно красива: направо высился Калоферскій Балканъ, налѣво, внизу ревѣла бурнымъ потокомъ Тунджа, которая здѣсь прорыла себѣ путь въ долину. Вездѣ былъ снѣгъ, и только къ югу чернѣли голыя верхушки скалъ, согрѣтыя за день лучами весенняго солнца. Рѣка эта, повидимому, никогда не замерзаетъ, благодаря своему страшно быстрому теченію; она пѣнилась межъ камней, и серебряныя брызги сли-

вались съ яркою бѣлизной снѣга. Кругомъ все было дико, глухо, и эта дивная картина освѣщалась луною, которая ярко блестѣла на морозѣ и придавала всей окружающей мѣстности какой-то фантастическій колоритъ.

Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ становилось холоднѣе, и ѣхать по застывшему шоссе было невозможно скользко. Мы еле-еле поспѣвали шагомъ за проводникомъ, который, къ нашему удивленію, очень мало скользилъ: онъ, повидимому, былъ настоящій горецъ. На подошвѣ его лаптей была привязана желѣзная полоса, въ видѣ креста, что-то среднее между конькомъ и полозомъ. Я только теперь замѣтилъ у него это остроумное приспособленіе, чтобъ подыматься по гололедицѣ въ гору. Еслибы онъ былъ верхомъ на ослѣ, то значительно замедлилъ бы наше движеніе, такъ какъ часто бы отъ насъ отставалъ.

Наконецъ, ровно въ полночь достигли мы Калофера. Этотъ, еще недавно цвѣтущій, городъ былъ весь въ развалинахъ; въ немъ, какъ говорится въ Св. Писаніи, не оставалось камня на камнѣ. Скверно было ѣхать по пустыннымъ улицамъ, гдѣ не только человѣческой души, но даже и собаки не было: все какъ будто вымерло. Вотъ развалины церкви, далѣе какая-то площадь... и все пусто, все безмолвно. Только топотъ нашихъ коней нарушалъ эту страшную тишину, и звонко раздавались удары подковъ по мерзлой дорогѣ.

Обстановка была настоль таинственна и жутка, что я даже забылъ о непріятелѣ. Безносый проводникъ, какъ будто нарочно, привелъ насъ въ такое мѣсто, чтобъ показать всю тщетность мірской суеты.

Дѣло въ томъ, что во время перваго набѣга генерала Гурко за Балканы, болгары были увѣрены, что мы скоро займемъ Константинополь, возмутились, вырѣзали въ Калоферѣ все турецкое населеніе и разграбили ихъ дома. Вслѣдъ затѣмъ, когда генералъ долженъ былъ отступить, то турки заняли снова этотъ городъ и, въ свою очередь, вырѣзали всѣхъ болгаръ и раззорили ихъ жилища: «око за око!»

Когда мы проѣхали черезъ эти развалины, передъ нами открылась дивная панорама долины р. Хіопса, окруженной со всѣхъ сторонъ горами. Надо замѣтить, что Калоферскій Балканъ — самая красивая и суровая часть этого горнаго хребта. Но некогда было восхищаться красотами природы. Шоссе поворачивало налѣво внизъ; проводникъ утомился, шелъ весьма медленно и тормозилъ наше движеніе. Я рѣшилъ его бросить, такъ какъ впередъ было видно на много верстъ, и поѣхалъ далѣе подъ гору. Холодъ сталъ настолько силенъ, что я чувствовалъ его сквозь бурку и полушубокъ; было по крайней мѣрѣ градусовъ 17 мороза. Несмотря на ужасную гололедицу, мы довольно быстро спустились въ долину и рысью

двинулись по дорогѣ. Вскорѣ намъ стали попадаться мертвыя тѣла, одѣтыя въ синія куртки; это, вѣроятно, были раненые турецкіе солдаты, которые бѣжали отъ отряда ген. Карцева, занявшаго Траянъ. Смерть сразила ихъ на пути. Почти всѣ лежали головами на югъ; они, очевидно бѣжали и ползли, пока хватало силъ, опасаясь попасться въ плѣнъ, а затѣмъ такъ и застыли на морозѣ.

Въ верстахъ 5-ти отъ подножія горъ виднѣлось селеніе, къ которому подъ угломъ тянулась еще какая-то дорога. Я остановился и при свѣтѣ фонаря, (который имѣлъ всегда съ собой во вьюкѣ), разсмотрѣлъ на картѣ, что это, должна быть деревня Лыджа Кіой. Крайне любопытно было знать, кѣмъ занято это селеніе. Налѣво и направо отъ шоссе тянулись рисовыя поля, — я, чтобы миновать деревню, попробовалъ пробраться по нимъ, но они оказались такими вязкими, что и думать было нечего ѣхать иначе, какъ по дорогѣ. Оставалось продолжать движеніе впередъ на авось, что мы и сдѣлали. Селеніе оказалось совершенно пустымъ, и мы на полныхъ рысяхъ его пролетѣли. Вскорѣ завидѣли мы снова деревню, которая, судя по картѣ, должна была быть Чукурлу, и на этотъ разъ кое-гдѣ свѣтились огоньки. Положеніе становилось серьезнымъ. Внимательно вглядываясь въ темноту, мы стали съ большою осторожностью шагомъ подвигаться къ деревнѣ и вскорѣ, къ

удивленію и общей радости, наткнулись на нашего солдатика часоваго. Никогда, кажется, я не былъ такъ радъ увидѣть сѣрую солдатскую шинель, какъ въ эту критическую минуту. На мое счастье, я нашелъ въ Чукурлу стрѣлковую роту, которая шла въ авангардѣ колонны ген. Карцева и заночевала въ этой деревнѣ.

Командиръ роты, къ сожалѣнію, не могъ дать мнѣ никакихъ свѣдѣній, гдѣ находится кавалерія ген. Карцева, но сообщилъ, что наканунѣ были слышны пушечные выстрѣлы немного западнѣе Филиппополя. Я почему-то вдругъ получилъ увѣренность, что это было приближеніе арміи генерала Гурко къ Филиппополю.

Кони мои утомились: я сдѣлалъ уже около 70 верстъ; впереди предстоялъ еще далекій путь, и при томъ надо было не попасться въ руки отступающимъ туркамъ, а потому я рѣшилъ заночевать въ Чукурлу, чтобы продолжать движеніе на разсвѣтѣ. Я забрался въ какую-то пустую болгарскую хату, разостлалъ на полу бурку и часа два отдохнулъ. Мой заботливый деньщикъ какимъ-то чутьемъ находилъ сѣно, онъ раздобылъ его и теперь, и наши проголодавшіеся кони съ жадностью набросились на кормъ. Поутру мы пустились далѣе. Хотя до Филиппополя оставалось болѣе 40 верстъ, но пушечные выстрѣлы доносились къ намъ довольно ясно.

Отъѣхавъ верстъ 15 или 20 отъ Чукурлу, мы

нагнали нашу пѣхотную часть—это была колонна графа Комаровскаго. Я подъѣхалъ къ нему, разсказалъ откуда и куда ѣду и спросилъ, не можетъ ли онъ мнѣ указать, гдѣ въ настоящее время находится генералъ Гурко. Графъ мнѣ объяснилъ, что его бригада не входитъ въ составъ Балканской арміи, а подчинена генералу Карцеву, что онъ не идетъ самъ на Филиппополь, но, согласно диспозиціи, сворачиваетъ вскорѣ къ востоку, на Чирпанъ.

«Я вамъ совѣтую ѣхать прямо на Филиппополь», прибавилъ онъ, «уже второй день въ той сторонѣ слышна канонада. Да вотъ, кстати захватите, пожалуйста, съ собой турецкаго парламентера съ двумя рядовыми, которыхъ мнѣ приказали туда препроводить. Въ моемъ распоряженіи кавалеристовъ нѣтъ, и мнѣ не съ кѣмъ ихъ отправить».

Я долженъ былъ на это согласиться, забралъ съ собой турокъ и рысью пустился далѣе. Мой отрядъ теперь значительно усилился и состоялъ изъ двухъ казаковъ, деньщика и трехъ турокъ. Парламентеръ, какъ оказалось, былъ медикъ, житель Филиппополя; онъ довольно сносно говорилъ по-французки и объяснилъ мнѣ, что попалъ въ армію совершенно случайно, противъ своей воли, и никакихъ воинственныхъ наклонностей не имѣетъ. Онъ жаловался мнѣ, что страшно усталъ, и умолялъ ѣхать шагомъ. Что дѣлать, я долженъ былъ

исполнить его просьбу, и это значительно меня задержало. Наконецъ, увидѣли мы Филиппополь и вскорѣ прибыли къ рѣкѣ Марицѣ, которая отдѣляетъ предмѣстья отъ самаго города. Мостъ былъ разрушенъ турками при отступленіи, и вездѣ вокругъ копошились наши солдатики, наскоро устраивая переходъ на козлахъ.

Оказалось, что ген. Гурко только что вступилъ въ городъ. Я прибылъ въ Филиппополь ровно въ 2 часа дня, т. е. черезъ 22 часа послѣ отъѣзда изъ Казанлыка, въ теченіе которыхъ сдѣлалъ болѣе 110-ти верстъ. При отправленіи я разсчитывалъ войти въ связь съ кавалеріей генерала Карцева и пробраться къ Татаръ-Базарджику, близъ котораго, по даннымъ мнѣ свѣдѣніямъ, долженъ былъ встрѣтить генерала Гурко, но на дѣлѣ никакихъ разъѣздовъ не встрѣтилъ. Мнѣ удалось, сверхъ всякаго чаянія, найти генерала въ Филиппополѣ, спустя два часа послѣ того, какъ онъ туда прибылъ; но онъ пришелъ съ запада, а я съ сѣвера.

Однако парламентеръ меня страшно связалъ. Я не могъ его оставить на произволъ судьбы, рѣшилъ спѣшиться, поручилъ конвойныхъ турокъ моему деньщику и самъ поспѣшилъ съ медикомъ въ городъ, по только что набросаннымъ черезъ рѣку мосткамъ. Не безъ труда нашелъ я квартиру генерала. Мой парламентеръ то и дѣло останавливался на пути разговаривать со знакомыми и,

очевидно, былъ въ восторгѣ вернуться благополучно домой. Я ему объявилъ, что за него отвѣчаю, что буду принужденъ принять строгія мѣры, если онъ будетъ отъ меня отставать, и радъ былъ довести его въ комендантское управленіе, куда не безъ труда и сдалъ. Наконецъ, явился я къ генералу Гурко.

«Какъ вы сюда попали?» обратился ко мнѣ генералъ, который отъ Ихтимана до Филиппополя шелъ форсированными маршами и крайне былъ удивленъ появленію ординарца главнокомандующаго.

Я отвѣчалъ, что пріѣхалъ случайно, на выстрѣлы, но что, собственно, я былъ отправленъ изъ Казанлыка на Татаръ-Базарджикъ; что Великій Князь давно уже не имѣлъ отъ него извѣстій и крайне интересуется тѣмъ, что дѣлается въ Балканской арміи. Затѣмъ, я передалъ ему поздравленіе съ производствомъ въ генералы отъ кавалеріи, сообщилъ о плѣненіи всей арміи Вессель-паши, о предполагаемомъ движеніи Великаго Князя на Адріанопольское шоссе, и испросилъ дальнѣйшихъ распоряженій.

«Останьтесь при мнѣ», отвѣтилъ генералъ: «я немедленно пошлю къ главнокомандующему моего ординарца ротмистра Скалона. Сколько у васъ конвоя? По какой дорогѣ вы ѣхали?»

Я отвѣчалъ, что всегда ѣзжу съ 2-мя вѣстовыми и слѣдовалъ черезъ Калоферъ.

Затѣмъ, я былъ отпущенъ, поспѣшилъ вернуться за моими лошадьми, довольно хорошо переправился въ бродъ черезъ р. Марицу и пріютился у знакомыхъ ординарцевъ генерала Гурко.

Здѣсь я услышалъ подробности лихого набѣга на Филиппополь капитана л.-гв. драгунскаго полка Бураго́, который наканунѣ ночью въѣхалъ съ своимъ эскадрономъ въ городъ и заставилъ начальствовавшихъ въ немъ пашей такъ поспѣшно обратиться въ бѣгство, что они даже оставили на столѣ только что поданный для нихъ ужинъ: это было какъ нельзя болѣе кстати проголодавшимся офицерамъ. Бураго́ въѣхалъ съ пѣсенниками впереди, такъ самоувѣренно и смѣло, что турки приняли его за авангардъ всей нашей арміи, а между тѣмъ это была лишь рекогносцировка.

Филиппополь очень красиво расположенъ на р. Марицѣ; къ сѣверу вплоть до Балканъ растилается плодородная равнина, а къ югу возвышаются отроги Малыхъ Балканъ. Узкія улицы имѣютъ крутые спуски, и по нимъ, во время гололедицы, ѣздить верхомъ довольно трудно. Здѣсь я убѣдился, что мой некованный на заднія ноги донецъ*) гораздо лучше шелъ по льду, чѣмъ другія кованныя лошади, при этомъ его замѣча-

*) Это былъ новый конь, пріобрѣтенный мною въ кавказской бригадѣ, еще въ Боготѣ, на смѣну бураго, котораго я бросилъ послѣ поѣздки 19 іюля въ Бѣлу съ донесеніемъ изъ подъ Плевны.

тельно крѣпкія копыта нисколько не пострадали отъ дальней ѣзды.

Наконецъ, 5-го января позвалъ меня генералъ Гурко и объявилъ, что на слѣдующій день я буду отправленъ къ Великому Князю.

6-го поутру я явился въ штабъ за бумагами, но мнѣ сказали, что раньше 2-хъ часовъ онѣ готовы не будутъ. Тогда я, не долго думая, велѣлъ деньщику съ однимъ вѣстовымъ и вьючною лошадью немедленно ѣхать въ Чукурлу и тамъ выкормить лошадей, чтобъ дать мнѣ возможность доѣхать до Великаго Князя, не отдыхая, на перемѣнной лошади.

Только въ 3-мъ часу позвали меня къ генералу.

«Доложите Великому Князю», обратился онъ ко мнѣ, «что армія Сулеймана-паши совершенно разсѣяна; намъ достались подъ Филиппополемъ съ бою 49 орудій и кромѣ того около 60-ти орудій, оставленныхъ непріятелемъ въ горахъ, захвачены кавалеріей генерала Скобелева 1-го; турки въ безпорядкѣ отступили за Деспото-Дагъ. Сегодня я разставляю почту на Эски-Загру, чтобы войти въ связь съ главной квартирой. Я нашелъ въ городѣ крайне незначительные склады провіанта, у булочниковъ муки хватитъ только на 4 дня. 4-го и 5-го января мы потеряли въ бою 4-хъ офицеровъ убитыми и 15 ранеными, въ томъ числѣ командиръ преображенскаго полка князь Н. Н. Оболенскій раненъ въ ногу, а полковникъ того же полка баронъ

Стрезовъ — смертельно. Литовскій полкъ болѣе другихъ пострадалъ, за то взялъ у непріятеля 23 орудія. 7-го января, если турки не помѣшаютъ, 2-ая гвардейская кавалерійская дивизія будетъ у Херманли. Ранѣе 10-го января не тронусь изъ Филиппополя, по случаю крайняго утомленія войскъ. Считаю движеніе колонны ген. Карцева на Чирпанъ неосновательнымъ. Доложите главнокомандующему, что я прошу прислать интендантскихъ чиновниковъ для устройства продовольственной части. Когда вы думаете быть въ Казанлыкѣ?»

«Завтра» — отвѣчалъ я.

«Нѣтъ, ужъ вы постарайтесь ранेнько доспѣть къ Великому Князю», добавилъ генералъ, отпуская меня.

Въ 4 часа дня получилъ я изъ штаба бумаги и пустился въ путь. По дорогѣ я долженъ былъ еще заѣхать къ раненому кн. Оболенскому, который просилъ меня отправить телеграмму и письмо женѣ въ Петербургъ. Многіе другіе офицеры надавали мнѣ также массу телеграммъ и писемъ въ Россію; я уѣхалъ, нагруженный, какъ настоящій почтарь, и только въ 5 часовъ пополудни выбрался наконецъ съ моимъ вѣстовымъ изъ города. Была тихая, теплая погода, я бойко поѣхалъ впередъ, разсчитывая въ Чукурлу пересѣсть на свѣжую лошадь и съ другимъ вѣстовымъ немедленно двинуться далѣе. На дорогѣ попадались мнѣ группы вооруженныхъ болгаръ, которые вѣроятно

собрались на мародерство, или просто искали своихъ бывшихъ угнетателей, желая, въ свою очередь, поживиться на ихъ счетъ.

Вскорѣ стемнѣло. Въ 9-мъ часу вечера я шелъ крупною рысью и вдругъ замѣтилъ впереди подъ мостомъ какихъ-то людей, которые отъ меня прятались. Были ли это мародеры братушки или бѣглые турки, кто ихъ знаетъ; объѣзжать было некуда, я ускорилъ ходу и благополучно проѣхалъ черезъ мостъ.

Во время войны мы какъ то легко относились къ подобнымъ путешествіямъ самъ-другъ съ вѣстовымъ, но теперь, когда прошло 12 лѣтъ, и я хладнокровно объ этомъ думаю, то положительно не понимаю, какъ все это сходило намъ благополучно съ рукъ. Солдатскій образокъ меня, должно быть, хранилъ.

Въ 10-мъ часу я прибылъ въ Чукурлу, сдѣлавъ 40 верстъ въ 4 часа съ небольшимъ, и, къ моему удовольствію, нашелъ тамъ Тычинскаго съ выкормленными и отдохнувшими лошадьми. Въ котелкѣ уже варилась курица съ рисомъ, которую проворный деньщикъ гдѣ-то раздобылъ. Я возилъ съ собой во вьюкахъ котелокъ, соль, сухари и рисъ, курицъ мы находили вездѣ, и поваръ мой угощалъ меня преисправно куринымъ бульономъ. Теперь я, быть можетъ, не сталъ бы ѣсть подобной похлебки, но тогда она казалась мнѣ твореніемъ самого Вателя.

На мое горе, заводная лошадь расковалась и потеряла подкову, а запасной не было, такъ какъ ее пришлось истратить въ Филиппополѣ. Это обстоятельство меня ужасно раздосадовало, пришлось передохнуть часокъ; тѣмъ временемъ я поужиналъ и даже минутъ на 15 успѣлъ заснуть. Затѣмъ я сѣлъ на моего стараго Донца, который пришелъ подъ деньщикомъ, взялъ другаго вѣстоваго и поспѣшилъ на Казанлыкъ; а Тычинскому велѣлъ отдохнуть и шагомъ добираться до главной квартиры.

Мы довольно бойко поѣхали и вскорѣ прибыли къ подножію Балканъ. Погода рѣзко перемѣнилась; вмѣсто чудной, теплой весенней погоды, съ которой я выѣхалъ изъ Филиппополя, стало снова морозить. Поднялся вѣтеръ, который прохватывалъ насквозь. Гололедица была страшная: мы еле поднимались по гладкой, какъ стекло, обледенѣвшей поверхности шоссе. Во время подъема я хотѣлъ дать лошадямъ вздохнуть, но не могъ простоять на мѣстѣ и пяти минутъ, боясь простудить лошадей: вѣтеръ буквально пронизывалъ до костей. Чтобы облегчить спину лошадямъ, я съ версту прошелъ пѣшкомъ, а затѣмъ опять верхомъ потянулся далѣе. Снова пришлось мнѣ проѣхать черезъ пустынный Калоферъ и увидѣть чудную картину ревущаго подъ ногами горнаго потока. Здѣсь я далъ отдохнуть лошадямъ минутъ десять и на разсвѣтѣ уже былъ въ виду

Малко Села. Лучи восходящаго солнца стали насъ немного согрѣвать; я далъ еще разъ пыхнуть конямъ и, помня приказаніе генерала Гурко доспѣть пораньше къ Великому Князю, наддалъ ходу и въ 9 часовъ утра былъ въ Казанлыкѣ, сдѣлавъ 110 верстъ въ 16 часовъ.

Немедленно явился я къ главнокомандующему, доложилъ, какъ и гдѣ нашелъ генерала Гурко, и передалъ буквально его слова.

«Въ которомъ же часу ты выѣхалъ изъ Филиппополя?» спросилъ меня Великій Князь.

Я отвѣчалъ, что въ 5 часовъ по-полудни.

«Не можетъ быть, это ужъ слишкомъ скоро», возразилъ главнокомандующій.

«Извольте, Ваше Высочество, справиться на пакетѣ штаба, на которомъ помѣченъ часъ, когда мнѣ его вручили», отвѣчалъ я.

«Ну, ловко же, дай я тебя поцѣлую», добавилъ Великій Князь: «пойди и разскажи объ этомъ начальнику штаба».

Дѣйствительно, по времени это самая быстрая моя поѣздка. Въ мирное время можно проѣхать и скорѣе, но при лучшихъ условіяхъ. Я выѣхалъ изъ Филиппополя въ растегнутомъ пальто, въ полную оттепель, переправлялся черезъ Балканы въ сильнѣйшую стужу, болѣе 15°, по страшной гололедицѣ, и тѣмъ не менѣе мой Донецъ пришелъ довольно свѣжо, а черезъ три дня опять уже былъ подъ вьюкомъ.

Вечеромъ того же дня прибылъ въ Казанлыкъ и Тычинскій. Этотъ человѣкъ, съ виду угрюмый и молчаливый, былъ замѣчательно расторопенъ, и я никогда не боялся, что онъ заблудится или отъ меня отстанетъ.

ГЛАВА XIII.

Адріанополь. — Заключеніе перемирія.

На другой день, по возвращеніи моемъ изъ Филиппополя, прибылъ изъ Петербурга Н. В. Клайгельсъ, привезъ мнѣ письма отъ родныхъ и массу новостей. Вотъ, уже десятый мѣсяцъ, какъ я разстался со своими, и мнѣ было крайне пріятно услышать отъ него, что дѣлается дома. Но не долго пришлось намъ отдыхать. Вскорѣ была получена телеграмма, что 9-го января Адріанополь занятъ ген. Струковымъ, который съ летучимъ отрядомъ шелъ впередъ форсированнымъ маршемъ. Одновременно съ этимъ извѣстіемъ прибыли въ Казанлыкъ Намыкъ-паша и Серверъ-паша, въ качествѣ парламентеровъ, просить Великаго Князя заключить перемиріе.

Главнокомандующій отвѣчалъ имъ, что можетъ согласиться только на миръ, испросивъ на то разрѣшеніе Государя, на перемиріе же не согласенъ. Не желая терять времени, Его Высочество велѣлъ

всѣмъ войскамъ быстрыми маршами двигаться впередъ; главная квартира получила предписаніе итти на Херманли. Не помню навѣрно, но, кажется, выступленіе наше изъ Казанлыка было назначено на 10-ое или 11-ое января.

Въ тотъ моментъ, когда мы уже садились верхомъ, вбѣгаетъ ко мнѣ Максимъ и заявляетъ, что кучеръ нашъ бѣжалъ, захвативъ между прочимъ съ собой на память револьверъ Клайгельса, сѣдло и кое-что изъ вещей. Меня страшно взорвалъ этотъ поступокъ болгарина; случилось то, что я предвидѣлъ, и въ самый неудобный для насъ моментъ. Но дѣлать было нечего; я велѣлъ уложить побольше платья и бѣлья во вьюки и предоставилъ Максиму распорядиться, какъ онъ хочетъ; я былъ увѣренъ, что невыносимый характеръ моего камердинера былъ одною изъ главныхъ причинъ побѣга нашего возницы, но отъ этого было не легче.

«Совѣтую тебѣ не отставать отъ обозовъ главной квартиры», сказалъ я Максиму, «а то тебя никто искать не будетъ, да корми хорошенько лошадей; если застрянешь одинъ по дорогѣ, тебя, пожалуй, еще ограбятъ или убьютъ».

Затѣмъ мы съ Клайгельсомъ сѣли на коней и уѣхали съ нашими деньщиками, оставивъ сконфуженнаго Максима на произволъ судьбы; иначе мы поступить не могли: кто же далъ бы намъ теперь человѣка, и притомъ это было прекраснымъ на-

казаніемъ за постоянное ворчаніе и сварливость старика.

Къ довершенію благополучія, на первомъ же ночлегѣ мы увидѣли знакомое объявленіе: «Гг. адъютанты и ординарцы довольствуются по усмотрѣнію». Это уже было совсѣмъ скверно, хуже чѣмъ въ командировкѣ. Тамъ ѣдешь одинъ, всегда найдешь и курицу и фуражъ, а здѣсь шла вся главная квартира и дивизіонъ казаковъ, которые высылали квартирьеровъ: поживиться уже было нечѣмъ.

Съ нами вмѣстѣ ѣхали и паши—парламентеры, которымъ Великій Князь предложилъ слѣдовать при главной квартирѣ, впредь до полученія отвѣта отъ Государя, на какихъ условіяхъ можетъ быть подписанъ миръ.

Когда имъ объявили о занятіи Адріанополя, то на глазахъ бѣднаго Намыка заблистали слезы:

«Maintenant tout est perdu! Nous sommes à votre merci», сказалъ онъ.

Вскорѣ прибыли мы въ Херманли, на станцію желѣзной дороги; Великому Князю составили поѣздъ, мы немедленно двинулись далѣе и 14-го января, около 2-хъ часовъ дня, прибыли въ Адріанополь, гдѣ Его Императорское Высочество былъ встрѣченъ ген. Гурко. Быстро выгрузили мы лошадей, сѣли верхомъ и послѣдовали за Великимъ Княземъ, который торжественно въѣхалъ во вторую столицу Турецкой Имперіи. При въѣздѣ

въ городъ были устроены тріумфальныя арки; депутація отъ жителей, съ духовенствомъ во главѣ, привѣтствовала главнокомандующаго. Не только болгары и греки, но даже турки весьма радушно насъ встрѣтили. Въ окнахъ висѣли ковры, шали— городъ принялъ совершенно праздничный видъ.

«Штабъ-ротмистръ Лярскій», подозвалъ меня ген. Гурко: «я слышалъ, что вы очень быстро доставили мое донесеніе Великому Князю въ Казанлыкъ».

«Такъ точно, ваше высокопревосходительство, я прибылъ къ главнокомандующему въ 10-мъ часу утра».

«Ну, это скоро, молодцемъ», добавилъ, обыкновенно не щедрый на похвалу, генералъ, протягивая мнѣ руку.

«Мы пріѣхали прямо въ конакъ, т. е. домъ губернатора. Это большое каменное двухъ-этажное зданіе съ высокими комнатами напоминаетъ наши провинціальныя присутственныя мѣста или дома Дворянства.

Намъ съ Клайгельсомъ отвели тутъ же грязную комнату, что-то въ родѣ архивной, въ которой почти всѣ стекла были выбиты, и двери не затворялись. Кто не желалъ воспользоватъся этимъ удобнымъ помѣщеніемъ, могъ искать себѣ квартиру на волѣ. Мы разсыпались по городу. Я съ товарищемъ княземъ П. С. Оболенскимъ набрелъ на какой-то трактиръ, который былъ пере-

полненъ офицерами всѣхъ родовъ оружія. Съ трудомъ добились мы чего-нибудь поѣсть и затѣмъ обратились къ греку-слугѣ, прося его указать, гдѣ бы могли переночевать. Услужливый грекосъ вызвался исполнить наше желаніе и привелъ насъ по узкимъ закоулкамъ въ какой-то домъ. Хозяйка, еврейка, приняла насъ съ большою предупредительностью и помѣстила въ комнатѣ, въ которой уже были два офицера: одинъ — телеграфистъ, а другой — чиновникъ военнаго вѣдомства.

Мы очень утомились за послѣдніе дни и потому немедленно завалились спать на какихъ-то жесткихъ скамейкахъ, носившихъ громкое названіе дивановъ.

Не успѣли мы заснуть, какъ послышался стукъ въ входную дверь, говоръ, хохотъ... Черезъ чуръ сообразительный проводникъ, оказалось, помѣстилъ насъ въ такой домъ, въ который мы вовсе не желали попасть. Несмотря на шумъ, который повторялся еще нѣсколько разъ, мы всетаки скоро захрапѣли. Но не долго суждено было намъ спокойно отдыхать. Ночью, слышимъ мы крики: «Gewalt! Gewalt!» Вбѣгаетъ наша хозяйка въ одномъ бѣлье, съ распущенными волосами и, коверкая слова, на всѣхъ европейскихъ языкахъ старается намъ что-то объяснить. Видя, что ея старанія напрасны, что мы всетаки ее не понимаемъ, она отдергиваетъ съ окна занавѣсъ... На темномъ фонѣ

ночи рѣзко выдѣлялось багровое зарево пожара. Слышался отдаленный шумъ суматохи и ружейная перекатная пальба... Живо вспомнилось 4-ое дѣйствіе изъ оперы «Гугеноты». Иллюзія была бы полная, если бы Валентина не была безобразна, какъ всѣ семь смертныхъ грѣховъ вмѣстѣ.

Однако, что же это значило? Не атакуютъ ли насъ турки? Мы всѣ четверо вскочили на ноги и стали обсуждать, что дѣлать. Въ незнакомомъ городѣ, версты за полторы отъ конака, гдѣ находился Великій Князь, мы врядъ ли и нашли бы ночью туда дорогу. Посовѣтовавшись между собой, мы рѣшили выгнать хозяйку изъ комнаты и продолжали спать до утра, а тамъ будетъ видно. Вотъ, что значитъ усталость и какая-то удивительная безпечность, которая является послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія на войнѣ.

На слѣдующій день мы узнали причину пожара и ружейной трескотни.

Л.-гв. московскій пѣхотный полкъ занялъ за городомъ оставленныя турками казармы, въ которыхъ всѣ окна были выбиты. Было довольно холодно, солдатики расположились въ обоихъ этажахъ и разложили огонь въ каминахъ, которые у турокъ устраиваются почти на полу. Отъ неосторожности полъ загорѣлся, люди въ безпорядкѣ бросились бѣжать и оставили массу патронташей и амуницію въ горящихъ залахъ. Патроны начали лопаться отъ жару и произвели ту страш-

ную трескотню, которую мы слышали ночью. Грохотъ увеличился еще отъ того, что на Востокѣ вообще принято возвѣщать о пожарѣ выстрѣлами: жители, увидѣвъ зарево, начали палить на улицахъ; а такъ какъ у всѣхъ почти оказались ружья заряженныя пулями, то подобные пожарные сигналы были небезопасны для проходящихъ, и многіе изъ любопытныхъ, которые бросились на улицу узнать, въ чемъ дѣло, поплатились за свою излишнюю любознательность.

Это могло бы случиться и съ нами, еслибы мы побѣжали ночью къ конаку, а потому принятое нами рѣшеніе, ждать до утра, оказалось самымъ благоразумнымъ.

Тѣмъ временемъ наши войска, не останавливаясь, двигались впередъ къ Константинополю. Главнокомандующій, несмотря на присутствіе парламентеровъ, торопился продвинуться какъ можно далѣе, пока не имѣлъ еще приказаній отъ Государя заключить миръ.

Здѣсь мы впервые столкнулись съ дипломатіей, этимъ новымъ врагомъ, который впослѣдствіи безъ боя отнялъ у насъ почти все взятое у непріятеля съ такими трудами и лишеніями. Пришло извѣстіе о появленіи англійскаго флота въ Мраморномъ морѣ, этого перваго акта ужасной траги-комедіи, которая кончилась Берлинскимъ договоромъ.

Появленіе просвѣщенныхъ мореплавателей ни

на минуту не остановило движенія нашихъ войскъ къ Константинополю. 16-ая пѣхотн. дивизія, подъ начальствомъ ген. Скобелева 2-го, продвинулась до Чорлу; Демотика была занята кавалерійскимъ разъѣздомъ, подъ командой поручика Миллера; а колонна генерала Чернозубова шла на Дюмурджинъ къ Эгейскому морю. Наконецъ пришло приказаніе остановиться и заключить перемиріе.

19-го января 1878 года перемиріе было подписано. Главнокомандующій вышелъ въ обѣденную залу, куда собралась вся главная квартира и почти всѣ начальники частей, громко объявилъ объ этомъ и поздравилъ съ окончаніемъ войны. Оглушительное ура покрыло слова Великаго Князя, музыка заиграла гимнъ. Воодушевленіе и восторгъ были всеобщіе, хотя всякому изъ насъ хотѣлось торжественно войти въ Константинополь; но радость, что кончились всѣ лишенія и тревоги, была, кажется, еще сильнѣе. Въ этотъ же вечеръ устроилась товарищеская попойка, которая приняла грандіозные размѣры. Не мало было выпито разнаго вина подъ звуки пѣсенъ терскихъ казаковъ Государева конвоя, и, какъ пишутъ въ офиціальныхъ рецензіяхъ, «дружеская бесѣда длилась далеко за полночь». Не грѣхъ было отвести душу послѣ столькихъ мѣсяцевъ строгой жизни, какую мы вели въ главной квартирѣ, свято выполняя приказъ Великаго Князя, данный намъ въ Кишиневѣ.

Надо сказать, что еще 15-го января мы съ Клайгельсомъ переѣхали въ прекрасный домъ, покинутый турками, бѣжавшими при приближенiи нашихъ войскъ. Это было очень хорошее, чистое, уютное помѣщенiе, гдѣ мы отлично устроились сами и размѣстили лошадей. Съ большимъ нетерпѣнiемъ ожидали мы фургонъ и наконецъ, къ нашему удовольствiю, услышали, что обозы главной квартиры пришли въ Адрiанополь. Мы пошли искать нашъ ковчегъ и наткнулись на слѣдующую картину. На улицѣ стоялъ фургонъ, запряженный заморенными лошадьми, и на облучкѣ, бросивъ возжи, сидѣлъ повязанный бѣлымъ платочкомъ Максимъ, въ ожиданiи, что его кто нибудь выручитъ и укажетъ, гдѣ его господа. У него была такая смѣшная, жалостная фигура, что мы даже не имѣли силъ его ругать, хотя лошади пришли въ ужасномъ видѣ: не кормленныя, еле живыя и безъ одной подковы. Мы велѣли ему ѣхать за собой, провели до нашего жилища и, въ сущности, благословляли судьбу, что онъ всетаки добрался до Адрiанополя.

Миръ долженъ былъ быть вскорѣ заключенъ, въ фургонѣ мы болѣе не нуждались, а потому поручили Максиму распродать весь нашъ перевозочный скарбъ и упряжныхъ лошадей.

Свободнаго времени было очень много. Мы почти каждый день бродили по городу, осматривали мечети; нѣсколько разъ я заходилъ на ба-

заръ, гдѣ купилъ себѣ хорошихъ восточныхъ ковровъ и даже лазалъ на минаретъ мечети «Султанъ Селимъ», откуда открывался дивный видъ на окрестности. Ѣздилъ также за городъ осматривать редуты, которые турки настроили, чтобъ встрѣтить насъ, какъ слѣдуетъ. Эти укрѣпленія были прекрасны, и, не поторопись главнокомандующій двигаться впередъ изъ Казанлыка форсированными маршами, а займись онъ дипломатическими переговорами съ Намыкъ-пашей — мы бы встрѣтили здѣсь, пожалуй, вторую Плевну.

Не мнѣ судить, что сдѣлала потомъ наша дипломатія, какую она извлекла пользу изо всѣхъ нашихъ побѣдъ; но не могу не констатировать факта, что мы шли впередъ вплоть до полученія приказанія изъ Петербурга остановиться.

Однако мы скоро осмотрѣли всѣ достопримѣчательности Адріанополя и стали скучать отъ бездѣйствія. Боевая жизнь, полная интереса, держала постоянно въ напряженіи наши нервы; за-то теперь наступила реакція, и намъ не на шутку захотѣлось домой.

Желая какъ-нибудь убить время, я принялъ предложеніе завѣдующаго награднымъ отдѣленіемъ полеваго штаба дѣйствующей арміи позаняться тамъ въ качествѣ волонтера, и, дѣйствительно, повозился съ наградными списками.

Въ главной квартирѣ было не мало спортсмэновъ; въ томъ числѣ — одинъ жандармскій пол-

ковникъ баронъ Г., довольно удачно охотившійся и часто поставлявшій для личнаго стола Великаго Князя дичь, которая составляла, конечно, большое лакомство. Иногда въ такихъ случаяхъ жаркое для Его Высочества готовилось въ Его юртѣ подъ наблюденіемъ покойнаго Д. И. Скобелева, который очень любилъ заниматься кулинарнымъ искуствомъ и, надо отдать ему справедливость, былъ замѣчательный знатокъ гастрономіи.

Черезъ барона Г. мы узнали, что въ окрестностяхъ Адріанополя, въ горахъ, прекрасная охота на оленей и кабановъ. Нашелся какой-то грекъ, который вызывался устроить облаву и отвѣчалъ за успѣхъ. Тогда мы обратились къ Великому Князю Николаю Николаевичу Младшему, просили его принять нашу затѣю подъ свое покровительство и исходатайствовать разрѣшеніе Великаго Князя отправиться на охоту. Согласіе главнокомандующаго воспослѣдовало, и мы дѣятельно принялись за приготовленія. Впередъ были высланы, подъ предводительствомъ барона Г. и грека-охотника, наши деньщики съ лошадьми и человѣкъ 20 казаковъ, которые должны были пройти 50 верстъ до охотничьяго дома какого-то паши, ожидать тамъ нашего пріѣзда и приготовить народъ для загона. Для Великаго Князя Николая Николаевича Младшаго со свитой, состоявшей изъ 8-ми офицеровъ, были приготовлены двѣ большія коляски четверками, и выслана была на половину дороги

подстава лошадей. Въ самую минуту отъѣзда всѣ наши предположенія чуть не рухнули.

Съ 19-го января, т. е. со дня заключенія перемирія, наши дипломаты вели нескончаемые переговоры съ уполномоченными пашами. Хитрые азіаты надѣялись на вмѣшательство Европы и замѣчательно ловко тянули дѣло, а тѣмъ временемъ укрѣпляли Константинополь. Видя, что это можетъ окончиться плохо, и не желая давать туркамъ возможности настроить редуты, которые пришлось бы потомъ брать силою, Великій Князь пошелъ на рѣшительный шагъ. Онъ изъявилъ Султану желаніе перевести главную квартиру дѣйствующей арміи къ Константинополю, чтобы быть ближе къ блистательной Портѣ и тѣмъ облегчить и ускорить переговоры. Не знаю, какъ было принято это предложеніе Султаномъ, но фактъ тотъ, что Великій Князь получилъ приглашеніе пріѣхать въ Санъ-Стефано со всей главной квартирой.

«Вы можете, ребята, ѣхать», объявилъ намъ Великій Князь, «но знайте, что послѣ завтра, рано утромъ, мы выступаемъ изъ Адріанополя, смотрите, не опоздайте вернуться».

Эти слова заставили насъ призадуматься; но все равно, наши деньщики уже отправились впередъ, жаль было пропустить случай хорошо поохотиться и мы рѣшили всетаки ѣхать.

9-го февраля, поутру, была чудная погода; солнце ярко свѣтило, еще лучше настраивая наше

и безъ того прекрасное расположеніе духа; въ двухъ колясках выѣхали мы изъ Адріанополя; хорошая дорога вела садами и обработанными полями, все было въ цвѣту. Весело болтая, незамѣтно добрались мы до подставы; перемѣнивъ лошадей, мы двинулись далѣе по такой же открытой и ровной мѣстности.

Да гдѣ же горы и лѣса? спрашивали мы другъ друга; вѣдь, тутъ не кабанамъ водиться, а куропаткамъ.

Наконецъ, завидѣли мы контуры холмовъ и въ сумерки только подъѣхали къ горамъ. Довольно узкая проселочная дорога извилинами подымалась по лѣсной чащѣ. Солнце уже давно сѣло, и наступила совершенная темнота. Вскорѣ появились мѣстные жители, арнауты, вооруженные съ ногъ до головы, которые желали привѣтствовать Великаго Князя и расположились потому шпалерами по обѣ стороны дороги. Красивыя, смуглыя лица, эффектные національные костюмы, кой-гдѣ разложенные въ лѣсу костры придавали весьма много оригинальности нашей поѣздкѣ. Наконецъ, еще черезъ часъ мы пріѣхали на поляну, гдѣ находился охотничій домъ, и нашли уже тамъ барона Г., казаковъ, нашихъ деньщиковъ и человѣкъ 700 вооруженныхъ жителей. Мы очутились въ 50 верстахъ слишкомъ отъ Адріанополя, въ мѣстности, гдѣ никогда русскихъ войскъ не бывало; населеніе въ этихъ горахъ мусульманское,

состоящее изъ арнаутовъ и помаковъ, т. е. отуречившихся, принявшихъ мусульманство, болгаръ.

Увидя всю эту толпу, вооруженную съ ногъ до головы, мы стали побаиваться за отвѣтственность, которую несли передъ главнокомандующимъ, увлекши Его Сына на охоту. Въ виду того, что весь отрядъ нашъ состоялъ только изъ 10 офицеровъ, 25 казаковъ и деньщиковъ, мы велѣли греку объявить народу, что никто изъ нихъ не можетъ участвовать на облавѣ вооруженный, и предложить имъ поутру сложить всю амуницію въ кучу. Сами же мы помѣстились на ночлегъ въ охотничьемъ домѣ, поставили часовыхъ съ заряженными ружьями и прилегли отдохнуть совершенно одѣтыми и готовыми вскочить по тревогѣ. Однако ночь прошла благополучно; чудное утро, перспектива хорошей охоты, чашка горячаго кофе заставили насъ мигомъ позабыть всѣ тревоги и опасенія.

Разговоры велись какъ дома, въ Россіи: какъ заводить людей, откуда нагонять и т. п. неизбѣжныя соображенія, безъ которыхъ не обходится ни одна облава. Мы кинули жребій, и мнѣ приходилось стоять слѣва отъ Великаго Князя.

Къ сожалѣнію, изъ 700 человѣкъ загонщиковъ осталось только человѣкъ 400, такъ какъ не всѣ согласились положить оружіе, обидѣлись и отказались участвовать въ облавѣ. Что дѣлать, надо

было удовольствоваться тѣми, которые остались на лицо.

Всѣ пошли пѣшкомъ по лѣсной тропинкѣ. Громадные дубы смѣнялись букомъ, а затѣмъ на вершинѣ горы попадались сплошныя хвойныя насажденія; это были, кажется, лиственницы или кедры.

Насъ вскорѣ остановили, разставили на номера и стали заводить народъ. Густыя заросли, находившіяся передо мной, лишали меня возможности видѣть далѣе 20-ти шаговъ, но мѣсто было хорошее, и я надѣялся стрѣлять по звѣрю.

Наконецъ раздались крики, загонъ тронулся; я взвелъ курки и, притаивъ дыханіе, сталъ ждать, пристально вглядываясь въ чащу и прислушиваясь къ малѣйшему шороху. Вдругъ, сзади меня вдали раздался выстрѣлъ, и я услышалъ знакомый свистъ пули; затѣмъ, немного погодя, — еще и еще... Я хотѣлъ броситься къ Великому Князю, который стоялъ отъ меня въ 70-ти шагахъ, но въ это время хрустнули сухія вѣтви, и что-то большое черное полѣзло на меня изъ чащи. Охотничья страсть взяла верхъ, я замеръ и не сразу могъ разглядѣть, какой идетъ на меня звѣрь: что-то въ родѣ слона или бизона; и вдругъ, появляется передо мною во всей своей красотѣ огромный черный буйволъ! Мнѣ стало и обидно и смѣшно...

Дѣло въ томъ, что турки такъ поспѣшно бѣжали при приближеніи нашихъ войскъ, что рас-

пустили по лѣсамъ массу скота, который бродилъ безъ хозяевъ и почти одичалъ. Одинъ изъ подобныхъ полу-дикихъ экземпляровъ вышелъ теперь на меня. Съ буйволами я былъ уже хорошо знакомъ, такъ какъ въ Горномъ Студнѣ моя палатка была разбита по сосѣдству съ хлѣвомъ, и я сразу узналъ это полезное животное, которое такъ любятъ и цѣнятъ болгары.

Такъ въ тотъ загонъ я болѣе ничего и не видалъ. Когда мы сошлись къ Великому Князю, то причина выстрѣловъ, которые я слышалъ у себя въ тылу, объяснилась: тѣ жители, которые не согласились положить оружіе и ушли домой, желали вѣроятно испортить намъ охоту и стрѣляли по тѣмъ мѣстамъ, куда мы должны были итти для послѣдующихъ загоновъ.

Этотъ маневръ имъ, къ сожалѣнію, удался. Мы сдѣлали 4 или 5 загоновъ и только одному изъ насъ, ротм. Цурикову, удалось стрѣлять по стаду кабановъ, остальные не сдѣлали ни одного выстрѣла; за то мы вдоволь налюбовались дивною мѣстностью и вообще прекрасно провели время.

Однако надо было торопиться возвращеніемъ въ главную квартиру; мы вскорѣ послѣ полудня кончили охоту и поспѣшили въ Адріанополь, куда и прибыли часовъ въ 9 или 10 вечера.

ГЛАВА XIV.

Санъ-Стефано. Константинополь. Заключенiе мира. Возвращенiе въ Петербургъ.

По возвращенiи въ Адрiанополь, мы узнали, что на другой день, въ 7 ч. утра, должны уже быть на желѣзной дорогѣ; что лошади наши съ деньщиками ѣдутъ съ нами, а обозъ съ вещами будетъ отправленъ впослѣдствiи.

Вмѣсто отдыха, пришлось укладывать вьюки и отдавать приказанiя Максиму относительно его дальнѣйшаго передвиженiя. Въ 7 часовъ утра 11-го февраля я уже былъ на станцiи и самъ нагрузилъ своихъ 3-хъ лошадей; впопыхахъ я не успѣлъ выйти изъ товарнаго вагона, поѣздъ тронулся, и первый перегонъ я такъ и проѣхалъ.

Куда мы собственно направлялись, т. е. въ Санъ-Стефано или въ Константинополь, никто изъ насъ не зналъ: это хранилось въ тайнѣ.

«Не знаете-ли, куда мы ѣдемъ?» обратился я къ одному изъ генераловъ, состоявшихъ при Великомъ Князѣ.

«Знаю, душа моя, только одно, что ѣдемъ впередъ, но куда и какъ насъ будутъ принимать— цвѣтами или пулями, — совершенно неизвѣстно», отвѣчалъ шутливо генералъ.

Къ вечеру пріѣхали мы въ Чаталджу, гдѣ были встрѣчены почетнымъ карауломъ отъ 16-ой пѣхотной дивизіи и М. Д. Скобелевымъ, отъ котораго Великій Князь принялъ рапортъ. Это былъ нашъ передовой постъ,—въ нѣсколькихъ верстахъ оттуда уже находилась непріятельская цѣпь.

Вслѣдствіе недоразумѣнія или, быть можетъ умышленно, турки отказались пропустить нашъ поѣздъ далѣе, подъ тѣмъ предлогомъ, что они не имѣютъ распоряженія отъ Сераскиріата.

Тогда случился весьма интересный фактъ. Главнокомандующій позвалъ къ себѣ Намыкъ-пашу и объявилъ ему ультиматумъ: если поѣздъ не будетъ пропущенъ добровольно, то Онъ, Великій Князь, придетъ въ Константинополь съ боемъ. Паша немедленно телеграфировалъ объ этомъ Султану.

Часа 2 или 3 прождали мы въ Чаталджѣ и, наконецъ, получили отвѣтъ, что можемъ безпрепятственно продолжать движеніе. Главнокомандующій съ ограниченнымъ числомъ свиты двинулся впередъ и явился, такимъ образомъ, авангардомъ всей арміи.

12-го февраля утромъ прибыли мы въ Санъ-Стефано. Погода была чудная, было даже жарко,

пахло моремъ. Мы вышли изъ вагона и сѣли верхомъ; нѣсколько генераловъ, человѣкъ 10 офицеровъ и я, какъ дежурный, послѣдовали за Великимъ Княземъ. Мегметъ-Али-паша и Реуфъ-паша привѣтствовали Его Высочество, который милостиво протянулъ имъ руку и затѣмъ въѣхалъ въ Санъ-Стефано. Оба турецкіе главнокомандующіе пошли пѣшкомъ у стремени Великаго Князя, составляя тріумфальное шествіе на подобіе тѣхъ, какими римскій сенатъ награждалъ своихъ полководцевъ за одержанныя побѣды.

Мы прибыли, такимъ образомъ, на площадь, гдѣ Его Высочество остановился въ отведенномъ для Него домѣ, принадлежавшемъ нѣкоему армянину Дадіану.

Главнокомандующій вскорѣ отпустилъ пашей и отправился верхомъ полюбоваться видомъ на Константинополь. Яркое южное солнце красиво освѣщало мраморную лазурь моря. Масса зеленыхъ водорослей, которыя просвѣчиваютъ сквозь воду, дѣйствительно, оправдываютъ названіе этого моря: «Мраморнымъ». Вдали растилался Константинополь со множествомъ минаретовъ. Св. Софія была видна очень хорошо, и Его Высочество, который уже бывалъ въ Константинополѣ, указалъ мнѣ на этотъ древній Византійскій памятникъ; при этомъ Онъ снялъ шапку и перекрестился, всѣ послѣдовали Его примѣру. Наконецъ, довелось русской рати снова дойти до стѣнъ Царьграда. Такимъ

образомъ, завоеваніе было довершено мирнымъ путемъ, и только благодаря личной инициативѣ и энергіи Великаго Князя.

Возвращаясь въ Санъ-Стефано, мы наткнулись на турецкій кавалерійскій разъѣздъ, который еще не успѣлъ отступить до нашего пріѣзда; онъ отдалъ честь Великому Князю.

Каждый день, подъ видомъ почетнаго конвоя главнокомандующаго, стали подбывать наши войска, и вскорѣ вблизи Константинополя сосредоточились довольно внушительныя силы, которыя и заставили турокъ согласиться на всѣ условія Санъ-Стефанскаго мира.

Оставайся наша армія въ Адріанополѣ, еще надолго затянулись бы наши переговоры съ Портой.

Мы помѣстились съ Клайгельсомъ въ маленькомъ домикѣ, а лошадей намъ удалось пристроить въ конюшнѣ какого-то англичанина на берегу моря, откуда открывался дивный видъ. Между конюшней и взморьемъ былъ роскошный садъ, такъ что наши кони послѣ Богота попали какъ въ земной рай.

Въ день прибытія въ Санъ-Стефано, насъ предупредили, что Султанъ просилъ главнокомандующаго отпускать офицеровъ въ Константинополь не иначе, какъ въ статскомъ платьѣ, такъ какъ масса всякаго бѣглаго народа собралась въ городѣ, и полиція не въ силахъ предупредить могущіе

возникнуть безпорядки фанатизированной черни, при видѣ русскихъ офицеровъ въ формѣ.

Я узналъ, что Д. И. Скобелевъ I-ый съ нѣсколькими офицерами собирался въ Константинополь. Желая попасть вмѣстѣ съ ними, я пошелъ искать портнаго и нашелъ какого-то жида, у котораго купилъ готовое платье. Очень элегантно были мы одѣты. Напримѣръ: Дмитрій Ивановичъ былъ въ генеральскихъ чакчирахъ въ сапоги, полушубкѣ и мягкой пуховой шляпѣ — это называлось статскимъ платьемъ. Не лучше одѣлись и остальные офицеры, которыхъ нельзя было не узнать за версту по загорѣлымъ небритымъ лицамъ: мистификація была немыслима. Мы отправились по желѣзной дорогѣ и менѣе, чѣмъ черезъ часъ, были въ Константинополѣ. Съ вокзала мы пошли пѣшкомъ по мосту черезъ Золотой рогъ; множество каиковъ, беззвучно помахивая веслами, какъ чайки крыльями, сновали по этому рукаву Босфора. На улицахъ толпилась масса народу; всѣ смотрѣли на насъ съ большимъ любопытствомъ, но никакой непріязни не изъявляли. Съ какимъ наслажденіемъ мы зашли во французскій ресторанъ и по-европейски позавтракали — давно мы такъ не ѣли! Нашъ аппетитъ привелъ въ восторгъ француза повара. Затѣмъ, мы пошли смотрѣть достопримѣчательности города и очутились передъ дворцемъ «Долма Бахче».

«Господа, пойдемте смотрѣть дворецъ», сказалъ кто-то изъ насъ.

Всѣ охотно на это согласились и подошли къ воротамъ. У насъ спросили имена и предложили пообождать, такъ какъ должны были, какъ оказалось, доложить объ этомъ самому Султану. Узнавъ, вѣроятно, что между нами генералъ Скобелевъ, Повелитель правовѣрныхъ прислалъ немедленно своего адъютанта съ приказомъ дать намъ возможность все осмотрѣть. Насъ повели по дворцовымъ заламъ, убраннымъ весьма роскошно, по-европейски, за исключеніемъ нѣсколькихъ, въ которыхъ по восточному обычаю были только диваны. Затѣмъ, насъ пригласили въ аудіенцъ-залу, гдѣ обыкновенно принимаютъ пословъ, и просили сѣсть. Странно было видѣть въ подобной роскошной обстановкѣ наши ужасные маскарадные костюмы; я думаю, никогда ни ранѣе, ни послѣ насъ, эта зала не видала подобныхъ джентльмэновъ. Вскорѣ появилось цѣлое шествіе придворной прислуги въ роскошно расшитыхъ ливреяхъ съ кофе и трубками. Каждому изъ насъ подали маленькую золотую чашку, осыпанную драгоцѣнными камнями; затѣмъ, одинъ изъ негровъ подалъ трубку съ громаднымъ янтарнымъ мундштукомъ, украшеннымъ брилліантами, а другой, преклонивъ колѣно, зажегъ ее бумажнымъ фителемъ: все это было весьма чинно, съ достоинствомъ исполнено, и напоминало сцену изъ араб-

скихъ сказокъ. Затѣмъ, мы поблагодарили флигель-адъютанта за оказанную намъ честь и, вернувшись въ Санъ-Стефано, доложили объ этомъ Великому Князю.

17-го февраля было назначено отрядное ученіе всѣмъ войскамъ, сосредоточившимся близъ Константинополя. Это ученіе съ пальбой произвело страшный переполохъ между жителями, которые полагали, что мы намѣреваемся нарушить перемиріе. Носились слухи, что паши слишкомъ затягиваютъ переговоры и что этотъ маневръ былъ сдѣланъ, съ цѣлью принудить ихъ быть податливѣе. Наконецъ, мы узнали, что миръ будетъ объявленъ 19-го февраля, на парадѣ.

Къ 2-мъ часамъ дня всѣ войска были собраны на равнинѣ близъ Санъ-Стефано. Но хитрые и медленные во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ турки продолжали тянуть дѣло и не подписывали мира, увертываясь и придираясь къ мелочамъ. Такъ войска простояли подъ ружьемъ до 5-ти часовъ вечера. Всѣ были увѣрены, что если договоръ подписанъ не будетъ, то мы пойдемъ на Константинополь штурмомъ. Въ 6-мъ часу Великій Князь сѣлъ на коня и шагомъ направился къ войскамъ. На пути догналъ насъ, въ коляскѣ, ген.-адъютантъ Ник. П. Игнатьевъ и доложилъ Его Императорскому Высочеству, что миръ подписанъ. Великій Князь снялъ фуражку и перекрестился, что сдѣлали и всѣ присутствующіе.

Затѣмъ, главнокомандующій галопомъ поскакалъ къ войскамъ, которыя встрѣтили Его, какъ всегда, громкимъ, неумолкаемымъ ура. Великій Князь объѣхалъ ряды, остановился на серединѣ плаца, далъ знакъ рукою прекратить клики и скомандовалъ:

«Гг. офицеры, — ко мнѣ!»

Мигомъ густая толпа окружила главнокомандующаго, который произнесъ при этомъ слѣдующія знаменательныя слова:

«Господь помогъ намъ окончить святое дѣло и окончить его славно. Не себѣ Я это приписываю, а вамъ. Что вы храбры, это еще не ставлю вамъ въ заслугу, такъ какъ русскому человѣку присуще быть храбрымъ. Но, вы преодолѣли труднѣйшія препятствія, прославили тѣмъ себя на весь міръ и доказали на дѣлѣ, что лучше каждый изъ васъ ляжетъ, но выполнитъ возложенное на него приказаніе. Я это зналъ и потому ихъ и отдавалъ. Я въ васъ не ошибся! Я шапку передъ вами снимаю!»

При этомъ Великій Князь снялъ фуражку и наклонилъ голову до шеи лошади.

Въ отвѣтъ на эти милостивыя слова, какъ одинъ крикъ, вырвалось у всей собранной арміи ура, которое долго гремѣло и разносилось по окрестности. Окружавшіе главнокомандующаго офицеры пробовали даже поднять Его на руки съ конемъ. Солдаты надѣли шапки на штыки и потрясали ими, другіе бросали ихъ на воздухъ —

восторгъ былъ такой, что у многихъ навертывались слезы. Его Высочество объѣхалъ снова всѣ части, при неумолкаемыхъ восторженныхъ кликахъ. Затѣмъ, Онъ остановился на серединѣ, гдѣ былъ приготовленъ аналой, и ожидало духовенство въ полномъ облаченіи. Великій Князь нѣсколько разъ подавалъ знакъ прекратить ура, но съ большимъ трудомъ удалось офицерамъ остановить солдатъ и водворить, наконецъ, тишину.

«Помолимся же Господу Богу, даровавшему намъ побѣду надъ врагомъ», сказалъ Великій Князь».

«На молитву, шапки долой!» скомандовалъ Его Императорское Высочество, и начался молебенъ.

Когда протодіаконъ провозгласилъ: «паки и паки преклонше колѣна, Господу помолимся», и вся армія стала на колѣни, то не только турки, зрители, но даже англичане опустились и преклонили головы.

Послѣ провозглашенія многолѣтія «побѣдоносному Всероссійскому воинству», артиллерія салютовала и, по знаку Великаго Князя, всѣ шапки полетѣли вверхъ; снова грянуло ура и на этотъ разъ съ такою силою, что, я думаю, было слышно въ самомъ Константинополѣ.

Затѣмъ, войска построились къ церемоніальному маршу; не совсѣмъ стройно, но за то весело, дивнымъ, широкимъ, развязнымъ шагомъ проходили части. Это уже не былъ мирный смотръ:

прострѣленныя шинели, прожженныя на Балканахъ у костровъ, черныя небритыя лица: все носило слѣды недавнихъ лишеній и трудовъ. Но, несмотря на разорванную одежду и почти полное отсутствіе сапогъ, что это было за войско!... Съ этими героями можно было смѣло итти впередъ; черезъ 2 часа Царьградъ былъ бы нашъ, и передъ совершившимся фактомъ преклонилась бы удивленная Европа!

Вскорѣ намъ разрѣшили ѣздить въ Константинополь въ военной формѣ, и мы рѣдкій день пропускали, чтобы не побывать въ городѣ, хотя на малое время. Вопреки опасеніямъ Блистательной Порты, турки относились къ намъ весьма благодушно. Мы ходили всюду безъ револьверовъ; посѣщали въ одиночку самые глухіе закоулки Стамбула, и не было примѣра какого-либо оскорбленія или непріязненной выходки со стороны населенія.

Рестораны и кафе-шантанъ, съ отдѣльною комнатою для рулетки, открыли гостепріимныя двери нашему офицерству, которое искало случая истратить все полученное за кампанію жалованье, оставшееся цѣлымъ, такъ какъ положительно некуда было его издержать во время похода.

«Ich bin der kleine Postillon» насъ положительно преслѣдовало. Здѣсь, какъ и въ Плоэшти, его играли ежедневно во всѣхъ садахъ, кабакахъ и т. п. заведеніяхъ. Офицерство веселилось, но бе-

зобразій не было; трудно было только удержаться отъ столкновеній съ англичанами, офицерами въ статскомъ платьѣ, которые держали себя вызывающе и крайне нахально.

Однако всѣ эти развлеченія вскорѣ порядочно намъ надоѣли. Когда же домой? думалось каждому изъ насъ. Разнесся слухъ, что вскорѣ прибудетъ ген. Тотлебенъ, приметъ отъ Великаго Князя командованіе, и мы вернемся въ Петербургъ.

14-го марта состоялось свиданіе главнокомандующаго съ Султаномъ. Уже давно объ этомъ поговаривали, но вѣроятно особыя дипломатическія соображенія заставляли оттягивать это посѣщеніе.

Намъ было приказано одѣть, въ первый разъ за всю войну, полную парадную форму, буде таковая еще имѣлась на лицо. Каждый изъ насъ пріодѣлся, пообчистился, и такимъ образомъ свита Его Высочества приняла должный блистательный видъ.

При отличной погодѣ, на «Ливадіи» и «Константинѣ» тронулись мы изъ Санъ-Стефано, прошли мимо турецкихъ броненосцевъ, стоявшихъ у входа въ Босфоръ, и бросили якорь противъ «Долма-Бахче». Великій Князь высадился съ Его И. В. Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ и нѣсколькими генералами въ «Долма-Бахче» и былъ принятъ въ этомъ дворцѣ Султаномъ съ особою торжественностью. Тѣмъ временемъ вся остальная свита, которая была очень

велика, такъ какъ въ ней находились всѣ начальники частей, переѣхала напротивъ, на азіатскій берегъ, въ бѣлый мраморный дворецъ «Бейлербей», предоставленный въ распоряженіе Его Императорскаго Высочества для принятія Султана въ отвѣтной аудіенціи. Туда прибылъ съ нами почетный караулъ отъ гвард. флотскаго экипажа со знаменемъ и хоромъ музыки, и сталъ правымъ флангомъ къ Босфору у входа во дворецъ. Противъ него расположился турецкій почетный караулъ изъ дворцовой роты и пажей Султана.

Вскорѣ на военномъ катерѣ причалилъ къ пристани Великій Князь.

«Смирно, на плечо! слушай, на кра-улъ!» раздалась русская команда.

«Асъ-дуръ, селямъ-дуръ!» скомандовали турки и отдали одновременно честь.

Главнокомандующій поздоровался съ моряками, обошелъ ряды обоихъ карауловъ, затѣмъ прослѣдовалъ во дворецъ, гдѣ выбралъ залу для пріема, и вскорѣ вернулся на пристань, чтобы встрѣтить Султана съ подобающими почестями.

Спустя минутъ пять, плавно причалилъ къ «Бейлербею» катеръ краснаго дерева съ золоченой рубкой. По личной командѣ Великаго Князя, оба караула и русскій и турецкій отдали честь; наша музыка заиграла походъ.

Султанъ, маленькаго роста, худощавый человѣкъ, въ черномъ однобортномъ суконномъ сюр-

тукѣ, съ бриллiантовыми звѣздами на груди, въ красной фескѣ, высадился на берегъ и рядомъ съ нашимъ Великимъ Княземъ направился къ парадному дворцовому крыльцу.

Величественная осанка главнокомандующаго какъ будто конфузила Повелителя правовѣрныхъ, который смотрѣлъ на все какимъ-то потухшимъ взоромъ.

Проходя мимо свиты, Его Высочество представилъ всѣхъ насъ Султану, причемъ Абдулъ Гамидъ прикладывалъ по восточному обычаю руку къ груди и ко лбу. Мы были удивлены своеобразнымъ турецкимъ придворнымъ этикетомъ. Когда Султанъ подымался съ Великимъ Княземъ по лѣстницѣ, то впереди Нихъ шелъ задомъ церемонiймейстеръ, ни разу не смѣя повернуться спиной къ своему повелителю; вѣроятно долго надо практиковаться въ подобной эквилибристикѣ, чтобы не споткнуться и не упасть. Аудiенцiя продлилась минутъ двадцать. Султанъ, какъ оказалось, никакъ не ожидалъ такого радушнаго, блестящаго прiема и былъ совершенно очарованъ любезностью Великаго Князя.

На обратномъ слѣдованiи къ пристани, Его Величество былъ замѣтно веселѣе. Когда онъ вернулся на свой катеръ, то вѣроятно Ему жаль стало разставаться такъ скоро съ Великимъ Княземъ. Онъ вышелъ изъ своей рубки и, вопреки намѣ-

ченному церемоніалу, просилъ главнокомандующаго сѣсть съ нимъ на катеръ.

«Съ большою охотою», отвѣчаль Великій Князь: «Николаша», обратился Онъ къ Сыну, «садись со мной; Дерфельденъ, и ты тоже», добавилъ Его Высочество дежурному адъютанту.

Итакъ, побѣдитель и побѣжденный поплыли вмѣстѣ по Босфору въ знакъ полнаго примиренія.

Вслѣдъ за тѣмъ «Константинъ» взялъ начальниковъ частей и почетный караулъ и ушелъ обратно въ Санъ-Стефано. «Ливадія» осталась на якорѣ въ Золотомъ Рогѣ, и на ней ночевалъ Великій Князь съ частью свиты, а остальнымъ было разрѣшено провести ночь въ Константинополѣ. На слѣдующій день главнокомандующій осматривалъ конюшни Султана, причемъ получилъ въ подарокъ семь чудныхъ арабскихъ жеребцовъ.

Великій Князь, большой знатокъ и любитель лошадей, долго и внимательно смотрѣлъ на выводку. Оттуда, въ парадной коляскѣ Султана, Его Высочество прослѣдовалъ на завтракъ къ Германскому посланнику князю Рейссу, а послѣ ѣздилъ на могилу Султана Абдулъ-Азиса, съ которымъ былъ лично знакомъ со времени путешествія въ Іерусалимъ, еще задолго до войны.

На турокъ произвело отрадное впечатлѣніе, что Великій Князь, несмотря на то, что явился въ Константинополь побѣдителемъ, такъ сердечно

отнесся къ праху покойнаго Султана. Онъ снискалъ къ себѣ этимъ общее уваженіе мусульманъ.

Я забылъ сказать, что со времени взятія Адріанополя все турецкое населеніе поднялось и, съ семействами и имуществомъ, бѣжало въ Константинополь. Ихъ размѣстили по всѣмъ мечетямъ и ежедневно переправляли большими партіями на азіатскій берегъ; но всетаки трудно было лѣнивымъ, неповоротливымъ турецкимъ чиновникамъ справиться съ такою массою голоднаго народа.

Блистательная Порта обратилась къ Великому Князю съ просьбою дозволить этимъ бѣглецамъ возвратиться обратно на свои мѣста. Его Высочество изъявилъ на то согласіе, и была составлена особая комиссія, въ которую вошли съ нашей стороны: драгоманъ Н. Д. Макѣевъ, одинъ чиновникъ отъ гражд. управленія Болгаріи Оленинъ и я, какъ докладчикъ главнокомандующаго и военный агентъ, а со стороны турокъ: Саликъ-паша, Насухи-бей, Оханесъ-ефенди и Насибъ-ефенди.

Съ этой коммиссіей я провозился съ 1-го по 15-ое апрѣля. Не буду описывать всѣхъ скучныхъ подробностей нашихъ ежедневныхъ засѣданій; я имѣлъ возможность познакомиться при этомъ съ турецкими пріемами администраціи: они такъ томительно вялы и медленны, что просто выводили иногда изъ терпѣнія. Мы собирались то въ Санъ-Стефано, то въ Константинополѣ; намъ удалось, наконецъ, наладить это дѣло довольно хорошо,

и ежедневно стали отправлять на родину цѣлые поѣзда и транспорты этихъ несчастныхъ бѣглецовъ.

Однажды Макѣевъ передалъ намъ приглашенiе къ обѣду отъ имени Саликъ-паши, который жилъ въ Скутари, въ собственной роскошной виллѣ. Мы съ большимъ удовольствiемъ согласились на любезное предложенiе и были рады случаю попробовать настоящей турецкой кухни.

Обѣдъ былъ назначенъ въ 4 часа, и мы съ Оленинымъ аккуратно прiѣхали за Макѣевымъ, въ помѣщенiе Русскаго консульства въ Константинополѣ.

«Что вы такъ рано?» встрѣтилъ насъ Н. Д.: «да это невозможно! По-восточному обычаю прiѣзжать обѣдать въ назначенный часъ — верхъ безтактности; мы должны опоздать, по крайней мѣрѣ, на часъ или полтора: чѣмъ важнѣе гости, тѣмъ они должны долѣе заставить себя ждать».

Почтенный драгоманъ былъ большой знатокъ Востока, мы ему безусловно подчинились и просидѣли въ зданiи консульства чтобы набраться должной важности. Каикъ перевезъ насъ на азiатскiй берегъ. Красиво рисовалась башня Леандра; грацiозно рѣзвились на водѣ дельфины, выскакивая иногда совершенно на воздухъ; была дивная погода.

Всякiй разъ, какъ приходилось переѣзжать Босфоръ, невольно брало раздумье: неужели это

благодатное мѣсто никогда не будетъ въ нашихъ рукахъ?!

Мы высадились на берегъ и были встрѣчены людьми паши, которые опрометью бросились бѣжать въ гору, чтобы предупредить о нашемъ прибытіи. Черезъ 5 минутъ мы уже были у гостепріимнаго хозяина. Столъ былъ сервированъ поевропейски, но за то составъ обѣда былъ совершенно турецкій: блюдъ была масса, рисъ фигурировалъ во всѣхъ видахъ; какъ особое лакомство подавали молодого, почти новорожденнаго, жаренаго барашка, который былъ удивительно нѣженъ и вкусенъ.

Весьма радушно, чисто по-восточному, насъ угощали, но обѣдъ тянулся невозможно долго — мы просидѣли за столомъ часа два; бесѣда велась на французскомъ языкѣ; Оханесъ-ефенди изъяснялся на немъ довольно хорошо, а Н. Д. служилъ намъ переводчикомъ для разговоровъ съ Саликъ-пашей, который былъ истый турокъ стараго закала и ни слова ни на одномъ языкѣ, кромѣ родного, не говорилъ.

15-го апрѣля, въ Страстную субботу, прибылъ въ главную квартиру ген.-адъют. Тотлебенъ. Въ этотъ день, вечеромъ, Великій Князь получилъ телеграмму отъ Государя, съ извѣстіемъ о возведеніи Его въ званіе фельдмаршала.

Въ маленькой греческой церкви встрѣтили мы Свѣтлый праздникъ. Заутреню совершалъ грече-

скій архіерей въ сослуженіи съ духовникомъ Великаго Князя, пѣлъ хоръ походныхъ пѣвчихъ. Во время крестнаго хода мы, адъютанты и ординарцы, несли образа; бѣлая хоругвь главнокомандующаго съ надписью: «Съ нами Богъ» входила въ составъ шествія.

Торжественно раздалось пѣніе «Христосъ Воскресе» почти подъ стѣнами Царьграда, въ виду Св. Софіи. Послѣ обѣдни Великій Князь христосовался со всѣмъ штабомъ, и затѣмъ мы весело разгавлялись. Носились слухи, что мы завтра или послѣзавтра уѣзжаемъ въ Петербургъ. Я прошу извиненія, что часто употребляю выраженіе: «носились слухи»; оно понятно только тому, кто бывалъ самъ въ свитѣ: никогда ничего положительнаго неизвѣстно, всегда все остается въ формѣ предположенія, а затѣмъ рѣшеніе выходитъ вдругъ, внезапно, и вотъ причина, почему приходится все время быть на чеку.

Дѣйствительно, на слѣдующій день намъ было объявлено, что 17-го апрѣля мы отправимся на «Эрекликѣ» въ Одессу, а главнокомандующій выйдетъ вслѣдъ за нами нѣсколькими часами позже на «Ливадіи» съ начальникомъ штаба и адъютантами. Я побѣжалъ прощаться съ товарищами по комиссіи и въ хлопотахъ не попалъ на смотръ всей арміи, который происходилъ 17-го апрѣля близъ Санъ-Стефано. На этомъ парадѣ войска прощались со своимъ главнокомандующимъ; кар-

тина, какъ говорили очевидцы, была въ высшей степени трогательна; войска горячо любили Великаго Князя, и воодушивленіе было таково, что произвело на всѣхъ присутствующихъ неизгладимое впечатлѣніе. На суровыхъ, загорѣлыхъ лицахъ Балканскихъ и Плевненскихъ героевъ блистали слезы.

Въ тотъ день я чуть не утонулъ въ Мраморномъ морѣ. Возвращаясь отъ Саликъ-паши домой, я увидѣлъ на набережной товарища ротмистра Бенкендорфа.

«Куда ты ѣдешь?» обратился я къ нему, когда тотъ садился въ каикъ, дожидавшій его у пристани.

«Да вотъ, хочу посмотрѣть отведенныя для насъ каюты на Эреклике, поѣдемъ вмѣстѣ?» отвѣчалъ онъ мнѣ.

Я поспѣшилъ воспользоваться его предложеніемъ и спрыгнулъ въ каикъ.

«Ну, это напрасно ты такъ прыгаешь», замѣтилъ Бенкендорфъ, любитель морскаго и рѣчнаго спорта: «продавишь, пожалуй, дно».

Затѣмъ мы отвалили; четыре сильныхъ турка налегли на весла, и мы стали скользить по морю, направляясь къ пароходу, который стоялъ на якорѣ почти въ верстѣ отъ берега.

Вдругъ наши гребцы начали съ безпокойствомъ болтать по своему, стараясь намъ что-то объяс-

нить. Оказалось, что я, дѣйствительно, продавилъ шпорой дно каика, и онъ сталъ наполняться водой.

Мы велѣли немедленно повернуть къ берегу и еле успѣли добраться; каикъ затонулъ уже на мелкомъ мѣстѣ.

17-го вечеромъ мы покинули Санъ-Стефано. Максимъ отправился со мною, а Тычинскій съ лошадьми долженъ былъ слѣдовать вмѣстѣ съ лошадьми Великаго Князя.

Мы бросили якорь въ Константинополѣ, взяли какія-то бумаги изъ нашего консульства и затѣмъ поплыли по Босфору.

Этотъ проливъ, окаймленный съ обѣихъ сторонъ горами, покрытыми роскошной растительностью, въ которой бѣлѣютъ загородные дворцы и виллы всего знатнаго населенія Константинополя, дѣйствительно, оправдываетъ свою репутацію красоты. Я много путешествовалъ по Европѣ, бывалъ на Рейнѣ, но живописнѣе ничего не видалъ.

Вскорѣ прошли мы рядъ турецкихъ укрѣпленій, защищающихъ входъ въ Босфоръ, и вышли въ открытое море. Была чудная, тихая погода. «Эрекликъ», плавно покачиваясь, понесъ насъ къ берегамъ Россіи. Насъ ѣхало человѣкъ 14 ординарцевъ, мы сжились во время похода, было что вспомнить, много разъ бывали вмѣстѣ въ разныхъ передѣлкахъ. Это путешествіе не было похоже на то, какъ мы ѣхали въ Кишиневъ. Разговоръ

и тутъ не умолкалъ, но это были все воспоминанія, все быль, а уже не плоды фантазіи.

«Бойцы вспоминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они»,

не преминулъ ввернуть Евреиновъ.

У насъ составился уже давно офицерскій хоръ, и послѣ обѣда долго разносились по морю наши пѣсни. Мы привезли съ собой громадный репертуаръ чисто военныхъ пѣсенъ, который впослѣдствіи съ успѣхомъ замѣнилъ массу фабричныхъ сочиненій, которыя пѣвались въ войскахъ.

Меня предупреждали, что лихорадка моя вернется, если я поѣду по водѣ. Я объ этомъ забылъ, такъ какъ уже 5-й мѣсяцъ былъ совсѣмъ здоровъ.

Къ вечеру я почувствовалъ головную боль, приписалъ ее усталости и легъ спать ранѣе другихъ; но это оказался приступъ лихорадки, который меня свалилъ разомъ съ ногъ. Я промучился всю ночь. Поутру, благодаря заботамъ товарищей, меня перевезли съ парохода прямо въ свитскій вагонъ на станцію желѣзной дороги.

Я слышалъ, какъ во снѣ, восторженное ура, которое провожало главнокомандующаго. Такъ провалялся я два дня и только послѣ Бреста вышелъ изъ вагона.

«Ну что, Володя?» обратился ко мнѣ Великій Князь: «и ты сегодня вылѣзъ; однако ты порядочно похудѣлъ».

Болгарская лихорадка имѣетъ удивительное свойство въ одинъ день такъ перевернуть весь организмъ, что походишь на человѣка, только что перенесшаго самую тяжелую болѣзнь.

22-го апрѣля прибыли мы въ Петербургъ. Я вернулся въ полкъ; а затѣмъ, 28-го ноября 1878 года имѣлъ счастіе быть назначеннымъ адъютантомъ къ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу Старшему.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

			Стран.
Глава	I.	Отъѣздъ изъ Петербурга.—Кишиневъ .	1
Глава	II.	Плоэшти	12
Глава	III.	Переправа	23
Глава	IV.	Первый бивуакъ на непріятельской землѣ. Тырново. Первая дальняя командировка.	30
Глава	V.	Штурмъ Никополя	40
Глава	VI.	Плевна 8-го и 18-го іюля	65
Глава	VII.	Шипка	108
Глава	VIII.	Подъ Плевной съ 25-го по 31-ое августа.	123
Глава	IX.	Горный Студень. Боготъ. Плевненское сидѣніе	137
Глава	X.	Взятіе Плевны	156
Глава	XI.	Выступленіе изъ Богота. Ловча. Габрово. Казанлыкъ	177
Глава	XII.	Изъ Казанлыка въ Филиппополь . . .	185
Глава	XIII.	Адріанополь. Заключеніе перемирія . .	203
Глава	XIV.	Санъ-Стефано. Константинополь. Заключеніе мира. Возвращеніе въ Петербургъ.	219

-x-x-x Дорога по которой произведена рекогносцировка.

10. 8. 6. 4. 2. 0. 10. 20. 30 верстъ.

Карта части театра военныхъ дѣйствій въ Европейской Турціи въ 1877мъ году.
АДРІАНОПОЛЬ (Главн. гор. вилаэта) или съ нас. свыше 50000.
ВАРНА (Главн. гор. санджака) от 20000 до 50000.
РАДОМИРЪ (Главн. гор. Казы) 5000 — 20000.
Мѣстечко или большое селеніе (меньше 5000.)
734. Означ. высоты надъ уровнемъ моря въ футахъ
Дорога желѣзная отстроенная (со станціею)
желѣзная строющаяся
шоссейная
колесная, торная
вьючная
пѣшая
Станція почтовая
БОЛГАРІЯ
РУЩУКЪ
НИКОПОЛЬ
СИСТОВА
ПЛЕВНА
ЛОВЧА
СЕЛЬВИ
ТЫРНОВО
ДРАНОВА
ГАБРОВА
ТРОЯНЪ
Путь отъ Никополя до Тырнова.
изъ Плевны 19го Іюля черезъ Самоводу въ Бѣлу.
Масштабъ 1/420000.
10. 5. 0. 10. 20. 30 верстъ.

ШИПКИНСКІЯ ПОЗИЦІИ.

ПРИЛОЖЕН. КЪ ГЛАВѢ 7.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ГЛАВѢ 12.

КАЗАНЛЫКЪ—ФИЛИППОПОЛЬ.

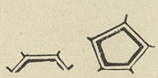
Масштабъ.

5. 4. 3. 2. 1. 0. 5. 10 верстъ.

ПЛАНЪ
ОКРЕСТНОСТЕЙ
Г. НИКОПОЛЯ.
Масштабъ 500 саж. въ дюймѣ.
500. 400. 300. 200. 100. 0. 1. 2 версты.
Цыфры означаютъ высоты
надъ уровнемъ моря въ сажен.
ФЛАМУНДА
Р. ДУНАЙ
НИКОПОЛЬ
САМОВИДЪ
ЧЕРНОВИЦА
ЕРМИНИ
Р. ВИДЪ
ШАМЛЫ
РОСМА
ДЖЕРНУСЕЛО
ВУБЕ
МИСЫЛЕУ
ГРАДЕШТИ
СЛАТИНА
РОСМА
МАРХОВИЦА
ДЕБО

ПЛАНЪ
ОКРЕСТНОСТЕЙ
Г. ПЛЕВНО
ДЕМИРКІОЙ
БИВОЛАРЪ
ГОР. МЕТРОПОЛІЯ
ДОЛ. МЕТРОПОЛІЯ
ОПАНЕЦЪ
БУКОВЛЕКЪ
ДОЛЬН. ДУБНИКЪ
ТРИНА
ПЛЕВНО
ГРИВИЦА
ВЕРБИЦА
КОЮЛОВЦЫ
КРИШИНЪ
РАДИШЕВО
КАРГУЖАВЕНЪ
ЖЕДЕВАНЪ
БЕБЕЛИ
ЛЕТЕРНИЦА
БРЕСТОВЕЦЪ
УЧИНЪ ДОЛЪ
ТУЧЕНИЦА
КАРАГУЙ
БОГОТЪ
РАЛЕВО
ПОРАДИМЪ
ПЕЛИШАТЪ
ВОЛЧЕТРОНЪ

Объясненія условныхъ знаковъ означающихъ укрѣпленія, нанесенныя на планѣ окрестностей Плевны:

 укрѣпленія русскія и румынскія,

 укрѣпленія турецкія.

Объя [illegible] начающихъ укрѣплен [illegible] рестностей Плевны: [illegible]

[illegible] нскія,

10 р

1500218760

82 / 85